

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ТЕРРИТОРИЙ РАН

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

1 (19) 2012

**Журнал выходит по решению руководителей экономических институтов РАН:
Северо-Западного федерального округа**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уральского отделения РАН (Республика Коми)

Институт экономики Карельского научного центра РАН (Республика Карелия)

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН
(Мурманская область)

Институт социально-экономического развития территорий РАН (Вологодская область)

руководства Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического
университета

других регионов РФ

Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН
(Республика Башкортостан)

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля
2010 года №6/6 журнал включён в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публи-
кации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Редакционный совет:

академик РАН **В.Л. Макаров** (Москва, Россия)

академик РАН **В.В. Ивантер** (Москва, Россия)

академик РАН **В.В. Окрепилов** (Санкт-Петербург, Россия)

академик НАН Беларуси **П.А. Витязь** (Минск, Беларусь)

академик НАН Беларуси **П.Г. Никитенко** (Минск, Беларусь)

член-корреспондент РАН **В.Н. Лаженцев** (Сыктывкар, Россия)

проф. **Ж. Сапир** (Париж, Франция)

д.э.н., проф. **С.Д. Валентей** (Москва, Россия)

д.э.н., проф. **Д.А. Гайнанов** (Уфа, Россия)

д.э.н., проф. **В.А. Ильин** (Вологда, Россия)

проф. **М. Кивинен** (Хельсинки, Финляндия)

д.с.н., проф. **И.В. Котляров** (Минск, Беларусь)

д.э.н., проф. **С.В. Кузнецов** (г. Санкт-Петербург, Россия)

д.э.н., проф. **Ф.Д. Ларичкин** (Апатиты, Россия)

д.т.н., проф. **А.В. Путилов** (Москва, Россия)

д.т.н. **Ю.Я. Чукреев** (Сыктывкар, Россия)

д.т.н., проф. **А.И. Шишкин** (Петрозаводск, Россия)

доктор, проф. **Чжан Шухуа** (Пекин, Китай)

проф. **У Эньюань** (Пекин, Китай)

Главный редактор – В.А. Ильин

Редакционная коллегия:

д.э.н., проф. Л.А. Аносова

д.э.н., проф. А.Г. Воробьёв, д.э.н., проф. Е.С. Губанова

к.и.н. К. А. Гулин (зам. главного редактора)

к.э.н. К.А. Задумкин, к.э.н. Г.В. Леонидова

к.э.н. М.Ф. Сычёв (зам. главного редактора)

к.э.н. С.В. Терехова, д.э.н. Т.В. Ускова, д.э.н. А.А. Шабунова

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES OF RAS

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

1 (19) 2012

The journal is published according to the decision of RAS economic institutions' administration in the North-West federal district

Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North
Komi scientific centre of the Ural RAS department (Komi Republic)

Institute of Economics of Karelian scientific centre of RAS (Karelia Republic)

G.P. Luzin Institute of Economic Problems of Kola scientific centre of RAS (the Murmansk region)

Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS (the Vologda region)

and according to the decision of St. Petersburg State University of Engineering and Economics administration

and other RF regions

Institute of Social and Economic Research of Ufa Science Centre of RAS (Bashkortostan Republic)

The decision of Presidium of the Higher Attestation Commission of the Russian MES (№6/6, dated 19.02.2010) the journal is included in the list of leading scientific editions, recommended for publication of the main results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences.

Editorial council:

RAS academician **V.L. Makarov** (Moscow, Russia)

RAS academician **V.V. Ivanter** (Moscow, Russia)

RAS academician **V.V. Okrepilov** (St. Petersburg, Russia)

Belarus NAS academician **P.A. Vityaz** (Minsk, Belarus)

Belarus NAS academician **P.G. Nikitenko** (Minsk, Belarus)

RAS corresponding member **V.N. Lazhentsev** (Syktyvkar, Russia)

Professor **J. Sapir** (Paris, France)

Doctor of Economics, professor **S.D. Valentey** (Moscow, Russia)

Doctor of Economics, professor **D.A. Gaynanov** (Ufa, Russia)

Doctor of Economics, professor **V.A. Ilyin** (Vologda, Russia)

Professor **M. Kivinen** (Helsinki, Finland)

Doctor of Sociology, professor **I.V. Kotlyarov** (Minsk, Belarus)

Doctor of Economics, professor **S.V. Kuznetsov** (St. Petersburg, Russia)

Doctor of Economics, professor **F.D. Larichkin** (Apatity, Russia)

Doctor of Technics, professor **A.V. Putilov** (Moscow, Russia)

Doctor of Technical Sciences **Yu.Ya. Chukreev** (Syktyvkar, Russia)

Doctor of Technics, professor **A.I. Shishkin** (Petrozavodsk, Russia)

Doctor, professor **Zhang Shuhua** (Beijing, China)

Professor **Wu Enyuan** (Beijing, China)

Chief editor – V.A. Ilyin

Editorial board:

Doctor of Economics, professor L.A. Anosova

Doctor of Economics, professor A.G. Vorobyov

Doctor of Economics, professor E.S. Gubanova

Ph.D. in History K.A. Gulin (deputy chief editor)

Ph.D. in Economics K.A. Zadumkin

Ph.D. in Economics G.V. Leonidova

Ph.D. in Economics M.F. Sychev (deputy chief editor)

Ph.D. in Economics S.V. Terebova

Doctor of Economics T.V. Uskova, Doctor of Economics A.A. Shabunova

Opinions presented in the articles can differ from the editorial board's point of view

Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Ильин В.А.</i> К итогам политического цикла	9
--	---

ГОСУДАРСТВО И ЭКОНОМИКА

<i>Губанов С.С.</i> Вероятна ли мировая рецессия-2012?	17
--	----

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

<i>Фадеев А.М., Череповицын А.Е., Ларичкин Ф.Д.</i> Устойчивое развитие нового добывающего региона при реализации нефтегазовых проектов на шельфе Арктики	27
<i>Бабич Л.В., Леонидова Г.В.</i> Частно-государственное партнерство в образовании: модель управления человеческим капиталом	39

ОТРАСЛЕВАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Иванов В.А.</i> Устойчивое развитие аграрного сектора зоны Севера: состояние, факторы, направления	51
<i>Печаткин В.В.</i> Формирование и развитие кластеров в регионах России: ключевые проблемы и пути их решения (на примере Республики Башкортостан)	68

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

<i>Шабунова А.А.</i> Социокультурный портрет региона в контексте изменений 2008 – 2010 гг.	77
<i>Торопушина Е.Е.</i> Приоритеты политики в сфере охраны здоровья северного региона	90

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

<i>Куриков В.М., Бессонова Т.Н.</i> Обоснование приоритетов развития регионального нефтегазового комплекса	100
<i>Туинова С.С.</i> Проблемы и возможности непрерывного образования в области энергоэффективности и новой энергетики	108

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

<i>Аветисян И.А.</i> Бюджетный процесс как инструмент управления государственными и муниципальными финансами	121
<i>Печенская М.А., Ускова Т.В.</i> Актуальные вопросы совершенствования межбюджетных отношений в системе местного самоуправления	136

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

<i>Чапаргина А.Н.</i> Влияние инвестиционной подсистемы на социально-экономическое развитие региона	147
<i>Воротникова Н.С.</i> Опыт финансирования народного образования во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Вологодской губернии)	156

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

<i>Безнин М.А., Димони Т.М.</i> Победа капитализма в России: история и мифы	163
Summary	168
Сведения об авторах	172
Требования к оформлению статей	176
Информация о подписке	181

CONTENT

FROM THE CHIEF EDITOR

<i>Ilyin V.A.</i> To the political cycle results	9
--	---

STATE AND ECONOMY

<i>Gubanov S.S.</i> Is the global recession possible in 2012?.....	17
--	----

DEVELOPMENT STRATEGY

<i>Fadeev A.M., Cherepovitsyn A.E., Larichkin F.D.</i> Sustainable development of a new extractive region in the oil and gas project activity on the Arctic shelf	27
<i>Babich L.V., Leonidova G.V.</i> Private public partnership in education: a model of human capital management	39

BRANCH-WISE AND REGIONAL ECONOMY

<i>Ivanov V.A.</i> Sustainable agricultural sector development of the North zone: state, factors, directions	51
<i>Pechatkin V.V.</i> Formation and development of clusters in Russian regions: key issues and solutions (Republic of Bashkortostan)	68

SOCIAL DEVELOPMENT

<i>Shabunova A.A.</i> Social and cultural portrait of the region in the context of changes during 2008 – 2010	77
<i>Toropushina E.E.</i> Policy priorities in the health protection sector of a Northern region	90

INNOVATION DEVELOPMENT

- Kurikov V.M., Bessonova T.N.* Substantiation of the priorities of the regional oil-and-gas complex development 100
- Touinova S.S.* Challenges and opportunities of lifelong learning in the field of energy efficiency and new energy 108

PUBLIC FINANCE

- Avetisyan I.A.* The budget process as a tool for managing the public and municipal finances 121
- Pechenskaya M.A., Uskova T.V.* Topical issues of the improvement of intergovernmental dealings in the system of local government 136

YOUNG RESEARCHERS

- Chapargina A.N.* Influence of investment subsystem on the region's socio-economic development 147
- Vorotnikova N.S.* The practice of national education financing in the second half of the XIX century – the beginning of the XX century (based on the materials of the Vologda province) 156

DISCUSSION TRIBUNE

- Beznin M.A., Dimony T.M.* The victory of capitalism in Russia: history and myths 163
- Summary 168
- Promotion about authors 172
- Requirements to manuscripts 176
- Information about subscription 181

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

К итогам политического цикла

Владимир Александрович ИЛЬИН

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор ИСЭРТ РАН
ilin@vscc.ac.ru

В предшествующем номере нашего журнала подводились краткие итоги выборов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва¹, которые состоялись 4 декабря 2011 года.

Партия власти «Единая Россия» потеряла 12 млн. голосов избирателей. Имея в пятой Думе конституционное большинство (315 депутатских мандатов из 450), партия с огромным трудом получила только 238 мандатов, что всего на 12 мандатов перекрывает простое большинство думского состава.

Конституционное большинство депутатов Госдумы РФ пятого созыва оказалось глухим к предложениям трех других парламентских партий, экспертного сообщества, гражданского общества провести ряд политических и экономических мер, направленных на обуздание олигархических правил в экономике, разрушение коррупционных связей между чиновниками, силовыми структурами и представителями крупного бизнеса. По мнению ряда экспертов², своевременное принятие Государственной Думой решений по данным проблемам позволило бы увеличить бюджет до двух раз, что дало бы возможность резко сократить социальное расслоение и сделать серьезный шаг к решению проблемы социальной справедливости.

Почему же правящая элита и ее представители в парламентской фракции «Единой России» не делали этих очевидных шагов?

Один из известных экспертов так характеризует эту ситуацию: «Бюрократическая монополизация российской экономики приняла глобальные масштабы. Высшая бюрократия приобрела олигархический характер, возвышаясь над обществом в силу не только статусных привилегий, но и размеров состояний. Бюрократы-олигархи контролируют целые отрасли промышленности, уходят от многих требований рыночной экономики, осуществляют монополистический диктат.

¹ Ильин В.А. От главного редактора // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – №6(18). – С. 10.

² Выступление Иноземцева В.Л. на телеканале «Культура» в программе В. Третьякова «Что делать?» от 18.09.2011 г.

В то же время выявляется сильная ограниченность их способности повышать экономическую и социальную эффективность производства, осуществлять инновации и добиваться расширения позиций на внешних рынках. Очевидна узость их организационно-менеджерских и интеллектуальных потенциалов»³.

На страницах нашего журнала мы неоднократно приводили примеры влияния интересов крупных собственников на национальное и региональное развитие⁴.

Правительство и Государственная Дума многие годы не создавали эффективных механизмов противодействия олигархическим структурам в экономике, что приводит к серьезным потерям для федерального и особенно для регионального бюджетов.

По результатам анализа, выполненного в ИСЭРТ РАН, ориентировочная сумма расчетных налоговых платежей только по трем предприятиям черной металлургии за 2008 – 2010 гг., которая могла бы пополнить бюджеты всех уровней, оценивается в 42,5 млрд. рублей (*таблица*).

В циклах статей кандидата в Президенты РФ В.В. Путина в средствах массовой информации по всему спектру системных проблем развития страны до 2020 года обращается внимание на реальные оценки перемен в экономике страны за период 1991 – 2011 гг.:

«Фактически мы пережили масштабную деиндустриализацию. Потерю качества и тотальное упрощение структуры производства. Отсюда крайне высокая зависимость от импорта потребительских товаров,

Налоговые доходы, не полученные федеральным и территориальными бюджетами с трёх предприятий чёрной металлургии за 2008 – 2010 гг.*				
Факторы уменьшения налогооблагаемой базы	Неполученные налоговые доходы, млрд. руб.			
	Федеральный бюджет	Бюджет Вологодской области	Бюджет Челябинской области	Бюджет Липецкой области
Недополученная выручка от экспортных продаж по ценам ниже мировых	5,0	5,6	14,5	н/д
Списание на убытки резервов под обесценение финансовых вложений и долгов иностранных предприятий	1,1	10,1	0	0
Расходы по уплате процентов за пользование кредитами и займами	0,4	2,0	0,5	0,8
Заниженная ставка налога на дивиденды	0	1,2	0,4	0,9
Итого	6,5	18,9	15,4	1,7

* По данным сайтов ОАО «Северсталь» (http://www.severstal.com/rus/ir/disclosers/financial_reports/index.phtml), ОАО «ММК» (<http://www.mmk.ru/forinvestor/financialstatements/dynamics/>) и ОАО «НЛМК» (<http://www.lipetsk.nlmc.ru/about/figures/financial/quarter/>).

³ Микульский К. Модернизация российской экономики: необходимость и возможность // Общество и экономика. – 2011. – №11-12. – С. 5-19.

⁴ На страницах нашего журнала в 2011 г. исследованию влияния интересов собственников металлургических корпораций на национальное и региональное развитие был посвящен цикл публикаций (Ильин В.А. Влияние интересов собственников металлургических корпораций на национальное и региональное развитие // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – №3(15). – С. 14-38; Поварова А.И. Влияние интересов собственников металлургической корпорации на финансовые результаты головного предприятия (на примере ОАО «Северсталь») // Там же. – 2011. – №5(17). – С. 36-51), которые планируется продолжить и в 2012 г.

технологий и сложной продукции; от колебания цен на основные экспортные товары — то есть от факторов, которые мы по большому счету не контролируем»⁵.

40% валового внутреннего продукта России создается за счет экспорта сырья. Машиностроение, электроника и другие высокотехнологичные отрасли формируют лишь 7–8% ВВП. Экспорт высокотехнологичной продукции составляет всего 2,3% промышленного экспорта страны. В США этот показатель достигает 32,9%, в Китае — 32,8%. Удельный вес России в глобальном экспорте наукоемкой продукции не превышает 0,3%. На долю отечественного производства приходится не более 1% всех станков, закупаемых российским бизнесом.

Интересы российских частных собственников и многочисленных чиновников резко отличаются от нужд большинства граждан, в стране углубляется дифференциация населения по доходам. Проводимый политический курс не способствует построению общества социальной справедливости, равных прав и возможностей, утверждению принципов высокой нравственности и морали.

Делая весьма чёткие выводы из итогов социально-экономического развития двух последних десятилетий, В.В. Путин подчеркивает:

«Иметь экономику, которая не гарантирует нам ни стабильности, ни суверенитета, ни достойного благосостояния, — для России непозволительно.

Россия сегодня уступает развитым экономикам по производительности труда в три-четыре раза. А что это значит? В масштабах страны низкая производительность труда — это глобально неконкурентоспособная экономика.

⁵ См. статью Путина В.В. «О наших экономических задачах», опубликованную в газете «Ведомости» от 30.01.2012, №15 (3029).

Главная проблема — недостаток прозрачности и подконтрольности обществу в работе представителей государства, от таможенных и налоговых служб до судебной и правоохранительной системы. Если называть вещи своими именами, речь идет о системной коррупции.

Большой резерв — в наведении порядка с уходом от налогов через фирмы-однодневки, через офшоры. От этого добросовестный бизнес только выиграет, ему не придется конкурировать с теми, кто процветает на махинациях и обмане государства.

Резерв роста налоговых доходов по ряду направлений: дорогая недвижимость, потребление люксовых товаров, алкоголя, табака, сбор рентных платежей в тех секторах, где он пока занижен. Прежде всего — то, что называется дополнительным налогом на богатство, а точнее, на престижное потребление»⁶.

Необходимость неотложного решения этих негативных проблем в течение уже ряда лет подвергается развернутому обоснованию в работах многих представителей российской экономической науки. Трудно, например, не согласиться с трактовкой, которую дает один из вышеупомянутых экспертов-экономистов РАН:

«Это происходит не столько из-за отсутствия знаний, опыта, непроработанности методов, сколько из-за сохранения препятствий на пути реформирования, коренящихся в интересах элиты, из-за неготовности элиты и представляющей ее власти к глубокой ревизии существующей общественной системы в целях оздоровления общества... Суть «экономики обогащения элиты» — не просто удовлетворение элитных потребностей, а перераспределение общественного продукта в анти-

⁶ Путин В.В. Там же.

общественных целях и в экстремальных масштабах с целью присвоения элитой»⁷.

Статьи В.В. Путина свидетельствуют, что он проникся серьезным пониманием сложившейся обстановки. Указывая на реальные системные проблемы развития экономики, В.В. Путин определяет подходы для их преодоления и ставит ориентиры.

«Итогом реализации стратегий отраслевых холдингов должно стать создание глобально конкурентоспособных корпораций, высококапитализированных, нашедших и расширяющих свое место на мировом рынке. Именно такие корпорации, сочетающие деятельность от перспективных исследований и разработки продукции до производства, поставки и обслуживания высокотехнологичного продукта, владеют сегодня мировым рынком авиастроения, судостроения, компьютерных технологий, фармацевтики, медицинской техники. Они же дают заказы малым инновационным компаниям, скупают удачные стартапы.

Доля высокотехнологичных и интеллектуальных отраслей в ВВП должна к 2020 г. увеличиться в 1,5 раза. При этом высокотехнологичный экспорт России вырастет вдвое.

Доля предприятий, внедряющих технологические инновации, должна вырасти в два с половиной раза к концу десятилетия с нынешних 10,5 до 25%, то есть достигнуть сегодняшнего средневропейского уровня.

Средняя заработная плата по экономике вырастет в реальном выражении в 1,6 – 1,7 раза, почти до 40 000 руб. в ценах 2011 г. Номинально она, конечно, будет выше.

Российские исследовательские университеты должны получить ресурсы на научные разработки в размере 50% от своего

финансирования по разделу «Образование» – как их международные конкуренты.

Для Российской академии наук, ведущих исследовательских университетов и государственных научных центров должны быть утверждены десятилетние программы фундаментальных и поисковых исследований.

Преимущественное развитие исследовательских университетов не означает пренебрежения ролью Российской академии наук и государственных научных центров. Наоборот, устойчивое развитие институтов РАН возможно только в условиях, когда они могут выбирать себе сильное пополнение.

Значительная часть малого бизнеса 2020 г. – это должны быть сектора интеллектуального и творческого труда, работающие в глобальном рынке, экспортирующие свои продукты и услуги»⁸.

Можно только радоваться разумным концептуальным подходам политического руководства страны к задачам, которые необходимо решить в следующем политическом цикле, чтобы совершить реальный поворот к модернизации экономики на базе опережающего развития научно-технического потенциала страны в русле технологических укладов XXI века.

Представляется, что решения, предлагаемые В.В. Путиным, потребуют формирования другой нравственной атмосферы, при которой у большинства избирателей будет твердая уверенность в том, что вновь выбранная власть обеспечит реальное выполнение 7 статьи Конституции РФ: *«Российская Федерация – это социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».*

⁷ Микульский К. Модернизация российской экономики: необходимость и возможность // Общество и экономика. – 2011. – №11-12. – С. 5-19.

⁸ См. статью Путина В.В. «О наших экономических задачах», опубликованную в газете «Ведомости» от 30.01.2012, №15 (3029).

Одна из самых больных тем современного российского общества — это вопрос социальной справедливости при приватизации гигантской государственной собственности, создававшейся многие десятилетия трудом миллионов граждан.

Выступая на съезде промышленников и предпринимателей 9 февраля 2012 года, Председатель Правительства РФ В.В. Путин, пожалуй, в первый раз достаточно определенно расставил акценты в этой проблеме:

«...в том, что происходило в 1990-е годы. Мы с вами много говорили на этот счёт, когда бизнес нередко сводился к простому дележу государственного пирога»;

«...нам, конечно, и вот эту страницу тоже надо перевернуть...надо нам завершить этот период. Разные варианты предлагаются, надо с обществом, конечно, это обсуждать, с экспертным сообществом, но так, чтобы действительно общество приняло эти варианты закрытия проблем 1990-х годов: нечестной, прямо скажем, приватизации, всяких аукционов»;

«...обеспечить общественную легитимность самого института частной собственности, общественное доверие к бизнесу, иначе мы не сможем развивать современную рыночную экономику и тем более мы не сможем создать здоровое гражданское общество»⁹.

Очередной политический цикл закончился. Граждане РФ сделали свой выбор, серьезно изменив расстановку политических сил в Государственной Думе VI созыва, выразив тем самым серьезное недовольство партией «Единая Россия», которая во многом была придатком властно-олигархических элит и чиновничьей бюрократии. Учитывая реальную оценку избирателями партии «Единая Россия»,

⁹ Выступление Председателя Правительства РФ В.В. Путина на съезде Российского союза промышленников и предпринимателей 9 февраля 2012 года.

кандидат в Президенты В.В. Путин вынужден был опереться на Общероссийский народный фронт, на более широкие социальные слои.

На состоявшихся 4 марта 2012 г. выборах большинство избирателей (64,1%) в первом туре выбрало Президентом РФ В.В. Путина. Этот результат не случаен.

С одной стороны, это оценка несомненных заслуг В.В. Путина в сохранении целостности РФ в начале 2000-х годов, активное отстаивание государственного суверенитета во внешней политике, существенное сокращение бедности и многое другое из позитивного, что было в стране за последние 12 лет. С другой стороны, это и поддержка значительной частью населения В.В. Путина «образца 2012 года», критично обозначившего в своих семи концептуальных статьях в СМИ почти все застарелые системные проблемы развития РФ и изложившего свое видение разрешения этих проблем в ближайшие 6 лет.

В перспективе уровень общественной поддержки главы государства будет напрямую связан с тем, в какой степени и насколько оперативно удастся высказанные концептуальные позиции зафиксировать в программных действиях по каждому направлению, согласовать их с обществом, утвердить и ежегодно представлять избирателям доклад о ходе реализации и принимаемых мерах по возникающим отклонениям.

Сумеет ли «новый» В.В. Путин перевести страну (и себя в первую очередь) на новый уровень управления социальными и политическими процессами, о чем говорилось в предвыборных выступлениях, статьях, которым большинство избирателей поверили.

Судить об этом можно будет по реальным шагам уже в первый год третьего срока пребывания В.В. Путина на посту Президента РФ.

j

Напомним читателям итоги кампаний по выборам Президента Российской Федерации в 1991 – 2012 гг. в целом по РФ и Вологодской области.

	12 июня 1991 г.		16 июня 1996 г. (1 тур)		3 июля 1996 г. (2 тур)		26 марта 2000 г.		14 марта 2004 г.		2 марта 2008 г.		4 марта 2012 г. (предварительные итоги на 8.00 05.03.12 г.)	
	РФ	ВО	РФ	ВО	РФ	ВО	РФ	ВО	РФ	ВО	РФ	ВО	РФ	ВО
Приняли участие, в % от числа избирателей	74,7	77,4	69,8	69,0	68,8	67,4	68,6	71,0	64,4	62,4	69,7	65,5	65,4	61,7
Кандидат, получивший наибольшее число голосов	Ельцин Б.Н.		Ельцин Б.Н.		Ельцин Б.Н.		Путин В.В.		Путин В.В.		Медведев Д.А.		Путин В.В.	
За него проголосовало избирателей, в %	57,3	53,8	35,3	45,2	53,8	64,0	52,9	66,9	71,3	75,8	70,3	68,6	64,1	59,5

Как и в предыдущих выпусках, приводим результаты последних мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества*.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области за период с февраля 2011 по февраль 2012 г.

Оценка деятельности власти (Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..?)

Властная вертикаль	Одобрение в % к общему количеству опрошенных								Коэффициент изменений фев. 2012 г. к 8 мес. 2008 г.	Коэффициент изменений фев. 2012 г. к дек. 2011 г.
	8 мес. 2008 г.	фев. 2011 г.	апр. 2011 г.	июн. 2011 г.	авг. 2011 г.	окт. 2011 г.	дек. 2011 г.	фев. 2012 г.		
Президент РФ	75,0	57,3	61,9	62,7	62,1	56,6	51,7	47,3	0,63	0,91
Председатель Правительства РФ	76,4	58,9	64,3	60,3	60,4	59,1	52,9	52,6	0,69	0,99
Губернатор Вологодской области	57,8	42,4	46,1	46,7	49,5	47,7	41,9	37,7	0,65	0,90

Властная вертикаль	Неодобрение в % к общему количеству опрошенных								Коэффициент изменений фев. 2012 г. к 8 мес. 2008 г.	Коэффициент изменений фев. 2012 г. к дек. 2011 г.
	8 мес. 2008 г.	фев. 2011 г.	апр. 2011 г.	июн. 2011 г.	авг. 2011 г.	окт. 2011 г.	дек. 2011 г.	фев. 2012 г.		
Президент РФ	9,3	23,3	23,5	22,1	19,7	29,0	35,7	35,7	3,84	1,00
Председатель Правительства РФ	10,4	22,8	22,3	24,3	21,4	24,7	32,7	32,0	3,08	0,98
Губернатор Вологодской области	19,9	29,9	31,1	29,5	24,4	32,1	36,1	33,8	1,70	0,94

Как видно, приведённые данные свидетельствуют о росте негативных оценок по сравнению с показателями, имевшимися до кризиса в августе 2008 г.

* Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Базой для сравнения являются усреднённые данные, полученные в ходе четырёх измерений, проведённых в ИСЭРТ РАН за временной отрезок с января по август 2008 г.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ИСЭРТ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscs.ac.ru/>.

Оценка социального состояния

В процентах к общему количеству опрошенных								Коэффициент изменений фев. 2012 г. к 8 мес. 2008 г.	Коэффициент изменений фев. 2012 г. к дек. 2011 г.
8 мес. 2008 г.	фев. 2011 г.	апр. 2011 г.	июн. 2011 г.	авг. 2011 г.	окт. 2011 г.	дек. 2011 г.	фев. 2012 г.		
Что бы Вы могли сказать о своем настроении в последние дни?									
Нормальное состояние, прекрасное настроение									
70,2	54,6	64,0	64,5	66,7	64,7	64,2	62,9	0,90	0,98
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску									
22,1	32,4	28,1	29,4	24,1	29,4	30,2	33,5	1,52	1,11
Как Вы считаете, какое из высказываний наиболее соответствует сложившейся ситуации?									
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть									
81,0	68,9	76,1	78,0	73,2	73,9	78,6	74,9	0,92	0,95
Терпеть наше бедственное положение невозможно									
10,9	18,7	16,1	15,9	11,3	15,8	14,1	18,1	1,66	1,28
Индекс потребительских настроений									
107,5	88,6	90,1	86,1	92,9	88,5	85,6	89,8	0,84	1,05
К какой категории Вы себя относите?									
Доля считающих себя бедными и нищими									
39,8	47,6	46,8	43,9	40,8	44,6	41,9	43,2	1,09	1,03
Доля считающих себя людьми среднего достатка									
50,7	40,0	42,4	46,1	46,2	41,8	42,2	44,9	0,89	1,06

Какая партия выражает Ваши интересы?

Партия	В % к общему числу опрошенных								Коэффициент изменений фев. 2012 г. к 8 мес. 2008 г.	Коэффициент изменений фев. 2012 г. к дек. 2011 г.
	8 мес. 2008 г.	фев. 2011 г.	апр. 2011 г.	июн. 2011 г.	авг. 2011 г.	окт. 2011 г.	дек. 2011 г.	фев. 2012 г.		
Единая Россия	40,5	27,3	35,9	34,0	33,7	29,8	26,1	26,0	0,64	1,00
Справедливая Россия	5,0	2,7	3,2	5,7	2,7	5,6	13,9	10,2	2,04	0,73
КПРФ	6,8	8,4	9,7	8,2	10,0	12,1	13,4	10,1	1,49	0,75
ЛДПР	7,7	6,8	7,5	6,9	7,5	9,1	9,2	9,1	1,18	0,99
Другая	1,4	2,4	1,7	1,1	2,4	3,1	4,6	3,1	2,21	0,67
Никакая	20,1	36,0	28,8	30,4	28,9	28,1	23,9	25,7	1,28	1,08
Затрудняюсь ответить	13,7	16,3	13,1	13,7	14,8	12,2	9,0	15,8	1,15	1,76

Естественное снижение показателей, по итогам опроса, в феврале 2012 г. у парламентских партий после выборов 4 декабря 2011 г. практически не коснулось «Единой России» и ЛДПР.

Ж

Как и в предыдущих, в этом номере приводится рейтинг опубликованных в журнале статей.

Первые 10 статей журнала по длительности их просмотра за последние 12 месяцев (март 2011 – февраль 2012)

Рейтинг	Статья	Суммарное время просмотра, минут за весь период учёта*	Количество просмотров за весь период учёта*	Количество просмотров за последние 12 месяцев	Количество просмотров за последние 3 месяца	Среднее время просмотра, минут за весь период учёта*	Выпуск	Дата выхода	Авторы
1	Развитие региональных кластерных систем	12385	506	256	62	24	№1	Март 2008	Ускова Тамара Витальевна
2	Проблемы формирования местных бюджетов и муниципальной собственности	6001	334	238	22	18	№1	Март 2008	Валентей Сергей Дмитриевич Хабриева Тапия Яруллоевна
3	Стратегия диверсификации экономики региона	6767	331	172	12	20	№1	Март 2008	Иогман Леонид Генрихович
4	Тенденции и перспективы социально-экономического развития Мурманской области	4210	244	126	23	17	№1	Март 2008	Дмидык Владимир Всеволодович
5	Методика сравнительной оценки научно-технического потенциала региона	2431	130	107	21	19	№12	Декабрь 2010	Задумкин Константин Алексеевич Кондаков Игорь Анатольевич
6	Угрозы экономической безопасности региона и пути их преодоления	1700	96	96	35	18	№14	Апрель 2011	Ускова Тамара Витальевна Кондаков Игорь Анатольевич
7	Динамика социально-экономического развития Республики Коми	2618	187	105	32	15	№1	Март 2008	Лаженцев Виталий Николаевич
8	Бюджетный федерализм и межбюджетные отношения в Российской Федерации	1436	111	111	38	13	№13	Март 2011	Аветисян Ишхан Арташович
9	Интеллектуальные ресурсы как фактор инновационного развития	2902	142	79	11	20	№11	Сентябрь 2010	Ильин Владимир Александрович Гулин Константин Анатольевич Ускова Тамара Витальевна
10	Комплексное экологосбалансированное использование природных ресурсов – основа развития регионов Севера	2076	142	94	11	15	№1	Март 2008	Ларичкин Федор Дмитриевич

* Учёт посещений сайта ведётся с 12 декабря 2009 г.

Вероятна ли мировая рецессия-2012?

Нижеследующая статья перепечатывается с согласия автора по тексту, опубликованному в журнале «Экономист» (2012, № 1). В статье затрагиваются актуальные вопросы, касающиеся угроз функционированию экономики России в 2012 году и путей их преодоления.

**Сергей Семёнович
ГУБАНОВ**

доктор экономических наук, профессор
главный редактор журнала «Экономист»

Пророчества и пророки рецессии-2012. Начиная с августа 2011 г. появились и стали нарастать мрачные прогнозы, предвещающие в 2012 г. наступление то второй волны кризиса, то рецессии мировой экономики. В последующие месяцы панические пророчества только учащались. К концу года они слились фактически в один сплошной поток.

По состоянию на декабрь 2011 г. заявлениями о неизбежности рецессии в 2012 году разразилось весьма внушительное сонмище солидных организаций, институтов и ученых. В их списке значатся МВФ и Всемирный банк, ФРС США, нобелевские лауреаты по экономике. С ними солидаризовался часто восхваляемый ныне профессор Нью-Йоркского университета Н. Рубини, который, как считается, успешно предсказал кризис 2008 — 2009 гг. и заслужил лавры циклического прорицателя.

Приведем наиболее типичные примеры. В сентябре 2011 г. одним из первых громкий сигнал тревоги поднял МВФ: «Прогнозы — за слабое восстановление экономики развитых стран и циклическое замедление в развивающихся»¹; «Риски снижения увеличились и серьезны»². Согласно спрогнозированному МВФ сценарию спада, США могут потерять в 2012 г. около 2,5% ВВП³.

В ноябре появилось тревожное предостережение, выпущенное банком Федеральной резервной системы США в Сан-Франциско: по прогнозным расчетам вероятность экономической рецессии в США превысила 50%, и она произойдет, мол, уже в первой половине 2012 г.⁴

Как пояснили аналитики американской ФРС, они апеллируют к результатам статистического моделирования опережающего экономического индекса, смоделированная динамика которого по состоянию на

2010 г. предвестила рецессию в течение следующих 24 мес. Поскольку 16 мес. из 24 уже позади, вероятность спада возросла с 33 до более чем 50% — такова здесь логика. Под нее подгоняется интерпретация индикаторов текущего макроэкономического состояния США в 2011 г.

В декабре свои оценки озвучил Н. Рубини, и они тоже оказались упадочными: «Перспективы развития мировой экономики в 2012 году ясны: ничего хорошего ждать не приходится. Рецессия в Европе, в лучшем случае едва заметный рост в США и резкое его падение в Китае»⁵; «Наступление рецессии в зоне евро, исходя из нынешней ситуации, сомнению не подлежит»⁶.

Беспросветные умонастроения разделил также Дж. Стиглиц: «Самое положительное, что можно сказать о 2011 годе: возможно, он был лучше, чем будет 2012 год... Я надеюсь, что грядущие события опровергнут мои рассуждения и пессимизм мой окажется чрезмерным. Но боюсь, что в действительности все может оказаться даже хуже»⁷.

Апогеем всемирных опасений стало 23 декабря 2011 г., когда к множеству прогнозов скорой рецессии примкнули эксперты ООН: выпущенный ими доклад о состоянии мировой экономики и перспективах на 2012 г. густо испещрен терминами «рецессия», «экономический спад» и т.п.

Цитируем: «Мировая экономика качается на краю еще одной рецессии... И даже этот мрачный взгляд может быть слишком оптимистичным. Серьезный, новый экономический спад маячит теперь из-за стойкой слабости главных развитых стран вследствие нерешенных проблем Великой депрессии 2008 — 2009»⁸; «Риски двойной рецессии возросли»⁹; «США вполне могут впасть в повторную рецессию»¹⁰. По экспертному сценарию экономического спада, в 2012 г. потери США составят 0,8% ВВП, России — 3,6%¹¹.

Подобного рода оценки и пророчества можно легко умножить. Но, думается, довольно и приведенных. Картина ясна: если принять на веру упомянутые прогнозы, то близкая рецессия угрожает прежде всего ведущим индустриально развитым странам — США, ЕС и Китаю, а после них перекинется на слаборазвитые. Мир отделяют от грозной депрессии якобы лишь считанные месяцы, поскольку она нанесет свой удар по мировому хозяйству уже в первом полугодии 2012 г. — таково едва ли не общее мнение.

Безосновательность упадочных пророчеств. Как видим, пессимистичные для мировой экономики пророчества исходят от весьма авторитетных в мире ученых и организаций. Естественно, не может быть и речи о том, чтобы ставить под сомнение их авторитет. Однако, как известно, авторитет есть категория субъективная, а потому не является научным аргументом: на весы истины авторитет не положить.

В нашем распоряжении имеется инструментальная возможность проверки того, насколько обосновано заключение о будто бы грозящей в 2012 г. экономической рецессии в США и других развитых странах. Такую возможность предоставляет модель циклических кризисов капитализма, разработанная нами исходя из классических законов функционирования капиталистического способа производства.

Поскольку на первом плане в пророчествах и прогнозах гипотетической рецессии-2012 фигурирует экономика США, мы взяли необходимую американскую статистику, сгруппировали данные таким образом, как того требует наша модель, и осуществили прогонку. Расчетный результат оказался диаметрально противоположным мрачному: вместо спада он однозначно указывает на рост.

Иными словами, в отношении американской экономики стрелка научного циклического барометра уверенно показывает подъем в 2012 г., а не спад. По остальным странам ОЭСР, включая ведущие, расчеты не выполнялись. Вследствие значительной трудоемкости сбора и подготовки статистических данных пришлось ограничиться только экономикой США. Тем не менее ее выпадение из сценария рецессии-2012 оценивается весь этот сценарий.

Вопреки хору мрачных пророчеств, наш вывод иной и сводится к следующему: в 2012 г. в передовых странах ОЭСР не будет ни второй волны кризиса, ни рецессии. Напротив, в США в ближайших кварталах последует расширение экономики, причем куда более высокими темпами, чем было до недавних пор.

Что касается наступления кризиса, то он будет очередным циклическим, не имеющим никакого отношения ко второй волне прошедшего. В развитых державах мира объективно предстоящий кризис вероятен не ранее второй половины 2013 г. Сразу заметим, что сформулированный вывод не относится к России — по причинам, о которых далее мы скажем особо.

Таким образом, сигнал циклической тревоги включен для мирового хозяйства преждевременно и без должных на то оснований. Обратимся теперь к главным доводам и аргументам, какими обоснован сделанный вывод.

О новой модели кризисов. Здесь не место вдаваться в принципиальные вопросы теории капиталистических кризисов, разбирать противостояние классики и «неоклассики», возможности воспроизводственного подхода и его математическую формализацию. Кто интересуется теорией циклов воспроизводства совокупного капитала, тот может найти полезной публикацию, в которой соответствующая проблематика стала предметом более обстоятельного анализа¹².

Для целей настоящего изложения, чтобы не уходить далеко от его сути, довольно краткого указания на специфику применяемой нами модели.

Во-первых, она разработана в полном соответствии с принципами и законами, базисными для классической трудовой парадигмы.

Во-вторых, целиком проводит логику воспроизводственного подхода, тоже классического. Заметим, классика воспроизводства отвергает как производство ради производства, так и перевозносимый «неоклассикой» обмен ради обмена.

В-третьих, и в том вся специфика используемой нами модели кризисов, она базируется на критериях и показателях общественного разделения труда, благодаря чему совершенно не зависит от каких-либо стоимостных агрегатов и показателей. На нее не влияют ВВП, цены, инфляция, дефляторы, заработная плата и прибыль, валютные и биржевые курсы, экспорт и импорт, накопление, кредиты, долги и т.д., между тем как сама она весьма точно отражает агрегированную макроэкономическую динамику, циклическую при капитализме по определению.

В-четвертых, модель проверена на относительно длинных статистических рядах США и Великобритании, ведущих отсчет с 1910-х гг. Исчисленные точки кризисного перелома всякий раз совпадали с теми, какие зафиксированы официально, в частности американским Национальным бюро экономических исследований, ответственным за определение начала и конца циклических кризисов в США.

В-пятых, с помощью модели уже были идентифицированы начальная точка спада американской экономики в недавно прошедшем кризисном цикле — декабрь 2007 г., а также точка перехода от депрессии к оживлению — II кв. 2009 г. Обе точки Национальное бюро экономических

исследований подтвердило впоследствии с традиционной задержкой почти на 1,5 – 2 года.

Экономика США на подъеме. Таким образом, у нас есть уверенность в адекватности используемой модели, равно как в полученном результате, который показывает сейчас для США лишь одну переломную точку, а именно в феврале 2011 г. – от оживления к подъему. Другой еще не видно. Поэтому до точки поворота от подъема к спаду американская экономика не подошла и в 2012 г. не подойдет. Вероятность ее рецессии в ближайшие 12 мес. равна нулю.

Бесспорно, выход из последнего кризиса затянулся. Депрессия продлилась дольше обычного для послевоенного времени. Лишь с февраля 2011 г. экономика США перешла от вялого оживления к подъему, притом чрезвычайно медленному. Как увидим, на то были свои причины.

Тем не менее реальный темп роста ВВП США по итогам 2011 г. представляется более динамичным, чем демонстрируют его текущие оценки. На наш взгляд, последующие статистические корректировки, уточнения и переоценки – примерно через полгода – будут в сторону его увеличения.

Как бы то ни было, впереди у США самое меньшее 15 месяцев роста ВВП, или 5 бескризисных кварталов. Заглянуть дальше полуторалетнего горизонта мы пока не можем, поскольку для того нет данных. Но и такого горизонта более чем достаточно, чтобы удовлетвориться им.

При более пристальном анализе традиционных макроэкономических индикаторов экономика США тоже выглядит гораздо лучше, чем принято полагать. Растут прибыли корпораций. Объем ВВП США превысил докризисный показатель, причем в IV кв. 2011 г. прибавляет около 3%. Увеличивается предложение рабочих мест, и такая тенденция распространяется на всю первую половину 2012 г.

Признаки оживления подает жилищное строительство. Уровень конечного потребления на 4,5% выше докризисного. Расширяется объем сбережений и кредитования. Издержки обслуживания задолженности домохозяйств мало-помалу сокращаются – с 14 на пике до 11%.

Таким образом, динамика расширения американской экономики не снижается, а нарастает, причем даже в стоимостном измерении.

Чем объяснима вялость оживления? Согласно классике политэкономии, в периоды капиталистических кризисов в действие включается особая антикризисная функция, имманентная цене производства. Напомним классическую формулу цены производства:

$$P = \kappa + K \times r,$$

где P – цена производства,

κ – издержки,

K – величина авансированного капитала,

r – общехозяйственная, или средняя, норма прибыли.

При кризисе последняя стремится к нулю ($r \rightarrow 0$), вследствие чего цена производства приближается к издержкам ($P \rightarrow \kappa$). В таком случае прежде всего предельно падает рентабельность кругооборота фиктивного капитала: если $r \rightarrow 0$, то и $K \times r \rightarrow 0$.

Тем самым антикризисная функция цены производства отсекает спекулятивный капитал от промышленного, который регулярно избавляется от наросшего паразитического балласта посредством биржевых крахов.

Стало быть, в фазе кризиса бестоварный, фиктивный и монетарный капитал перестает приносить прибыль и прирастать в стоимости. Чтобы появилась прибыль, денежный капитал должен превратиться вначале в производительный, воплощенный в средствах производства и рабочей

силе, а затем в товарный, представленный массой готовых товаров. Причем, что важно, новый производительный капитал должен обладать техническим строением, более высоким по сравнению со средним, ибо уровень издержек функционально зависит от величины органического строения капитала в производстве.

Короче говоря, в фазе кризиса механизм цены производства первым делом отсекает спекулятивные сферы приложения капитала и оставляет производительные. Наряду с тем механизм цены производства включает в действие еще один могучий фактор развития, ибо пресекает извлечение прибыли путем увеличения цен. Дугая, инфляционная прибыль сходит на нет. Главным источником прибыли становятся рост производительности, расширение товарного выпуска, экономия труда и, соответственно, издержек.

Минимальные уровни процентных ставок, поддерживаемые в настоящее время в развитых странах ($r \rightarrow 0$), свидетельствуют о том, что антикризисный механизм цены воспроизводства действительно включился и работает. В то же время он явно испытывает давление неких противодействующих факторов, из-за чего спекулятивный балласт сброшен лишь частично и продолжает ощутимо ограничивать накопление нового промышленного капитала.

Какие именно факторы тормозят подъем и замедляют расширение воспроизводства? Известны ли они? Известны. Отметим лишь ключевые из них.

Первый фактор — размытость институциональной границы между промышленным и биржевым спекулятивным капиталом.

В США в 1934 г. в рамках «Нового курса» между тем и другим была возведена стена, которая препятствовала превращению промышленного капитала в спекулятивный.

На страже границы стоял механизм Гласса-Стиголла, который не позволял ни компаниям, ни банкам пускать промышленный капитал в спекулятивный биржевой оборот. Но с 1990-х гг. механизм Гласса-Стиголла фактически демонтирован. Банки и корпорации вновь принялись спекулировать и гоняться за сиюминутной биржевой прибылью за счет промышленного капитала, как то было до «Великой депрессии» начала 1930-х гг. и что вызывало, кстати, бурное негодование Дж.М. Кейнса в его «Общей теории».

Сейчас граница между капиталом-функцией и капиталом-собственностью отсутствует даже внутри самих американских ТНК. Их руководство выступает в одном лице и промышленным капиталистом, и биржевым спекулянтом. Менеджеры судорожно мечутся в поисках, куда прибыльнее поместить денежный капитал — в производство или на биржу. Низкий ссудный процент склоняет поток средств в производство, тогда как высокая прибыльность спекулятивных операций упорно отклоняет их на валютно-фондовые биржи. В том числе — на биржи слаборазвитых стран, где биржевая прибыльность особенно высока благодаря операциям компраторской распродажи национального богатства.

Второй фактор — загруженность печатного станка ФРС США и беспрестанные впрыскивания бестоварных долларов, по сути — пустых фантиков, в артерии всемирного товарно-денежного обращения. Один пакет эмиссии, скромно именуемый «количественным смягчением», сменяется другим. Эмиссионные доллары мгновенно трансформируются в инфляционные нефтедоллары, раздувая цены на нефть, газ, а следом — на металлы, удобрения и другие ресурсы. Тем самым ФРС США наводняет мир долларовыми фантиками, накачивает спекулятивные пузыри во всем

мировом хозяйстве, искусственно возводит биржевые пирамиды и пузыри, предельно завышая в итоге массу и рентабельность спекулятивного монетарного капитала. Заметим, представители ФРС США даже на сенатских слушаниях всячески отрицают связь между спекулятивным вздуванием цен на нефть и эмиссией долларов, ничем кроме политического диктата США не обеспеченных. Но регрессионные модели показывают обратное, с коэффициентом корреляции от 65 до 75%.

Конечная выгода США состоит в том, что в обмен на бестоварное они получают от остального мира товарное, благодаря чему ежегодно обеспечивают даровую для себя империалистическую ренту, в громадных размерах выжимаемую валютно-монетарными рычагами «империализма доллара».

Третий фактор — инфляционно высокие цены на нефть. Они увеличивают издержки товарного производства, снижают окупаемость технологических капиталовложений, замедляют темпы промышленного оживления и роста.

Четвертый фактор — дерегулирование сферы банковского, финансового и биржевого оборота. Либерализация, или свобода от регулирования, способствует увеличению как скорости возникновения спекулятивных пирамид, так и их размеров. Отсюда рост частоты и амплитуды биржевых крахов в 2000-е гг., а также угнетенность условий и стимулов для расширенного воспроизводства промышленного капитала.

Кратко отмеченные факторы, противодействующие естественной реализации антикризисной функции цены производства, имеют сугубо внеэкономическое происхождение. Все они порождены «империализмом доллара», или долларовой глобализацией. В свою очередь, «империализм доллара» опирается на мощь американской военной машины.

Причем свою военную мощь США также односторонне глобализуют, упрямо добиваясь полного мирового господства — и военно-политического, и экономического, и валютно-монетарного.

Подытоживая, можно констатировать, что крайне медленный темп оживления и подъема после кризиса 2007 — 2009 гг. обусловлен «империализмом доллара», который превратился в первоисточник всех современных дисбалансов мирового хозяйства и спекулятивных биржевых пирамид.

Долговой кризис ЕС. В силу «империализма доллара» нынешнее положение США асимметрично положению ЕС. Когда плохо евро и экономике ЕС, то хорошо доллару и экономике США, и наоборот. После пережитого кризиса американские ТНК добиваются роста прибылей любыми средствами, в том числе за счет всего остального мира — и развитого, и слаборазвитого.

Для глобального «империализма доллара» каких-либо исключений не существовало прежде и не существует теперь. Никакой индальгенции он не дает также странам ЕС, которым и устроил крупномасштабный долговой кризис.

Парадоксально, но факт: должником американского частного капитала оказался ряд европейских государств и правительств. Это тоже прямое следствие дерегулирования и валютно-финансовой либерализации, а не просто децентрализации бюджетно-налогового устройства ЕС.

Конечно, руководство ЕС найдет в конце концов решение проблемы, хотя пока оно далеко от цели, поскольку стремится переложить убытки спекулятивного капитала на основную массу налогоплательщиков. Ответной реакцией является общеевропейский социальный протест, который подвигает к подлинному решению вопроса, связанному с доведением до банкротства не населения, а спекулятивного капитала.

Тем не менее долговой кризис в ЕС, устроенный «империализмом доллара» в геополитических интересах США, не тождествен циклическому. Центральный банк Европы длительно удерживает низкую процентную ставку, стимулируя тем самым антикризисную функцию цены производства и ввод нового промышленного капитала с более высоким техническим строением. Германия и Франция сознательно уклоняются от бестоварной эмиссии евро, отчетливо понимая, насколько пагубна она для европейского индустриального капитала. В общем, за долговой кризис ЕС расплачивается беспрецедентно низкими темпами роста и высокой безработицей, но никак не рецессией и не депрессией.

Угрозы для России. Поскольку господство экспортно-сырьевой модели сохраняется и после валютно-монетарного кризиса 2008 – 2010 гг., рост ВВП России по-прежнему зависит от инфляции нефтедолларов и печатного станка американской ФРС. Развитие российской экономики все еще не зависит от России. И это по своей значимости такой фактор, который перевешивает все остальные.

Сколько было деклараций и призывов к переходу от внешних источников развития к внутренним, к новой, посткризисной экономической модели? Великое множество. На деле же системное положение нашей страны не изменилось ни на йоту, ибо экономическая политика как противоречила, так и продолжает противоречить формуле развития России: неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция.

Прямая, жесткая и жестокая зависимость отечественной экономики от сырьевого экспорта, инфляции нефтедоллара, печатного станка ФРС США отдаст Россию во власть валютно-монетарных факторов, на которые Правительство РФ не оказывает ни малейшего влияния, не говоря уже о каком-либо контроле над ними.

Давно установлено: экспортно-сырьевой рост ВВП России прямо пропорционален эмиссии и обесценению, или инфляции нефтедоллара. Больше обесценение – выше цена на нефть и долларовой объем ВВП; меньше обесценение – ниже цена на нефть и номинальная величина ВВП.

Таким образом, положение пореформенной российской экономики регулируется американским печатным станком.

Более того, оно усугубляется еще одним, относительно новым фактором. Дело в том, что с 2000 г. рынок нефти стал рынком целиком *манипулируемым*. Цена на нефть перестала следовать за изменением спроса и предложения. Решающее воздействие на ее формирование оказывает эмиссия нефтедолларов и их инфляция.

Если в период 2000 – 2010 гг. внутренний доллар, циркулирующий в обороте на территории США, обесценился на 25 – 30%, то обесценение нефтедоллара оказалось 5-кратным, почти в 20 раз более стремительным. В пересчете на покупательную способность нефтедоллара в 2000 г., текущая величина ВВП России составляет 450 – 500 млрд. долл.

Нельзя сбрасывать со счетов и то, что рынок нефти превратился в спекулятивный. По нашим расчетам, начиная с 2000 г. доля влияния на него спроса и предложения составляет 5%, тогда как весомость влияния спекулятивного капитала достигает 95%. Нефть обращена в предмет биржевых спекуляций. На нефти выстраиваются спекулятивные пирамиды, а они имеют свойство обрушиваться словно карточный домик.

С учетом названных факторов прогнозировать какую-либо конъюнктуру рынка нефти невозможно. Даже планетарная рецессия необязательно влечет за собой падение нефтяных цен, ибо их движение предопределяется эмиссией нефтедолларов.

Со всей определенностью допустимо констатировать лишь одно: для России вследствие функционирования экспортно-сырьевой модели всякое падение цены на нефть равносильно экономической рецессии.

Мы не знаем, каким будет движение нефтяных цен в 2012 г. Известно, что американская ФРС намерена печатать пустые нефтедоллары и вбрасывать их в обращение вплоть до конца I кв. 2012 г. Если так, это означает прямую поддержку спекулятивной пирамиды, в связи с чем можно полагать, что крутые перепады в ценовой конъюнктуре рынка нефти до конца марта 2012 г. маловероятны. Но поручиться, что это действительно так, ни в коем случае нельзя.

Что будет после марта 2012 г., какие решения сочтет выгодными для себя администрация США, это совершенно неведомо. Если Вашингтон решится действовать в интересах промышленного капитала американских ТНК и подстегнуть неоиндустриальный рост, то даст команду приостановить эмиссию нефтедолларов. Тогда цены на нефть и спекулятивная пирамида обрушатся, а темпы роста экономики США увеличатся.

В то же время печатать нефтедоллары исключительно выгодно для США, потому как в обмен на долларовые фантики за океан безостановочно текут даровые ресурсы, выкачиваемые «империализмом доллара» из остального мира: природные, минеральные, технические, потребительские и т.д.

Чистое обогащение США за счет валютно-монетарного фактора доходит ныне до 1 трлн. долл. в год. Причем оно представлено сугубо материальными ценностями, вопреки примитивным и наивным представлениям о «постиндустриальных ценностях», овладевшими-де американскими ТНК. Столь гигантская по своим размерам империалистическая рента, безвозмездно

присваиваемая США, делает нелегким решение о приостановке эмиссии нефтедолларов.

В стратегическом плане США все равно не прекратят печатать и печатать нефтедоллары. Обязательно будут продолжать присвоение реального в обмен на виртуальное, в обмен на нефтедолларовые фантики, чтобы обогащаться ресурсами за счет остального мира. «Империализм доллара» выкачивает свою ренту как безостановочный конвейер, и так будет до тех пор, пока нет нефтяных котировок в другой валюте или пока нефтедобывающие страны не отгородятся прочной внешнеторговой монополией, ликвидировав нефтедолларовые стабилизационные фонды – фонды импорта долларовой инфляции.

Да, природу названных фондов нужно понимать четко. Товарную несбалансированность не прикрыть монетарной. Разрыв между товарным и монетарным – это инфляция. Если товары идут за рубеж, а оттуда вместо эквивалентной товарной массы приходит монетарное, то это означает экспорт товаров в обмен на импорт инфляции.

Обмен товарного на бестоварное всегда к выгоде той страны, которая печатает валюту платежа. Это невыгодно для страны, которая бесплатно расстается со своими товарами, зато выгодно для США, которые отдают монетарную фикцию, а взамен приобретают полноценную товарную массу, поддерживая покупательную способность внутреннего доллара.

От своей стратегии «империализма доллара» США не откажутся ни за что. Иное дело – временная приостановка печатного станка ФРС, лишь на время. В период, например, когда частичная потеря империалистической ренты уравнивается приобретениями в сфере промышленного капитала, политическими уступками ряда стран – экспортеров нефти и т.д.

И потому исключать на 2012 г. возможность внезапного поворота Вашингтона от «слабого» нефтедоллара к «сильному» нельзя. Для России падение цен на нефть обернется новым валютно-монетарным кризисом. Прямые его последствия очевидны: девальвация рубля, отток долларов за рубеж, дефицит бюджета, сжатие совокупного спроса, свертывание инвестиционных и социальных программ, обрушение промышленного производства. В общем, при подобном ходе событий вероятно повторение того, что случилось в 2008 г.

Но, как известно, дважды войти в одну и ту же воду невозможно. Если в 2008 г. кризис в России хронологически совпал с кризисом в развитых странах, то на сей раз может выйти разительная асимметрия: рецессия в России придется на период, когда в передовых индустриальных странах мира продолжится экономический рост. В таком случае уже бесполезно будет апеллировать к тезису, будто кризис пришел извне и Россия находится в одной лодке с развитыми державами, будучи ввергнута в кризис заодно с ними.

Опасности рецессии для развитых стран в 2012 г. нет. Для России же такая опасность есть, притом куда более серьезная по сравнению с 2008 г.

Что делать? Единственно верное решение заключается в том, чтобы радикально ликвидировать зависимость социально-экономического развития России от нефтедоллара и форсированно переключиться на внутренние, воспроизводственные, неоиндустриальные источники, факторы и движущие силы.

В обновленном варианте Стратегии-2020 нет ни такой установки, ни такого решения. У нашей же страны слишком мало времени, чтобы ждать до 2020 г., играя в заведомо ошибочный и вредный эксперимент, предлагаемый либерально-олигархическими экспертами под флагом

«экономики предложения». Задача ведь в том, чтобы наращивать бюджетные доходы на основе высокотехнологичного роста отечественной экономики, а не сокращать расходы бюджета.

В общем, Стратегия-2020 содержит не то, что надо делать, а то, чего делать категорически нельзя. И потому самое правильное — это отказ от нее ради выработки принципиально иной стратегии, направленной на новую индустриализацию и вертикальную интеграцию отечественного народного хозяйства.

Чтобы разрубить гордиев узел зависимости от нефтедоллара, необходимо заменить экспортно-сырьевую модель *планово-интегрированной системой неоиндустриального воспроизводства*. Обязательной и объективной предпосылкой для этого выступает стратегическая национализация: земли, электроэнергетики, других инфраструктурных монополий, военно-промышленного комплекса и т.д. Известно, что Правительство РФ хотело бы ограничиться существующей бюджетной национализацией экспортно-сырьевой ренты и не трогать отношения собственности. Но эта позиция для прошлого, а не настоящего. Она пришла в противоречие с реалиями и вызовами времени. Россию нельзя больше держать на коротком поводке нефтедоллара, подвергая постоянной опасности кризисной асимметрии, инфляционного и девальвационного шоков.

Чтобы обеспечить новую индустриализацию нашей страны, альтернативы стратегической национализации ради планомерной вертикальной интеграции собственности и промышленного производства нет. Иное дело, если бы можно было организованно провести вертикальную интеграцию собственности, соединив добывающий и обрабатывающий сектора отечественной промышленности напрямую, без национализации стратегических высот экономики.

Однако такой вариант нереалистичен: он мыслим, но нереализуем. Доказать обратное попросту невозможно, да никто и не берется за это.

Время сейчас не на стороне России. Наша страна находится ныне в ситуации обратного отсчета. Промедление с вертикальной интеграцией собственности объективно ведет к национальной катастрофе. И это не сгущение красок, а выверенная оценка, исходящая из научного анализа нынешней ситуации.

Национализация ради вертикальной интеграции – таков единственно верный выход. Иного уже исторически не дано. С точки зрения неоиндустриальной перспективы развития нашей страны другого выбора не осталось.

На базе национализированных высот экономики Россия быстро ликвидирует зависимость от нефтедоллара, восстановит или заново организует вертикально-интегрированную структуру ТЭК, электроэнергетики, институционально соединит добычу сырья с его глубокой и высоко-

технологичной индустриальной переработкой, займется выполнением общегосударственного плана создания автоматизированных рабочих мест в рамках прогрессивного размещения производительных сил, положит конец «черным переделам», снимет центробежные тенденции, установит прямые связи между товаропроизводителями и торговлей, устранил офшорную и посредническую экономику, обеспечит рост бюджета за счет инфраструктурной ренты, а также наукоемкой и неоиндустриальной – типа авиационной и прочих, которые достаются сейчас компрадорскому частному капиталу, конвертируются в доллары и вывозятся за рубеж.

Кроме того, стратегическая национализация явится тем базисом, который позволит в плановом порядке восстановить взаимовыгодное инфраструктурное, валютное, ценовое, налоговое, экономическое и системное единство стран СНГ, синхронизировав их интеграционное движение по пути новой индустриализации.

¹ Consolidated Multilateral Surveillance Report. IMF. September. 2011. P. 1.

² Ibid. P. 3.

³ Ibid. P. 5.

⁴ Berge T.J., Elias E., Jorda O. Future Recession Risks: An Update // FRBSF. Economic Letter. 14 November. 2011. P. 1, 3.

⁵ Рубини Н. В 2012 году рецессия неизбежна // РБК-daily. – 2011. – 20 декабря.

⁶ Там же.

⁷ Стиглиц Дж. Мир на пороге нового хаоса // РБК-daily. – 2011. – 21 декабря.

⁸ World Economic Situation and Prospects 2012. Global economic outlook. UN. New-York, 2011. P. 1.

⁹ Ibid. P. 2, 17.

¹⁰ Ibid. P. 18.

¹¹ Ibid. P. 20.

¹² См.: Губанов С. Воспроизводственная модель циклических кризисов. В кн.: «Капитал» и экономикс: Вопросы методологии, теории, преподавания. Вып. 3 / Под ред. В.Н. Черковца. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2009. – С. 183-213.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

УДК 553.98

© Фадеев А.М., Череповицын А.Е., Ларичкин Ф.Д.

Устойчивое развитие нового добывающего региона при реализации нефтегазовых проектов на шельфе Арктики

В статье рассматриваются вопросы устойчивого развития нового добывающего региона при освоении углеводородных месторождений. Баланс интересов и минимизация противоречий между государством, нефтегазовыми компаниями и местным населением при реализации нефтегазовых проектов во многом определяют поступательное и сбалансированное развитие экономики добывающего региона. Авторы освещают социально-экономические подходы к освоению углеводородных месторождений с учётом зарубежного опыта эксплуатации природных ресурсов. Статья затрагивает также вопросы формирования эффективной стратегии управления освоением углеводородных ресурсов нового нефтегазодобывающего региона, взаимодействия государства и нефтегазового бизнеса.

Устойчивое развитие, нефтегазовая промышленность, шельф, углеводородные ресурсы, социально-экономические эффекты.

**Алексей Михайлович
ФАДЕЕВ**

кандидат экономических наук, ст. научный сотрудник Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН
a.fadeev@shtokman.ru

**Алексей Евгеньевич
ЧЕРЕПОВИЦЫН**

доктор экономических наук, профессор, гл. научный сотрудник Института экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН
alekseicherepov@inbox.ru

**Фёдор Дмитриевич
ЛАРИЧКИН**

доктор экономических наук, профессор, директор Института экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН
lfd@iep.kolasc.net.ru

В конце прошлого столетия российское законодательство и система регулирования недропользования в целом были сконцентрированы на задаче максимального вовлечения природных ресурсов в рыночный оборот и изъятия рентного дохода. В современных условиях, в связи с переходом экономики в относительно устойчивое состояние развития, основные приоритеты государственного регулирования нефтегазовой промышленности должны быть смещены в область формирования условий «участия» минерально-сырьевого комплекса в решении более широкого круга социально-экономических задач.

Устойчивое развитие нового нефтегазового региона предполагает создание механизмов обеспечения необходимого развития, уровня потребления и социального согласия в обществе, обеспечения устойчивого развития экономики, а также реализации устойчивого функционирования биосферы.

Основное направление формирования деятельности нефтегазового комплекса состоит в создании таких условий, которые способствовали бы сближению реализованной и потенциальной ценности углеводородов. Под общественной ценностью понимается совокупность (прямых, косвенных и мультипликативных) эффектов, получаемых от освоения и использования ресурсов углеводородного сырья [7].

Такие эффекты могут выражаться не только в денежной форме, но и в форме косвенных и опосредованных выгод, таких как повышение ценности человеческого капитала. Под человеческим капиталом в данном случае понимается совокупность навыков, воплощённых в человеке, включая образование, интеллект, созидательность, опыт работы, предпринимательскую способность и т.д. Так, при освоении нефтегазовых ресурсов в условиях системы централизованного планирования и

управления часто ориентировались на достижение прежде всего определённого уровня производственных показателей, поэтому реализованная ценность (на региональном уровне) в значительной мере отличалась от ее потенциально возможного уровня. Обеспечение приемлемого уровня общественной ценности углеводородных ресурсов возможно только при наличии развитой системы институтов современного гражданского общества, а также эффективной специализированной институциональной системы, направленной на обеспечение социально-ориентированного освоения месторождений.

Экономика нефтегазовых регионов в целом базируется на добыче углеводородных ресурсов и в значительной степени зависит от темпов освоения месторождений. В процессе развертывания хозяйственной деятельности происходят значительные изменения условий жизни населения, а также наблюдаются структурные сдвиги в экономике и социальной сфере региона, развитие транспортных систем, изменение состояния окружающей среды, а также усиление миграционных потоков.

Масштабное промышленное освоение территории нефтегазодобычи, значительные изменения в экономике и социальной сфере касаются прежде всего населения, проживающего на данной территории. Вместе с тем процесс освоения нефтегазовых ресурсов сопровождается рядом как положительных, так и негативных тенденций, что требует от государства определенных целенаправленных воздействий по корректировке указанных тенденций.

Фактор истощаемости углеводородных ресурсов требует учёта не только экономических, но и социальных последствий освоения ресурсов и условий функционирования экономики региона на всех этапах добычи.

Указанные факторы требуют комплексного подхода к оценке последствий освоения нефтегазовых ресурсов в регионе и полного учёта как особенностей освоения нефтегазовых ресурсов, так и его влияния на социально-экономическую систему региона.

Опыт ведущих нефтегазовых держав свидетельствует о том, что за истекшие 20–30 лет в мире разработаны и успешно реализованы подходы к интеграции задач освоения углеводородных ресурсов с решением широкого круга социально-экономических задач. Такие подходы предполагают перенос акцентов с анализа оценки исключительно финансово-экономических последствий реализации проектов на социально-экономические результаты их осуществления.

Анализ политики индустриально развитых стран, являющихся одновременно крупными недропользователями (Норвегия, Австралия, США, Великобритания, Германия), показывает, что либеральная система институтов в сфере отношений собственности, связанная с использованием обычных активов, дополняется разветвленной системой норм, правил и процедур в сфере использования ресурсов недр. Указанные факты обеспечивают государству защиту своих прав как собственника ресурсов недр, а также формируют условия для эффективной с точки зрения интересов общества динамики освоения и использования невозобновляемых ресурсов.

Наиболее характерным примером учета социально-экономических факторов при определении направлений вовлечения в оборот углеводородных ресурсов является их освоение на шельфе Северного моря, прежде всего Норвегией. В начале 1960-х годов Норвегия еще не имела нефтегазовой промышленности, однако существовало понимание необходимости ее формирования при активном государственном участии.

Созданию прочных переговорных условий по отношению к нефтегазовой промышленности способствовала благоприятная экономическая ситуация: устойчивый экономический рост, высокий уровень занятости, профицит бюджета и отсутствие срочной необходимости ускоренного развития нефтегазового комплекса в целом. Такая ситуация определила основу устойчивых государственных позиций в переговорах с международными компаниями, желавшими принять участие в освоении норвежского континентального шельфа. Основной задачей Норвегии являлось усиление своих позиций посредством расширения внутреннего присутствия – участия в проектах государства и повышения уровня регулирования нефтегазовой отрасли в целом.

При государственной собственности на недра государство (в зависимости от институциональных и экономических условий, а также переговорной силы между государством и недропользователем) может рассчитывать не только на получение денежных средств (налогов и платежей). Весьма важным обстоятельством является развитие местных отраслей промышленности, связанных с поставками товаров и услуг для нужд нефтегазового комплекса.

Успех Норвегии в обеспечении высокого уровня использования углеводородных ресурсов в интересах общества во многом обязан правительственной политике, которая поощряла партнерство между иностранными и норвежскими компаниями. Так, правительство Норвегии сделало обязательными для зарубежных компаний исследовательские программы, что явилось предпосылкой того, что нефтегазовые технологии, разработанные и внедренные в Норвегии, в настоящее время входят в число лучших в своих сферах.

С 1970 г. государством была признана важность поощрения конкуренции в нефтегазовой промышленности и в то же время необходимость стимулирования развития отечественного нефтегазового комплекса. Так, использование местных товаров и услуг было в явном виде определено законодательно, и в период 1972 – 1974 гг. норвежская доля поставок достигла уровня 90% [3].

Создание в 1972 г. норвежской государственной компании «Статойл» и обеспечение участия в освоении шельфа двух частных норвежских компаний – «Норск Гидро» и «Сага Петролеум» – было направлено на формирование ключевой роли норвежских компаний в нефтегазовом секторе.

Международным и зарубежным компаниям была отведена ключевая роль технологического обеспечения в совместных альянсах с норвежскими компаниями, а также роль «катализатора» в превращении норвежских компаний в полноценных операторов разработки шельфовых месторождений.

Совместные предприятия в сервисном секторе создавались также на основе принципов, в результате действия которых норвежские инжиниринговые компании смогли получить доступ к передовым технологиям. Норвежский опыт показывает, что процедура доступа иностранных компаний к разработке углеводородных месторождений может эффективно использоваться как инструмент решения широкого круга технологических, экономических и социальных проблем.

Так, например, реализованная общественная ценность освоения месторождения «Экофиск» (крупнейшее месторождение на шельфе Северного моря) по состоянию на конец 2004 г. выглядела следующим образом: в общей стоимости добытых ресурсов 36% составляла стоимость товаров и услуг (закупленных для

реализации проекта), около 50% приходилось на обычные налоги, а также платежи рентного происхождения, примерно 4% составила зарплата занятых в проекте и около 10% получили владельцы компаний-недропользователей.

Весьма важным аспектом деятельности нефтегазового сектора является его влияние на социально-экономическую систему региона и страны в целом, что находит отражение в получении дополнительных выгод различными реципиентами (например, промышленность, наука и образование). Наряду с этим, не все из указанных выгод могут быть достаточно точно оценены по сравнению, например, с косвенными и мультипликативными эффектами от реализации инвестиционных проектов, характеризующихся высокой капиталоемкостью и длительностью периода организации.

Содействие формированию производственной инфраструктуры в добывающих регионах заслуживает особого внимания в государственной экономической политике и является необходимым условием устойчивого и эффективного развития нефтегазового комплекса как базовой составляющей региональной хозяйственной специализации.

Производственная структура нефтегазодобывающего региона характеризуется тем, что она оказывает материальные и нематериальные производственные услуги, носящие вспомогательный характер. Нефтегазовая промышленность предъявляет особые требования к производству услуг промышленной инфраструктурой региона, во многом определяя экономическую деятельность всех предприятий и организаций региона, а косвенным образом и уровень жизни населения.

Среди основных задач, которые возникают у новых добывающих регионов на различных этапах освоения месторождений, можно отметить следующие [10]:

1. На поисково-разведочном этапе:
- создание условий для привлечения нефтегазодобывающих компаний в регион (нормативно-правовых, инвестиционных и др.);

- стимулирование поисков и разведки углеводородных месторождений в регионе.

2. На этапе растущей добычи:

- поддержание конкурентной среды в формирующемся нефтегазовом секторе экономики;

- привлечение новых инвестиций в регион;

- обеспечение эффективного отбора запасов;

- наполнение бюджета;

- максимизация рентных доходов;

- создание производственной, транспортной и социальной инфраструктуры;

- привлечение трудовых ресурсов.

3. На этапе стабильной добычи:

- сбор налогов;

- использование средств, поступающих от нефтегазодобычи.

4. На этапе завершающей добычи:

- продление нефтегазодобычи в регионе;

- формирование новой структуры экономики;

- социальные вопросы, связанные с высвобождением рабочей силы;

- использование накопленного интеллектуального, производственного, инфраструктурного и финансового потенциала.

По мере освоения углеводородных месторождений возникают вопросы поддержания уровня занятости населения и формирования новой структуры экономики в регионе.

Факторы и условия, созданные на территории в процессе развития нефтегазового сектора, в дальнейшем могут быть с успехом использованы при формировании новой структуры экономики региона.

Сеть вспомогательных производств может быть переориентирована на обслуживание нефтегазодобычи в других регионах. Наличие нефтегазоперерабатывающих мощностей, как показывает практика, позволяет продолжить их функционирование за счет поступления сырья из других добывающих регионов (в том числе из вновь осваиваемых районов). Накопленный в процессе освоения нефтегазового региона интеллектуальный потенциал (квалификация, знания и опыт работников) вполне может быть использован при создании в регионе новых высокотехнологичных производств и отраслей.

Одновременно создание в процессе освоения месторождений высокоразвитой инфраструктуры позволяет рассматривать реализацию возможностей по сквозной транспортировке различных грузов в качестве весьма значительного направления развития экономики региона на стадии завершающей добычи.

Процесс формирования равноправных отношений с крупными нефтегазовыми компаниями-операторами проектов путем заключения различных соглашений в определенной степени помогает избежать обострения противоречий. Урегулирование взаимоотношений региона и добывающих компаний в основном связано с погашением задолженности, экологическими проблемами, воспроизводством минерально-сырьевой базы и защитой интересов коренного населения. Однако подобного рода соглашения носят текущий характер, направленный на решение накопившихся проблем, и не затрагивают проблемы обеспечения функционирования экономики региона в долгосрочной перспективе.

Баланс интересов и минимизация противоречий между государством, нефтегазовыми компаниями и местным населением во многом определяют поступательное и сбалансированное социально-экономическое развитие добывающего региона.

Игнорирование или ущемление интересов кого-либо из перечисленных субъектов неизбежно будет приводить к существенному снижению так называемого синергетического эффекта, основанного на взаимном сотрудничестве.

Достижение баланса интересов взаимодействия бизнеса, государства и проживающего на данной территории населения является одним из ключевых условий устойчивого развития регионов при освоении месторождений. В процессе освоения месторождений Арктики характер данного взаимодействия имеет свои особенности, а проблемы согласования интересов приобретают всё большую остроту и актуальность.

Это обусловлено, во-первых, преобладанием ресурсодобывающих производств и возрастающей антропогенной нагрузкой на уязвимую природу северных территорий. Особое влияние такие изменения оказывают на коренное и старожильческое население, которое занято традиционным природопользованием и для которого нарушение природных экосистем может означать не только ухудшение условий их жизнедеятельности, но и подрыв их этнокультурной устойчивости.

Во-вторых, повышенными требованиями и большей «затратоёмкостью» социальной инфраструктуры в северных регионах в силу их неблагоприятных природно-климатических условий, что обуславливает необходимость повышенной социальной ответственности бизнеса, работающего, а также намечающего осуществлять деятельность на данной территории.

Проведённый анализ показывает, что в России в сложившихся условиях институциональной среды взаимодействия государства, бизнеса и местных сообществ наименее защищены интересы последней группы, т.е. населения. Это обусловлено множеством факторов, среди которых и

недостаточность нормативно-правовых гарантий соблюдения интересов населения, и слабость механизмов исполнения существующих нормативных требований, и неразвитость институтов гражданского общества, которые способны представлять и отстаивать такие интересы.

Повышение актуальности вопросов защиты прав населения регионов Севера в настоящее время связано с планами осуществления крупномасштабных инвестиционных проектов по освоению новых месторождений природного сырья, прежде всего углеводородных ресурсов Арктического шельфа. Такие проекты требуют огромных финансовых и трудовых затрат, создания необходимой инфраструктуры, что сильно изменит облик и социально-экономическую ситуацию в районах, на которые распространяется воздействие проектов. Мировой и отечественный опыт свидетельствует о том, что такое воздействие на социально-экономические условия жизни местного населения может быть как позитивным, так и негативным.

В процессе освоения углеводородных месторождений принято выделять следующие макроэкономические эффекты от их освоения:

- привлечение эффективного объема инвестиций;
- трансфер современных технологий;
- увеличение бюджетных поступлений;
- косвенные эффекты, связанные с выполнением субподрядных работ региональными предприятиями;
- повышение занятости населения региона.

В *таблице 1* представлены основные положительные и отрицательные последствия для региона освоения на его территории нефтегазовых месторождений, влияющих на формирование мультипликативных экономических эффектов.

Таблица 1. Объективные положительные и отрицательные последствия для региона освоения на его территории нефтегазовых месторождений

Положительные	Отрицательные
Быстрый рост промышленного производства в регионе	Ограничение экономической динамики запасами месторождения
Увеличение налогооблагаемой базы	Снижение конкурентоспособности других предприятий региона из-за налоговых преференций
Повышение рентабельности бизнеса, связанного с добычей углеводородов	Тяготение региональной экономической системы к монопродуктовому типу
Рост доходов населения	Дифференциация населения по доходам
Импульс к развитию региональной инфраструктуры	Резкое увеличение нагрузки на экологическую систему

Все перечисленные макроэкономические эффекты являются составными элементами эффекта экономического мультипликатора, который выражает существующую экономическую зависимость между отраслями. При этом принято выделять добывающую отрасль — так называемый «генератор» инвестиционной волны, от которой экономическое влияние передается другим смежным отраслям.

Понятие «мультипликатор» (от лат. *multiplicator* — умножающий) было введено в экономическую теорию в 1931 г. английским экономистом Р. Каном. Рассматривая влияние общественных работ, которые организовала для борьбы с экономическим спадом и безработицей администрация Рузвельта, он отмечал, что государственные инвестиции в общественные работы приводят к «мультипликационному» эффекту занятости: возникает не только первичная, но и вторичная, третичная и т.д. занятость. Иначе говоря, первоначальные инвестиционные расходы бюджетных средств приводили к мультипликации покупательной способности и занятости населения.

Эти представления выразились вскоре в кейнсианской теории мультипликационного эффекта. Под мультипликатором в кейнсианской теории понимается коэффициент, показывающий зависимость изменения объема производства и национального дохода от изменения инвестиций.

Принцип мультипликатора основывается на взаимосвязи различных отраслей или производств в экономике. В общем виде его можно сформулировать следующим образом: рост спроса в одной отрасли автоматически будет вызывать рост спроса и в других отраслях, которые технологически связаны между собой. Так, спрос на нефтегазовое оборудование вызывает рост спроса на металл, комплектующие, электроэнергию. В свою очередь, металлургический комбинат увеличит спрос на руду, электростанции — на газ, уголь и т.д. Таким образом, возникает целый ряд инвестиционных импульсов, что очень благоприятно сказывается на экономической системе.

Нефтегазовый комплекс характеризуется не только высоким и устойчивым внутренним и экспортным спросом на собственную продукцию, но и создаёт высокий уровень спроса на продукцию сопряженных с ним отраслей. Степень развития сопряженных отраслей характеризуется так называемым показателем мультипликации. Для развитых стран величина мультипликатора составляет: Норвегия — 1,6-1,7; Австралия — 1,8-2,4; США — 2,1. Расчёты показывают, что для России «нефтегазовый» мультипликатор равен 1,9 и соответствует уровню других нефтедобывающих промышленно развитых стран [9].

Так, по проекту освоения Штокмановского газоконденсатного месторождения доходы российской стороны по «машино-

строительной» линии (через размещение заказов у российских подрядчиков, перевозчиков и т.д.) могут вдвое превысить аналогичные ее доходы по «газовой» линии.

С перемещением сырьевой базы нефтегазодобычи на шельф арктических морей возникает растущий спрос на наукоемкую, высокотехнологичную продукцию обрабатывающих отраслей промышленности.

Основной наукоёмкий производственный потенциал России сосредоточен в отраслях ВПК. Его перепрофилирование на производство нефтегазового оборудования связано с решением ключевой экономической задачи: необходимо обеспечить гарантированную окупаемость инвестиций в производство оборудования для нефтегазовой отрасли за счет реализации углеводородов, добытых в рамках проектов освоения месторождений нефти и газа, обеспечивших спрос на указанное оборудование. Следовательно, от масштабов и эффективности привлечения инвестиций в нефтегазовые проекты зависит экономический подъем и в отраслях российской «оборонки», и в других «несырьевых» отраслях российской экономики.

Все перечисленные макроэкономические эффекты (табл. 2) являются составными элементами эффекта экономическо-

го мультипликатора, который впервые был рассчитан коллективом ученых под руководством А. Арбатова [2].

Мультипликатор выражает существующую экономическую зависимость между отдельными отраслями. От добывающей отрасли, «генератора» инвестиционной волны, это влияние передается другим, смежным отраслям. При наличии хорошей эмпирической базы мультипликатор дает возможность заранее определять экономическую силу и период ее действия.

Эффект мультипликатора слабеет по мере удаления какой-либо заданной конкретной отрасли или производства от отрасли-«генератора», по мере снижения спроса и доходности. Описываемый эффект теряет свою действенность во времени, то есть угасает.

По логике рыночной экономики частный инвестор стремится максимизировать свой прямой экономический эффект с учетом существующих рисков, а государство должно стремиться к максимизации совокупного экономического и социального эффекта с учетом системы социальных, экологических и других ограничений. Частный инвестор и государство ведут своеобразную игру по трем ключевым вопросам: налоги, издержки и прибыль [6].

Таблица 2. Характеристика мультипликативного эффекта

Базовые характеристики	Мультипликативный эффект
Содержание эффекта	Представляет собой совокупность косвенных эффектов влияния на экономику региона и выражается в способности комплекса благодаря внутрирегиональной инициации спроса на ресурсы производства вызывать необходимость развития удовлетворяющих этот спрос отраслевых и межотраслевых производств
Формы выражения эффекта	<i>Мультипликатор продаж</i> образуется при использовании общих каналов дистрибуции и управления продаж из единого центра
	<i>Мультипликатор производства</i> возникает благодаря внутрирегиональной инициации спроса на ресурсы производства, учитывает необходимость развития удовлетворяющих этот спрос отраслевых и межотраслевых производств на территории.
	<i>Мультипликатор доходов</i> выражается в росте заработной платы, аренды, прибыли и прочих доходов участников кластера
	<i>Мультипликатор занятости</i> выражает корреляцию роста производства и общей занятости населения региона

При дальновидной и рациональной системе налогообложения частных инвестиционных проектов, к которым теперь относится и добыча нефти, макроэкономический эффект имеет более мощное, благодаря действию мультипликатора, и продолжительное действие. Оно отстает по времени от получаемого непосредственными участниками проекта прямого финансового эффекта.

Таким образом, временной горизонт государства должен быть значительно более обширным, чем у коммерческих участников инвестиционного проекта. Если инвестора интересует, как можно скорее вернуть вложенные средства, не подвергаясь высоким рискам, то государство, в первую очередь, заинтересовано запустить созидательный экономический процесс как таковой, отложив при необходимости получение прямого бюджетного эффекта. Это позволяет находить зоны рационального совмещения интересов государства и инвесторов. Однако государству необходимо в данном случае пойти на отказ от удовлетворения части своих текущих интересов ради достижения долгосрочных экономических целей.

Стремясь увеличить прямые поступления в бюджет, государство снижает потенциально достижимый экономический эффект для общества. Последний может быть измерен через интегральный (совокупный) экономический эффект от реализации проекта, определяемый совокупностью прямых и косвенных эффектов от проекта плюс генерируемыми этими эффектами соответствующими мультипликативными эффектами [1, 6, 11].

Очевидно, что чем больше предприятий будет вовлечено в косвенное участие в нефтегазовом проекте, тем больше будет конечный эффект. И чем больше склонность компаний к осуществлению инвестиций, тем выше макроэкономический

эффект. Это очень важный, но и в меньшей степени сложный объект государственного регулирования.

Исходя из изложенного выше, правомерно сделать вывод, что важнейшими стратегическими целями правительства (и региональных властей) применительно к регулированию недропользования в нефтегазовой сфере является обеспечение стабильного и сбалансированного развития нефтегазового комплекса, регионов, где осуществляется добыча, и государства в целом. Достижение названных целей возможно с помощью использования системы методов и инструментов государственного регулирования экономики в условиях становления рынка.

Таким образом, мультипликативный (косвенный) эффект при реализации нефтегазовых проектов обусловлен развитием других отраслевых производств на территории нового добывающего региона. Это означает, что объёмы инвестиций в формируемый кластер обеспечивают приращение потребления и доходов не только в данном кластере, но и других секторах экономики.

На величину мультипликатора большое влияние оказывают такие особенности, как норма сбережений населения, действующий режим налогообложения, уровень финансирования капитальных инвестиций, государственное потребление из госбюджета и внебюджетных фондов, а также ряд других макроэкономических индикаторов.

Большому значению мультипликатора соответствуют относительно более «длинные» цепочки внутриэкономических связей, порождающие эффект многократного кругооборота капитала и, следовательно, дополнительную косвенную экономическую активность. Если проект отличают, например, большая доля добавленной стоимости в его результатах и потребляемых

им ресурсах (товарах и услугах), относительно более высокий уровень заработной платы штатного персонала и оплаты труда прямых контрактов, то это, как правило, означает усиление косвенных экономических эффектов и увеличение мультипликатора.

Однако из всего этого не следует однозначно, что предпочтение надо отдавать именно таким проектам. Реализуемые в России нефтегазовые проекты с большой долей инвестиций в основной капитал хотя и имеют меньшие значения мультипликатора, но, во-первых, создают необходимые условия для реализации последующих планов, создающих более высокие мультипликативные эффекты (так, например, освоение нефтяных месторождений порождает спрос на транспортные услуги).

Во-вторых, крупные инвестиционные проекты сами по себе уже генерируют очень значительный абсолютный прирост косвенной деловой активности, что облегчает управление инвестициями и создает хорошие предпосылки для последующего экономического роста.

В зависимости от уровня развития и от некоторых других особенностей, внутренний рынок инвестиций сам определяет оптимальное соотношение различных проектов, делающее привлекательным инвестиционный климат страны.

В общем виде эффективность в сопряженных отраслях может измеряться через мультипликатор по следующей зависимости [4]:

$$\mathcal{E} = \sum_{i=1}^n M \cdot \mathcal{E}_i$$

где \mathcal{E} – суммарный эффект от вложений;

M – мультипликатор;

\mathcal{E}_i – вторичный эффект в i -той отрасли от вложений в базовую отрасль;

n – количество отраслей, в которых получается эффект от вложений в базовую отрасль.

Огромные запасы углеводородных ресурсов Арктического шельфа позволяют говорить о существенном для страны рентном потенциале, несмотря на удаленность и суровые климатические условия, что значительно удорожает работы в этих регионах. При разумной фискальной политике освоение нефтегазовых месторождений на севере России может стать не только выгодным вложением инвестиций и источником получения рентных доходов для государства, но и основой регионального социально-экономического развития.

Начало освоения газоконденсатного месторождения в Баренцевом море и прокладка трубопровода к побережью Мурманской области будут способствовать значительному социально-экономическому развитию соседних регионов, в частности Архангельской области, которая является одним из судостроительных центров России. Несмотря на произошедшую диверсификацию производств на крупнейших предприятиях ВПК Архангельской области и их переориентацию на гражданские цели, организации сумели сохранить высокий профессионализм инженерно-технического персонала и умение работать с высокими технологиями. Являясь крупнейшим судостроительным центром России, транспортные предприятия Архангельской области получают возможность поставок в Мурманскую область грузов, которые будут необходимы для реализации нефтегазовых проектов.

Важно отметить, что возникающие косвенные эффекты по экономической совокупности превосходят прямые бюджетные.

Так, согласно оценкам экспертов, реализацию проектов по освоению углеводородных ресурсов Арктики и эффект развития нефтегазового комплекса на территории Мурманской области в той или иной степени ощутит экономика восьми

регионов: Мурманской, Архангельской, Вологодской, Ленинградской областей, Санкт-Петербурга, Республики Карелия и Коми, Ненецкого автономного округа.

Основной эффект от развития нефтегазового комплекса ощутят не только «добывающие», но и «обрабатывающие», «машиностроительные» регионы Северо-Запада, строительная индустрия и электроэнергетика. Согласно проведенным исследованиям, каждый рубль дополнительного производства продукции нефтегазового комплекса увеличивает ВРП на 1,5 – 1,6 руб. [5]. Дополнительный эффект будет получен в виде роста налогооблагаемой базы, создания новых рабочих мест, увеличения платежеспособного спроса населения и т.д.

Из мировой практики известно, что при реализации нефтегазовых проектов до 80% общего объема работ приходится на предприятия, являющиеся поставщиками для нефтегазовой промышленности. Такими поставщиками являются сервисные компании, крупные металлообрабатывающие, строительные, транспортные и другие поставщики оборудования и материалов, металлоконструкций, а также научные и образовательные учреждения, являющиеся представителями различных отраслей промышленности в целом.

Когда упоминаются нефть и газ, большинство людей думают о больших корпорациях, но немногие знают, что в работе на шельфе участвуют и мелкие компании. Многие компании, работающие в сфере услуг и снабжения и играющие большую роль на шельфе, относятся к предприятиям малого бизнеса. В семи из десяти таких компаний работает менее 10 сотрудников [8].

Возникновение нового нефтегазового региона в России определяет необходимость развития малого бизнеса в нефтегазовом секторе экономики посредством эффективных экономических механизмов,

направленных на создание и поддержку малых и средних компаний в нефтегазодобывающем секторе. Особенностью организационной структуры мирового нефтегазового сектора является высокая роль мелких компаний на начальных и заключительных стадиях освоения и разработки сырьевых провинций.

Разработка крупных углеводородных месторождений требует значительного количества поставок металлоконструкций, оборудования, лакокрасочных материалов, спецодежды, продуктов питания, проведения строительных, геологоразведочных, транспортных, научно-исследовательских, а также других видов работ и услуг.

Нефтегазовая промышленность обеспечивает загрузку сотен предприятий смежных отраслей и в настоящее время имеет исключительное народнохозяйственное и социальное значение, определяя занятость населения, оперативность экономических связей, укрепление межрегиональных отношений, повышение налогооблагаемой базы.

Общим подходом промышленной политики при освоении углеводородных месторождений нового добывающего региона должна стать максимальная загрузка мощностей и увеличение объемов производства.

Это позволит основной массе предприятий полноценно восстановить экономическую ситуацию, наладить финансовое хозяйство, рассчитаться с кредиторами, а самое главное – наращивать инвестиционные возможности за счет амортизационных отчислений, а также за счёт увеличения собственной прибыли для инвестирования, что, в свою очередь, позволит проводить модернизацию основных фондов и поддерживать в работоспособном состоянии.

Реализация нефтегазовых проектов способна вовлечь в работу ключевые отрас-

ли промышленности, являющиеся смежными в межотраслевых технологических цепочках, ускоренное развитие которых явится локомотивом для смежных отраслей, то есть будут стимулировать развитие своих поставщиков и т.д. На определенном этапе начнут действовать мультипликативные эффекты, своего рода самовозбуждение экономического роста.

В сущности речь идет о стимулировании раскручивания восходящей спирали производственного, а впоследствии на его основе инвестиционного и потребительского спросов. Согласно результатам многих научных исследований, именно внутренний спрос является главным и наиболее надежным двигателем экономического и социального прогресса.

Важно, что в промышленности создается основной объем валового внутреннего продукта, что именно промышленность определяет технический уровень других отраслей народного хозяйства и социальной сферы, и, следовательно, положительная динамика промышленности предопределяет всё состояние общественного развития.

Очевидно, что процесс освоения углеводородных ресурсов новых регионов должен носить ярко выраженный социально ориентированный характер. Необходим комплексный подход к решению проблем сырьевых территорий, учитывающий особенности формирования, развития и функционирования нефтегазового сектора в регионе.

Литература

1. Актуальные проблемы Севера: анализ и рекомендации (научно-аналитический доклад) / Научный совет РАН по вопросам регионального развития; ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН, ИЭП Кольского НЦ РАН. – Москва: Сыктывкар: Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2007. – С. 48.
2. Арбатов, А.А. Роль потребления в формировании минерально-сырьевой базы страны: обзор / А.А. Арбатов, И.Г. Грицевич // Экономика минерального сырья и геологоразведочных работ. – М.: Геоинформмарк, 1988.
3. Додин, Д.А. Минерально-сырьевые ресурсы Российской Арктики (состояние перспективы, направления исследований) / Д.А. Додин. – СПб.: Наука, 2007. – С. 129.
4. Ермишина, А.В. Конкурентоспособность региона: методика оценки потенциала кластеризации [Электронный ресурс] / А.В. Ермишина. – Режим доступа: <http://www.cfin.ru/management/strategy/competitiveness.shtml>
5. Ильинский, А.А. Нефтегазовый комплекс Северо-Запада России: стратегический анализ и концепции развития / А.А. Ильинский, О.С. Мнацаканян, А.Е. Череповицын. – СПб.: Наука, 2006. – 474 с.
6. Конопляник, А.А. Россия на формирующемся евроазиатском энергетическом пространстве: проблемы конкурентоспособности / А.А. Конопляник. – М.: ООО «Нестор Академик Паблишер», 2003. – 592 с.
7. Крюков, В.А. Нефтегазовые ресурсы в трансформируемой экономике: о соотношении реализованной и потенциальной общественной ценности недр (теория, практика, анализ и оценки) / В.А. Крюков, А.Н. Токарев. – Новосибирск: Наука-Центр, 2007. – 588 с.
8. Маршалл, Д. Шанс изменить энергетическую политику на внешнем континентальном шельфе / Д. Маршалл // Нефтегазовые технологии. – 2006. – № 4. – Апрель. – С. 21.
9. Никитин, П.Б. О методологии экономической оценки ресурсов нефти и газа континентального шельфа России / П.Б. Никитин, Ю.А. Кибиткин // Вестник МГТУ. – 1999. – № 2. – Том 2. – С. 41-46.
10. Тоскунина, В.Э. Проблемы и перспективы освоения нефтегазовых ресурсов на Северо-Западе России / В.Э. Тоскунина. – Екатеринбург: УрО РАН, 2007. – С. 92-93.
11. Шафранник, Ю.К. Нефтяная промышленность в системе национальной экономики и геополитики России / Ю.К. Шафранник. – М., 2004.

УДК 332.142.4(470.12)

© Бабич Л.В.

© Леонидова Г.В.

Частно-государственное партнерство в образовании: модель управления человеческим капиталом

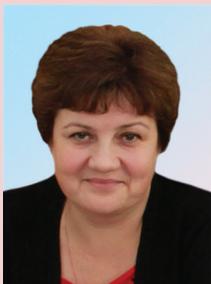
В статье рассматриваются вопросы управления использованием человеческого капитала как самого ценного нематериального актива, обеспечивающего переход экономики региона к инновационному пути развития. Предложена модель взаимодействия органов региональной власти, бизнес-сообщества и учреждений высшего профессионального образования на основе частно-государственного партнерства, реализация которой позволит в опережающем формате обеспечить перспективные потребности инновационной экономики в высококвалифицированных кадрах.

Человеческий капитал, использование человеческого капитала, частно-государственное партнерство в образовании, высшее профессиональное образование, подготовка кадров.

**Любовь Васильевна
БАБИЧ**

директор филиала ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет»
scorpio.1973@mail.ru

**Галина Валентиновна
ЛЕОНИДОВА**

кандидат экономических наук, доцент, зав. лабораторией ИСЭРТ РАН
galinaleonidova@mail.ru

Современные экономики остро нуждаются в высококвалифицированных кадрах, обладающих не только образовательной подготовкой, но и предприимчивостью, новаторскими, созидательными устремлениями и мотивами, способных овладеть новыми знаниями и активно управлять инновационным процессом. Условием решения главной стратегической задачи системы профессионального

образования – способности реагировать в опережающем формате на перспективные потребности инновационной экономики – является сотрудничество бизнес-сообщества и образовательных учреждений, совместная работа и объединение усилий органов власти и управления, работодателей и образовательных учреждений на принципах государственно-частного партнерства.

В «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации № 1662-р от 17 ноября 2008 года, «Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года (включая перечень проектов по реализации)», утвержденных Распоряжением Правительства Российской Федерации № 1663-р от 17 ноября 2008 года, и Программе антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год частно-государственное партнерство (ЧГП) определено как основа развития экономики и системы образования, что является важным условием достижения целевых ориентиров социально-экономического развития Российской Федерации.

Деятельность ЧГП в образовании регулируется рядом законодательных актов¹, в которых определены принципы частно-государственного партнерства:

- паритетность в отношении ресурсов, вложенных в программу частно-государственного партнерства;
- паритетная ответственность государства и бизнеса за реализацию проектов;
- наличие равноценных рычагов влияния и механизмов контроля со стороны бизнеса и государства за реализацией программ частно-государственного партнерства;
- эффективное использование ресурсов, вложенных партнерами в систему образования².

¹ Федеральный закон «Об автономных учреждениях» от 3 ноября 2006 года № 174-ФЗ; Федеральный закон «О концессионных соглашениях» от 21 июля 2005 года № 115-ФЗ; Постановление Правительства РФ «Об утверждении типового концессионного соглашения в отношении объектов образования» от 11 ноября 2006 г. № 671; Федеральный закон РФ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» от 30 декабря 2006 года № 275-ФЗ.

² Руководство по масштабному внедрению частно-государственного партнерства в образовании. — М., 2010. — 176 с. — С. 8-9.

В то же время практически отсутствует системная стратегия реализации ЧГП в сфере образования, что выражается:

- ◆ в отсутствии долгосрочных стратегий развития отраслей и организаций;
- ◆ в явной недостаточности четко обозначенных стратегических приоритетов развития ЧГП;
- ◆ в неумении представителей сферы образования консолидировать все заинтересованные стороны в целях реализации планируемых программ и проектов;
- ◆ в неразвитости форм «горизонтального» партнерства;
- ◆ в преобладании взаимодействия органов исполнительной власти государства с другими социальными партнерами на основе модели «управляемой демократии»³.

В связи с этим обоснование модели частно-государственного партнерства в сфере образования в Вологодской области и явилось целью настоящей статьи.

Идеология частно-государственного партнерства получила в настоящее время достаточно широкое распространение в мире. Частно-государственное партнерство, согласно утверждению *В.Г. Варнавского*, это институциональный и организационный альянс между государством и бизнесом в целях реализации общественно значимых проектов и программ в широком спектре отраслей промышленности и НИОКР, вплоть до сферы услуг⁴. При этом необходимыми условиями функционирования такого альянса являются законность, четкость, прозрачность, обоснованность и приемлемость правил игры для обеих сторон⁵.

³ Там же.

⁴ Варнавский В.Г. Альянс на неопределенный срок. — М.: Фельд-Почта, 2004. — № 29. — С. 5-9.

⁵ Орлова Э.О., Советов П.М. Механизм инвестиционного взаимодействия бизнес-структур и местного самоуправления. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. — 184 с.

Для государства основной причиной к учреждению частно-государственного партнерства является все возрастающая потребность в первую очередь в услугах, за поставку которых несет ответственность государство⁶. Среди них – образовательные услуги высшего профобразования, потребность в которых за последние годы значительно возросла. С 2000 по 2011 г. наблюдалась положительная динамика численности студентов и выпускников высших учебных заведений. Значения этих показателей в расчете на 10 тыс. населения области были ниже соответствующих данных по России в 1,3 раза, но сопоставимы с данными по развитым странам (так, численность студентов на 10 тыс. населения во Франции составляла 360 чел., в Великобритании – 380, а в Финляндии – 590)⁷.

Это говорит о том, что в регионе имеются неплохие возможности для увеличения численности специалистов с высшим профессиональным образованием. Доля студентов в составе экономически активного населения (в расчете на 10 тыс. населения), являющаяся одной из непосредственных характеристик интеллектуального потенциала территории, увеличилась в период с 1995 по 2011 г. более чем в 2,5 раза и по России в целом (с 375 до 982 человек), и в ее регионах (*табл. 1*).

Частно-государственное партнерство в образовании – это сотрудничество между органами государственной/муниципальной власти, образовательными организациями и бизнесом по реализации проектов в сфере образования на основе объединения ресурсов и распределения рисков, доходов и затрат.

⁶ Ефимова Л.И. Некоторые модели государственно-частных партнерств: тенденции и зарубежный опыт: доклад на семинаре «Государственно-частное партнерство: новые тенденции развития транспортной инфраструктуры» // Вестник Евро-азиатского транспортного союза. – 2003. – № 3. – С. 19.

⁷ Российский статистический ежегодник. 2007: стат. сб. / Росстат. – М., 2007. – С. 786.

Взаимоотношения сторон ЧГП носят партнерский, равноправный характер и зафиксированы в документах (договорах, контрактах и др.). Участники частно-государственного партнерства имеют права собственности на используемые ими в партнерстве активы и иные вещные права, объединяют свои ресурсы для достижения целей проекта (программы) частно-государственного партнерства, а далее распределяют между собой обязательства и риски.

В Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2020 года определена цель региональной системы профессионального образования: обеспечение потребностей социально-экономического комплекса региона в квалифицированных рабочих кадрах и специалистах.

В связи с этим в области был принят закон «О начальном и среднем профессиональном образовании»⁸ и она приступила к созданию многоуровневой системы частно-государственного партнерства.

Основным организационным механизмом данной системы в профобразовании стали координационные советы по подготовке кадров (отраслевые, муниципальные), попечительские и наблюдательные советы образовательных учреждений:

- областной координационный совет по подготовке кадров рабочих и специалистов при первом вице-губернаторе области;

- шесть отраслевых советов по направлениям: машиностроение и металлообработка; строительство; лесной комплекс; агропромышленный комплекс, торговля, сфера услуг; дорожное хозяйство и транспорт; образование;

⁸ Закон Вологодской области «О начальном и среднем профессиональном образовании в Вологодской области» от 16 января 2007г. № 1553-ОЗ.

Таблица 1. Численность студентов высших учебных заведений на 10 тыс. чел. экономически активного населения, чел.

Территория	Год								
	1995	2000	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
РФ	375	587	803	815	827	826	820	993	983
СЗФО	404	652	827	841	848	858	841	981	941
Вологодская область	285	453	653	635	645	684	656	765	741

Источники: Основные показатели развития регионов Северо-Западного федерального округа. 2009: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2009; Россия в цифрах. 2011: крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 581 с.; расчеты авторов.

■ семь муниципальных советов по подготовке кадров (в городах Череповце и Вологде, Великоустюгском, Тотемском, Сокольском, Вытегорском, Грязовецком районах)⁹.

Координационные советы явились площадками для переговоров руководителей предприятий, образовательных учреждений и профильных департаментов и обсуждения проблемных вопросов подготовки кадров для регионального рынка.

Кроме того, Правительством области в феврале 2011 года было принято решение о создании региональной системы прогнозирования потребности в кадрах на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

При участии Союза промышленников и предпринимателей формируется законодательная база для организации системного партнерства государства, бизнеса и профобразования: разработаны и внедряются документы, регламентирующие взаимодействие учебных заведений и организаций работодателей в вопросах подготовки кадров, закрепляющие учебные заведения за базовыми организациями (положение о базовой организации, форма соглашения о сотрудничестве и т.д.).

В рамках работы координационных советов идет обсуждение вопросов, связанных с разработкой нормативной базы по обеспечению формирования благопри-

ятного налогового режима для работодателей, вкладывающих средства в систему профессионального образования.

Однако из зоны ЧГП выпадают высшие учебные заведения, в то время как в развитых странах они все чаще рассматриваются в качестве ключевых партнеров федеральных и региональных властей при реализации политики социально-экономического развития территорий. Именно система высшего профессионального образования, строящая образовательный процесс на основе научно-исследовательской деятельности, призвана готовить специалистов новой формации, обеспечивающих становление инновационной экономики, поэтому альянс «вуз – предприятие» должен стать средоточием эффективного формирования и использования человеческого капитала региона.

Важно включение в систему частно-государственного партнерства такого значимого сегмента регионального рынка, как малый и средний бизнес, который тоже практически остается в стороне.

Схема модели управления использованием человеческого капитала региона в интересах его инновационного развития на основе частно-государственного партнерства представлена на рисунке 1.

Реализация данной модели возможна в каждой из приоритетных отраслей промышленности региона: машиностроении, текстильном и льняном производствах, лесном комплексе и др.

⁹ Публичный доклад о состоянии и результатах деятельности системы образования Вологодской области за 2010/2011 учебный год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.edu35.ru/>

Рисунок 1. Модель управления использованием человеческого капитала региона на основе частно-государственного партнерства

Для этого, по нашему мнению, необходима концентрация предприятий отрасли вокруг одного сильного учебного заведения высшего профессионального образования (или – нескольких, если программы СПО и ВПО реализуются разными учреждениями) при активной поддержке со стороны Правительства области.

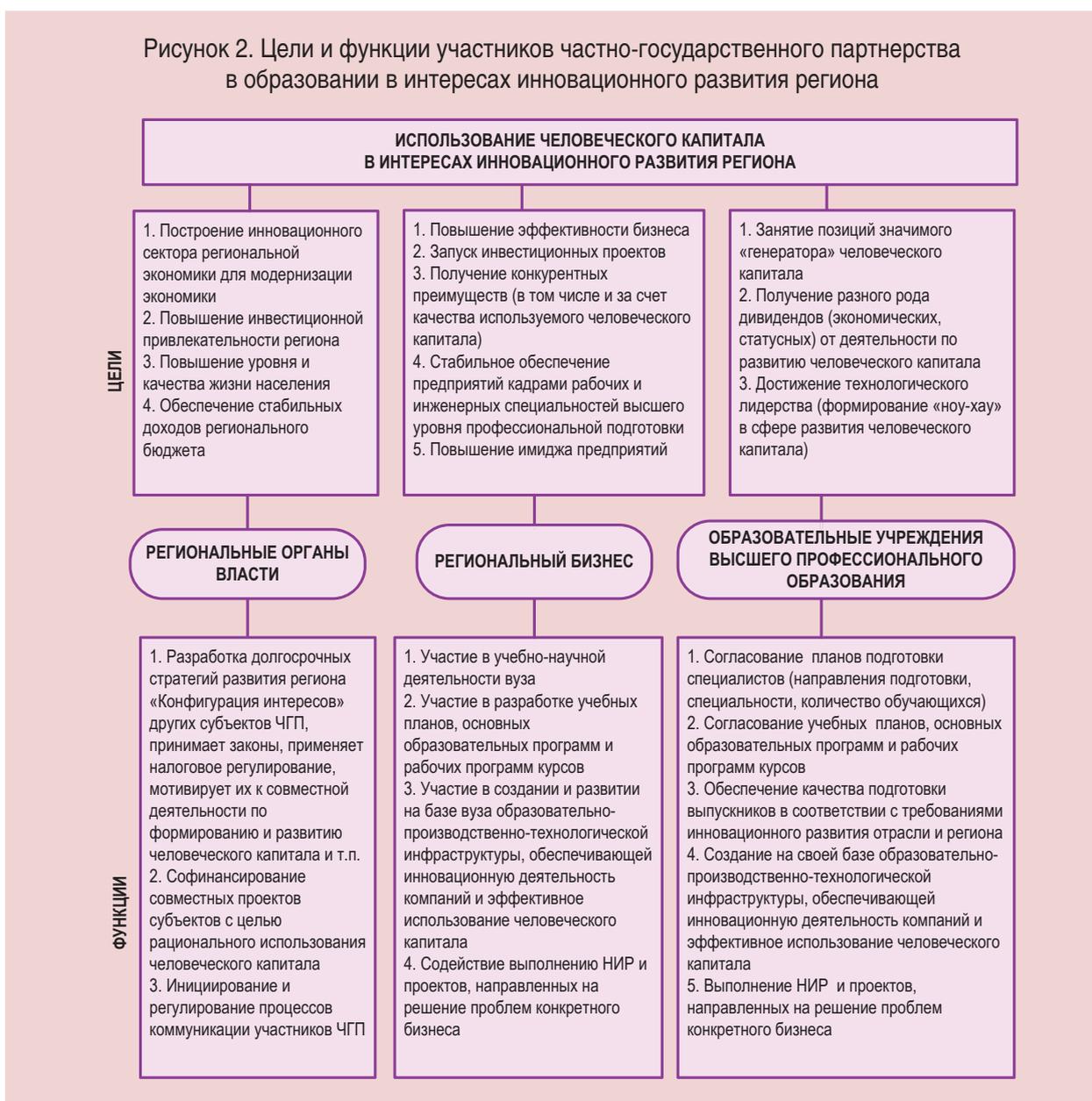
Указанные субъекты имеют собственные интересы, однако эти приоритеты и цели носят согласованный характер, а их взаимодействие имеет синергетический эффект для развития и эффективного использования человеческого капитала региона (рис. 2). В соответствии с данной моделью предполагается выполнение каждым из партнеров закрепленных за ним функций.

Таким образом, функционирование ЧГП представляет собой совместную комбинацию государственных и частных

компетенций и интересов, которая, с одной стороны, позволяет властям региона решать насущные проблемы с финансированием инфраструктурных объектов и социальных программ, с другой – дает возможность частному бизнесу вкладывать деньги и получать интересующую его прибыль. Частно-государственное партнерство позволяет избежать как недостатков прямого регулирования государства, так и «провалов» рынка.

Инструментами частно-государственного партнерства, способными регулировать механизм подготовки кадров для решения конкретных производственных задач, являются институт целевой подготовки кадров и федеральное целевое квотирование бюджетных мест в вузах и федеральных учреждениях среднего профессионального образования.

Рисунок 2. Цели и функции участников частного-государственного партнерства в образовании в интересах инновационного развития региона

Постановлением Правительства Вологодской области «О порядке определения объема и структуры приема обучающихся за счет средств областного бюджета в образовательных учреждениях среднего и высшего профессионального образования» № 1371 от 27 декабря 2005 г. определен дополнительный механизм целевой контрактной подготовки. Однако анализ исполнения постановления показывает неотработанность правовых механизмов, способствующих трудоустройству

выпускников в соответствии с целевым договором (доля трудоустроенных «целевиков» ВГПУ составила 22%). Кроме того, в ряде случаев имеет место пассивное отношение вузов к взаимодействию с предприятиями и организациями по внедрению механизма целевой подготовки. Как видно из *таблицы 2*, федеральная квота вологодскими вузами выполнена, а целевая подготовка специалистов по договорам с предприятиями обеспечила только 82% квоты.

Таблица 2. Целевой прием по федеральной квоте и по договорам с учреждениями и организациями в вузы Вологодской области в 2009 году, чел.

Вуз	Количество мест		Выполнение квоты		% выполнения	
	по федеральной квоте	по договорам с учреждениями и организациями	по федеральной квоте	по договорам с учреждениями и организациями	по федеральной квоте	по договорам с учреждениями и организациями
Вологодский институт экономики и права	410	-	464	-	113,1	-
Вологодский государственный педагогический университет	-	212	-	114	-	54
Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина	165	60	165	60	100	100
Вологодский государственный технический университет	57	-	43	-	75,4	-
Всего	632	272	672	174	106,3	82

Источник: Концепция кадровой политики муниципального образования «Город Вологда» до 2020 года «Вологда – город профессионалов» [Электронный ресурс]: утверждена Постановлением Администрации города Вологды от 28.09.2010 № 5165. – Режим доступа: <http://vologda-portal.ru>

Еще одним инструментом ЧГП можно назвать институт социального партнерства. Данная парадигма отношений выстраивается в сфере начального профессионального образования Вологодской области как многочисленные связи учреждений НПО с различными предприятиями, учреждениями, организациями.

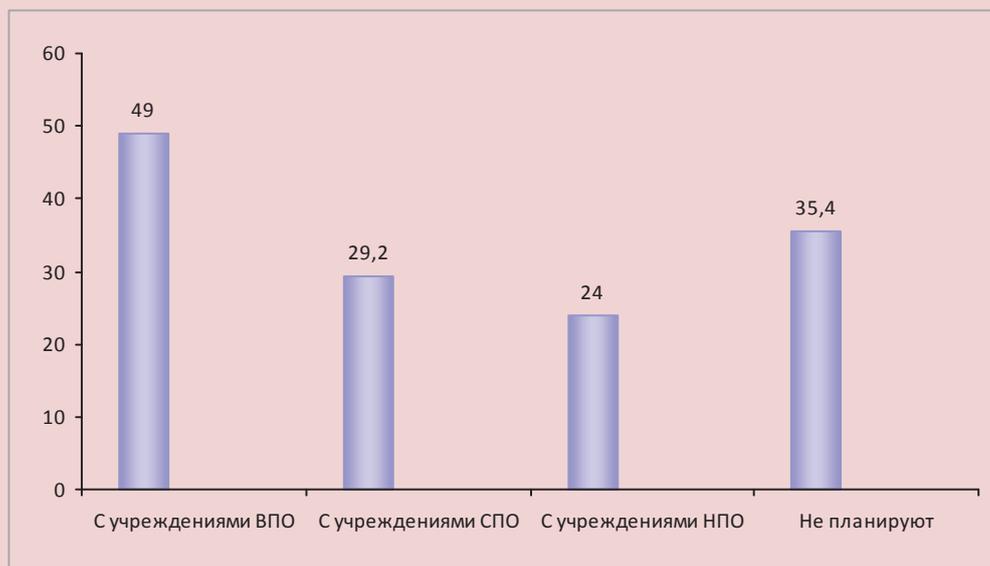
К направлениям реализации социального партнерства относится организация департаментом образования работы по изучению рынка труда. Анализ показал, что образовательные учреждения согласовывают контрольные цифры приема в профессиональные образовательные учреждения с работодателями, так как на рынке труда существуют значительные различия между интересами предприятий разных форм собственности, что определенным образом влияет на сотрудничество с ними. Крупные предприятия, такие как ОАО «Северсталь», ОАО «Череповецкий сталепрокатный завод», Вологодское отделение Северной железной дороги, АОЗТ «Вологодский подшипниковый завод» и ряд других, традиционно являющиеся партнерами учреждений профессионального образования, постоянно откликаются на предложения о сотрудничестве.

Это объясняется тем, что именно они испытывают потребность в рабочих кадрах и специалистах из-за слабой привлекательности тех вакансий, которые они заявляют на рынок труда. В то же время присутствует неорганизованность работодателей, занятых малым и средним бизнесом, а также их недоверие к качеству профессиональной подготовки специалистов, что не позволяет быстро и эффективно наладить диалог с данной категорией работодателей. Однако в этой сфере есть и примеры готовности к различным формам сотрудничества, прежде всего предприятий торговли, общественного питания, бытового обслуживания.

Вместе с тем доля организаций и предприятий, планирующих расширить (начать) сотрудничество с учреждениями профессионального образования, не превышает 50%, а тот факт, что 35% обследованных в 2007 – 2008 гг. предприятий вообще не планировали сотрудничество, говорит о неполной эффективности института социального партнерства (рис. 3).

В настоящее время на базе одного из элементов Научно-образовательного центра – филиала Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета в г. Вологде –

Рисунок 3. Доля организаций и предприятий, планирующих расширить (начать) сотрудничество с учреждениями профессионального образования, %

Источник: данные экспертного опроса руководителей предприятий и организаций г. Вологды, проведенного ИСЭРТ РАН.

прорабатываются вопросы юридического и организационного характера по созданию государственного образовательного учреждения Института регионального развития (ИРР), учредителем которого может выступить региональное правительство, а научное руководство может осуществлять Российская академия наук. Цель деятельности Института — целевая подготовка высококвалифицированных специалистов по заказу региональных и муниципальных органов управления, хозяйствующих субъектов, то есть подготовка региональной управленческой элиты. Проект реализации Института есть не что иное, как форма (модель) организации управления использованием человеческого капитала в интересах инновационного развития предприятий отрасли машиностроения и региона в целом¹⁰.

¹⁰ Ильин В.А., Гулин К.А., Ускова Т.В. Интеллектуальные ресурсы как фактор инновационного развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2010. — № 3. — С. 14-25.

Создание ИРР предполагает:

- интеграцию научно-образовательного комплекса с предприятиями региона с целью осуществления совместной деятельности по развитию профессиональных компетенций выпускников и построению эффективного механизма взаимодействия вузовской науки, бизнеса и власти; формирование эффективного научно-образовательного пространства¹¹;
- научно-методическое обеспечение непрерывного образования;
- интеграцию научно-технического потенциала региона;
- формирование сети стратегических партнеров, заинтересованных во взаимовыгодном сотрудничестве в области подготовки кадров;
- устойчивое развитие региона и повышение его инвестиционной привлекательности;

¹¹ Леонидова Г.В. К проблеме формирования регионального научно-образовательного пространства // Вестник ИНЖЭКОНа. — СПб.: СПбГИЭУ, 2010. — № 1 (36). Серия «Экономика». — С. 134-142.

- повышение уровня и качества жизни населения региона.

На *рисунке 4* представлена схема функционирования ИРР на примере машиностроительной отрасли, составляющей основу инновационного развития экономики региона.

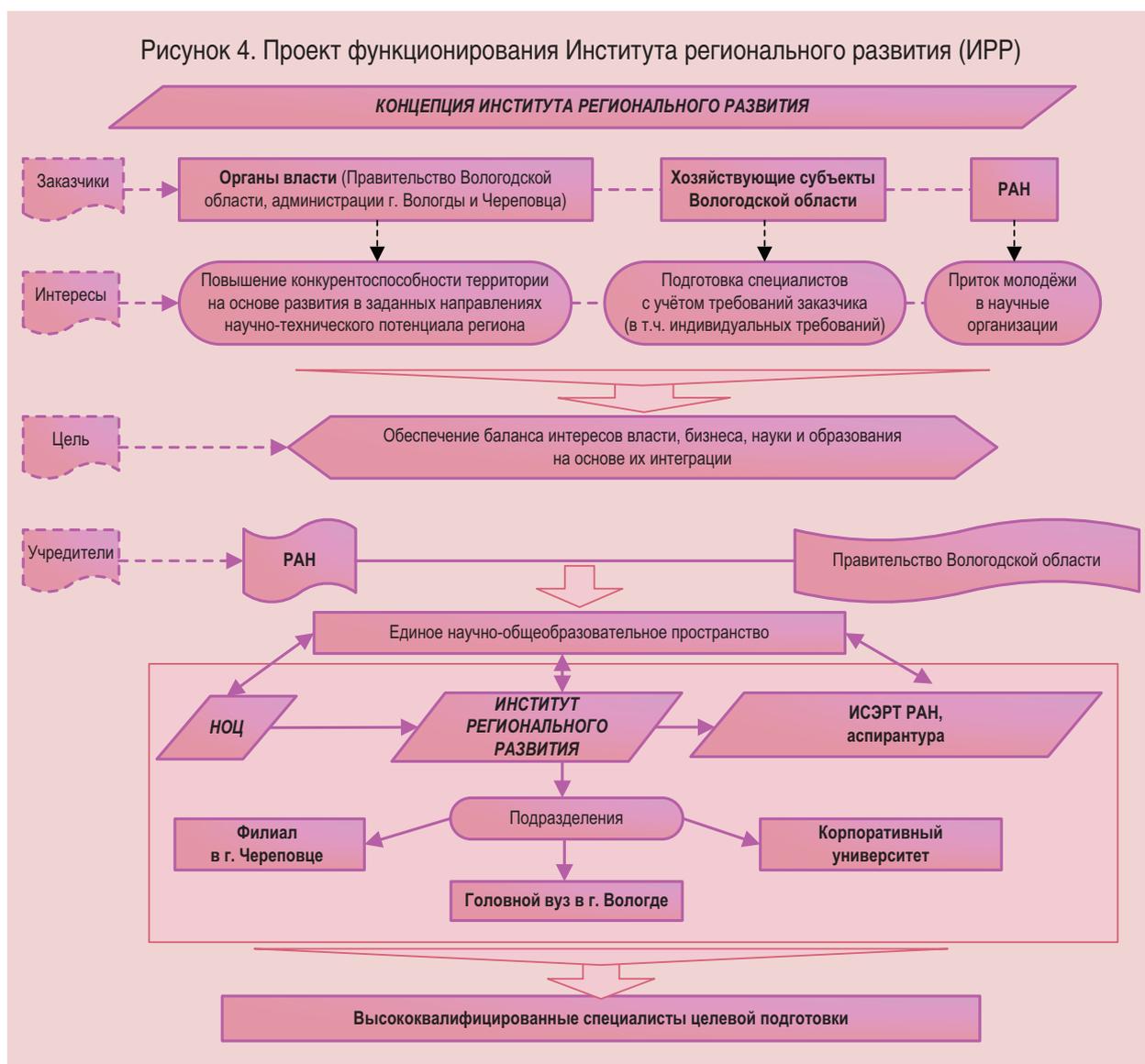
В рамках деятельности ИРР партнерами, т.е. субъектами управления использованием человеческого капитала, являются:

- департамент промышленности, науки и инновационной политики Правительства области;
- ассоциация «Машиностроительные предприятия Вологодской области»;

- научно-образовательный комплекс, ядром которого является филиал ФГБОУ ВПО СПбГИЭУ в г. Вологде (ИНЖЭКОН).

В предложенной модели сотрудничества участников государственно-частного партнерства возможно по следующим направлениям:

1. Департамент промышленности, науки и инновационной политики Правительства области – филиал ФГБОУ ВПО СПбГИЭУ в г. Вологде: посредством активной научно-технической политики департамент управляет деятельностью ИРР в форме предоставления филиалу государственных заказов и грантов, выделения

средств на реализацию программ развития, прямого бюджетного финансирования проектов, направленных на формирование и рациональное использование человеческого капитала региона.

II. Департамент промышленности, науки и инновационной политики Правительства области – ассоциация «Машиностроительные предприятия Вологодской области»: департамент мотивирует предприятия к сотрудничеству посредством формирования благоприятного налогового режима.

III. Ассоциация «Машиностроительные предприятия Вологодской области» – филиал ФГБОУ ВПО СПБГИЭУ в г. Вологде: ассоциация участвует в работе по обеспечению качества подготовки специалистов (разработка учебных планов, основных образовательных программ, рабочих программ курсов). В качестве конечного потребителя образовательной услуги принимает участие в работе государственной аттестационной комиссии вуза. Софинансирует развитие на базе вуза образовательно-производственно-технологической инфраструктуры, обеспечивающей инновационную деятельность предприятий отрасли и эффективное использование кадров посредством их вовлечения в выполнение НИОКР.

Координацию проекта может осуществлять *Координационный совет*, функции которого вполне созвучны действующему в Вологодской области отраслевому совету по подготовке кадров (по направлению машиностроение) и который в настоящее время регулирует взаимодействие бизнес-структур с учебными заведениями начального профессионального образования. В состав данного органа, по нашему мнению, могут войти представители всех участников ЧГП: от департамента – ответственные лица, курирующие машиностроительный комплекс региона; от ассоциации –

представители предприятий, ответственные за кадровое обеспечение и выполнение НИОКР; от вуза – директор филиала, заместитель директора по науке и заведующий выпускающей кафедрой.

Сегодня идет разработка текущего и перспективного (на среднесрочную и долгосрочную перспективы) планов развития ИРР, в которых находят отражение вопросы структуры, объема и качества подготовки кадров, развития образовательно-производственно-технологической инфраструктуры и модернизации учебно-материальной базы филиала СПБГИЭУ, повышения квалификации профессорско-преподавательского состава и др.

Представляется, что Институт регионального развития должен стать центром современной системы непрерывного бизнес-образования в Вологодской области, что обеспечивается наличием:

- программ высшего профобразования по подготовке инновационных менеджеров и инженеров;
- программ среднего профобразования по подготовке специалистов среднего звена (технологов и т.п.);
- Центра непрерывного образования, реализующего программы повышения квалификации и переподготовки работающего персонала предприятий;
- проекта создания молодежного научно-инновационного центра, ключевого элемента образовательно-производственно-технологической инфраструктуры проекта, своего рода ресурсной базы, имеющей современное материально-техническое оснащение и обеспечивающей возможность реализации человеческого потенциала талантливой молодежи с целью формирования критической массы человеческого капитала, способного решать задачи повышения конкурентоспособности территории;

- Центра довузовской подготовки, обеспечивающего целевую работу с талантливой молодежью.

Реализации проекта ИРР будет способствовать использование опыта филиала СПбГИЭУ в г. Вологде и ИСЭРТ РАН по индивидуализации образовательного процесса уже на первой ступени – в Научно-образовательном центре (НОЦ), который действует в области с 2003 года на базе ИСЭРТ РАН¹², в частности таких форм работы, как:

- система дистанционного, очно-заочного обучения и консультирования одаренных детей и талантливой молодежи с использованием возможностей образовательно-научных и инновационных структур университета;

- проведение летних лагерей для одаренных детей и талантливой молодежи;

- прохождение студентами филиала и учащимися НОЦ практики для установления заблаговременного контакта работодателей с перспективными студентами города;

- участие студентов филиала в иностранных стажировках;

- академическая мобильность и участие студентов и преподавателей в международных программах обмена;

- создание базовых кафедр филиала в ИСЭРТ РАН.

Предложенный подход позволит руководству области решать приоритетные задачи её инновационного развития за счет рационального использования такого нематериального актива, как человеческий капитал.

¹² Леонидова, Г.В. Генерация знаний талантливой молодежи в интересах интеллектуализации человеческого капитала: методы и формы осуществления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. – № 13. – С. 90-100.

Проект соответствует основным направлениям Долгосрочной целевой программы «Комплексное развитие системы профессионального образования в Вологодской области на 2011 – 2015 годы»:

1. Совершенствование прогнозирования кадровых потребностей региональной экономики, формирование и распределение государственного задания и заказа на подготовку кадров, в том числе создание нормативной базы формирования государственного регионального заказа системе профессионального образования, на основе которого будут определяться объемы и направления подготовки в учреждениях профессионального образования.

2. Повышение востребованности выпускников учреждений профессионального образования на региональном рынке труда через организацию информационных и профориентационных кампаний по профессиям и специальностям приоритетных отраслей экономики; заключение договоров с организациями на подготовку, переподготовку и повышение квалификации кадров; профориентационную работу, повышение престижа востребованных на рынке труда рабочих профессий и специальностей.

3. Формирование эффективной территориально-отраслевой организации ресурсов учреждений начального и среднего профессионального образования посредством выстраивания оптимальной структуры учреждений профессионального образования, организации эффективного сетевого взаимодействия учреждений профессионального образования всех уровней (школа/НПО/СПО/ВПО) и их сотрудничества с работодателями (оборудование новых ресурсных центров учреждений профессионального образования по приоритетным направлениям экономического развития области: строительство, машиностроение и металло-

обработка, агропромышленный и лесной комплексы, деревообработка и др.; модернизация содержания профессионального образования в соответствии с потребностями регионального рынка труда и требованиями работодателей).

Целесообразность этого обуславливается следующим: во-первых, данные механизмы позволят сориентировать как образовательную, так и научную деятельность

на решение практических задач, стоящих перед региональной экономикой; во-вторых, значительно расширятся возможности для повышения качества подготовки специалистов и конкурентоспособности научно-образовательных учреждений; в-третьих, будут созданы необходимые предпосылки для перехода к инновационно-ориентированной экономике.

Литература

1. Варнавский, В.Г. Альянс на неопределенный срок / В.Г. Варнавский. — М.: Фельд-Почта, 2004. — № 29. — С. 5-9.
2. Груздов, В.В. Частно-государственное партнерство как инструмент инновационного развития / В.В. Груздов // Право интеллектуальной собственности. — 2007. — № 2.
3. Ефимова, Л.И. Некоторые модели государственно-частных партнерств: тенденции и зарубежный опыт: доклад на семинаре «Государственно-частное партнерство: новые тенденции развития транспортной инфраструктуры» / Л.И. Ефимова // Вестник Евро-азиатского транспортного союза. — 2003. — №3.
4. Ильин, В.А. Интеллектуальные ресурсы как фактор инновационного развития / В.А. Ильин, К.А. Гулин, Т.В. Ускова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2010. — № 3. — С. 14-25.
5. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.
6. Леонидова, Г.В. Генерация знаний талантливой молодежи в интересах интеллектуализации человеческого капитала: методы и формы осуществления / Г.В. Леонидова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. — № 13. — С. 90-100.
7. Леонидова, Г.В. К проблеме формирования регионального научно-образовательного пространства / Г.В. Леонидова // Вестник ИНЖЭКОНа. — СПб.: СПбГИЭУ, 2010. — № 1 (36). — Серия «Экономика». — С. 134-142.
8. Орлова, Э.О. Механизм инвестиционного взаимодействия бизнес-структур и местного самоуправления / Э.О. Орлова, П.М. Советов. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. — 184 с.
9. Публичный доклад о состоянии и результатах деятельности системы образования Вологодской области за 2010/2011 учебный год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.edu35.ru/>
10. Постановление Правительства РФ от 11 ноября 2006 г. № 671 «Об утверждении типового концессионного соглашения в отношении объектов образования».
11. Руководство по масштабному внедрению частно-государственного партнерства в образовании. — М.: Изд-во МАКС Пресс, 2010. — 176 с.
12. Стратегия развития образования в Вологодской области на период до 2020 года: одобрена Постановлением Правительства области от 3 марта 2009 г. № 398.
13. Федеральный закон РФ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» от 30 декабря 2006 года № 275-ФЗ.
14. Федеральный закон «Об автономных учреждениях» от 3 ноября 2006 года № 174-ФЗ.
15. Федеральный закон «О концессионных соглашениях» от 21 июля 2005 года № 115-ФЗ.

УДК 338.436.33(470. 13-22)

© Иванов В.А.

Устойчивое развитие аграрного сектора зоны Севера: состояние, факторы, направления*

В статье дан анализ устойчивости сельского хозяйства северных территорий в дореформенный и в трансформационный период. Показано влияние аграрной реформы на динамику производства продукции растениеводства и животноводства, изменение производственного потенциала, рассмотрены показатели потребления продуктов питания населением субъектов Севера, финансового состояния сельскохозяйственных организаций. Дана оценка влияния реализации приоритетного национального проекта «Развитие АПК» на устойчивость аграрного сектора. Выявлены факторы и условия, сдерживающие устойчивое развитие сельского хозяйства. Для обеспечения устойчивого развития аграрного сектора предложен комплекс мер, включающих обновление сельскохозяйственного законодательства, модернизацию производства на основе применения новейших технологий, усиления государственной поддержки сельхозтоваропроизводителей.

Устойчивость, устойчивое развитие, аграрный сектор, рыночные преобразования, инновации, господдержка, Север.

**Валентин Александрович
ИВАНОВ**

доктор экономических наук, профессор, зав. лабораторией
Института социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уральского отделения РАН
ivanov@iespn.komisc.ru

Устойчивое развитие аграрного сектора и сельских территорий является составной частью общей проблемы устойчивого развития человечества. В соответствии с решениями Всемирного саммита по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (2002), период с декабря 2005 по 2014 г. является началом перехода мирового сообщества к устойчивому развитию.

Каждая страна, согласно Плану выполнения решений этого саммита, должна содействовать достижению устойчивого развития посредством принятия и обеспечения соблюдения четких и эффективных законов в поддержку устойчивого развития, а также осуществить другие меры по укреплению институциональной базы.

* Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ «Концепция и экономический механизм инновационного развития сельского предпринимательства северного региона» (№ 11-12-11003 а/С).

В 1996 г. Президентом России на основании рекомендаций ООН принят Указ «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию». В Концепции ставится задача «осуществить в Российской Федерации последовательный переход к устойчивому развитию, обеспечивающий решение социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей».

Необходимость перехода сельского хозяйства зоны Севера к устойчивому развитию обусловлена наращиванием производства местных продуктов питания, обеспечением экологически безопасной продукцией населения не только этого макрорегиона, но и других районов страны, решением проблем занятости коренного населения, ростом уровня жизни крестьянского сообщества, стабильным и сбалансированным природопользованием.

В настоящее время сельское хозяйство зоны Севера характеризуется как неустойчивое. В связи с этим разработка комплекса научно обоснованных мер, направленных на стабилизацию и устойчивое развитие северного земледелия, становится важной и актуальной задачей.

Анализ устойчивости сельского хозяйства в дореформенный период

В истории развития сельского хозяйства северных территорий наиболее благоприятными были 1960 – 1980-е годы. Проведенный с помощью регрессивных уравнений анализ динамики показателей эффективности сельскохозяйственного производства за 30-летний период показал, что на Европейском Севере среднегодовые темпы роста валовой продукции на душу населения составили 1,5%, на единицу земельной площади – 4,4, производитель-

ности труда в общественном секторе – 5,7%. Причем эти показатели были выше здесь по сравнению с Северо-Западным экономическим районом соответственно на 0,9; 1,3 и 1,1 процентного пункта.

Судя по динамике производства продукции растениеводства и животноводства в 13 субъектах, территории которых полностью входят в районы Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, среднегодовой объем производства овощей в 1986 – 1990 гг. по сравнению с 1971 – 1975 гг. увеличился на 19%, молока – на четверть, мяса – почти в 2 раза, яиц – в 2,6 раза. В дореформенный период на долю Европейского Севера приходилось свыше половины (54%) продукции сельского хозяйства зоны Севера. Изменение объемов производства продукции в дореформенный период показано на *рис. 1 и 2*.

Стратегия развития АПК в предреформенный период определялась интенсификацией на основе укрепления материально-технической базы. Развитие материально-технической базы происходило благодаря политике в области капиталовложений. Как видно из приведенных данных за 1976 – 1990 гг., объем капиталовложений растет как в целом по России, так и в регионах, за исключением Мурманской области (*табл. 1*).

Значительная работа была проведена по механизации работ в растениеводстве и животноводстве. Особенно большие успехи были достигнуты по подъему уровня комплексной механизации в животноводстве. Лишь в Якутской республике он оставался низким (*табл. 2*).

В предреформенный период в аграрном секторе Севера внедрялись севообороты, новые сорта сельскохозяйственных культур, новые технологии их возделывания, меры по повышению плодородия земли, научно обоснованные системы земледелия, системы интенсивного кормопроизвод-

Рисунок 1. Производство продукции растениеводства в хозяйствах всех категорий в субъектах, территории которых полностью входят в зону Севера, тыс. т

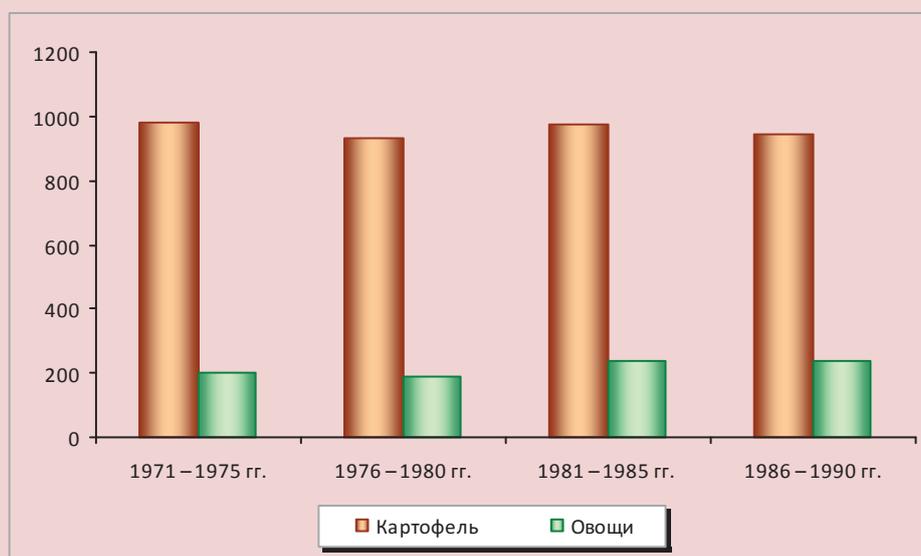
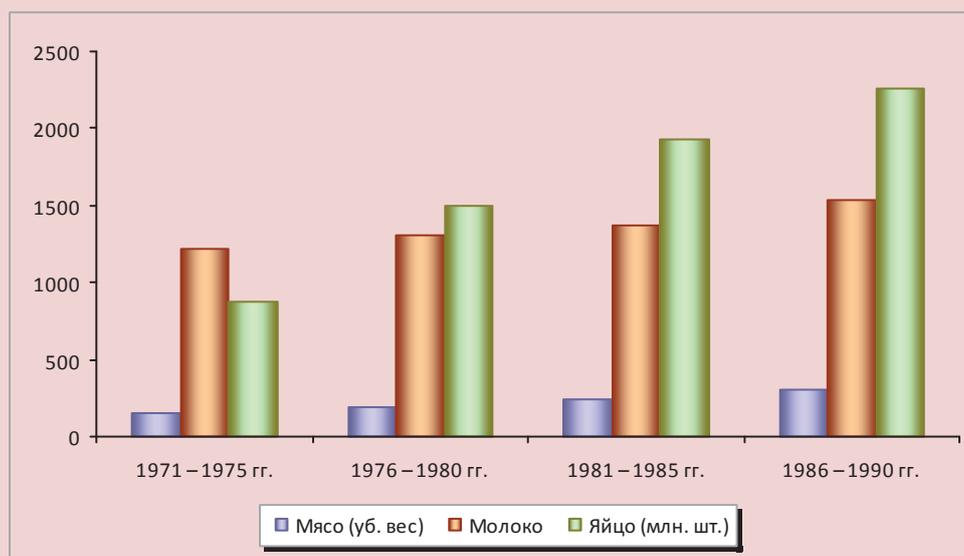

Рисунок 2. Производство продукции животноводства в хозяйствах всех категорий в субъектах, территории которых полностью входят в зону Севера, тыс. т

ства, прогрессивные технологии заготовки кормов, механизированные технологии производства семян и трав.

В животноводстве вблизи городов продолжалось строительство и освоение животноводческих комплексов и птицефабрик. В эти годы во многих регионах Севера практически была решена задача

обеспечения потребностей населения в яйце. Этому способствовал перевод отрасли на промышленную основу.

Показатели потребления продуктов питания жителями северных территорий приблизились, а по некоторым субъектам превысили среднероссийский уровень (табл. 3).

Таблица 1. Объем капиталовложений на развитие АПК*, млн. руб.

Территория	1976 – 1980 гг.	1981 – 1985 гг.	1986 – 1990 гг.	1986 – 1990 гг. к 1976 – 1980 гг., %
РСФСР, млрд. руб.	121,5	138,6	173,8	143
Нечерноземная зона	41,4	46,5	57,2	138
Республика Карелия	390	431	625	160
Республика Коми	447	486	615	138
Архангельская обл.	1016	1131	1450	143
Мурманская обл.	805	611	772	96
Республика Тува	375	376	468	125
Республика Саха (Якутия)	636	896	1613	254
Камчатская обл.	684	877	1293	189
Магаданская обл.	403	547	766	190
Сахалинская обл.	795	892	1403	176

Источник: Развитие агропромышленного комплекса РСФСР: стат. сб. / Госкомстат РСФСР. – М., 1991. – С. 79, 80.
* Территориальные единицы приведены в современном статусе.

Таблица 2. Уровень механизации в сельхозпредприятиях субъектов, территории которых полностью входят в зону Севера (1990 г.), %

Территория	Посадка овощей	Уборка картофеля комбайнами	Уровень комплексной механизации на фермах и комплексах		
			крупного рогатого скота	молочных	свиноводческих
Республика Карелия	99	29	59	76	57
Республика Коми	91	38	54	75	80
Архангельская обл.	82	83	54	76	85
Мурманская обл.	50	22	59	64	86
Республика Тува	49	36	35	71	75
Республика Саха (Якутия)	49	26	5	12	55
Камчатская обл.	93	60	93	95	90
Магаданская обл.	97	37	75	94	85
Сахалинская обл.	89	3	62	79	74

Источник: Развитие агропромышленного комплекса РСФСР: стат. сб. / Госкомстат РСФСР. – М., 1991. – С. 89, 90.

Таблица 3. Потребление основных видов продуктов питания на душу населения в 1990 г., кг

Территория	Мясо и мясные продукты	Молоко и молочные продукты	Яйцо, шт.	Картофель	Овощи и бахчевые	Сахар	Хлебные продукты
Научно обоснованная норма	88	440	290	110	140	43	110
РСФСР	75	387	297	106	89	47	120
Республика Карелия	57	375	321	82	75	42	111
Республика Коми	72	402	294	97	92	56	118
Архангельская обл.	61	363	295	65	71	49	113
Мурманская обл.	67	390	249	61	75	50	69
Республика Тува	58	299	222	44	49	46	126
Республика Саха (Якутия)	80	433	267	74	82	56	109
Камчатская обл.	82	342	285	58	101	58	94
Магаданская обл.	100	412	258	87	114	54	96
Сахалинская обл.	74	378	318	86	116	61	127

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008: стат. сб. / Росстат. – М., 2008. – С. 194-201.

В 1991 г. доля местных ресурсов в формировании продовольственного фонда, например в Республике Коми, достигла по картофелю 94%, овощам – 21, молоку – 48, мясу – 40, яйцу – 91%.

Происходили положительные изменения в сближении условий и уровня жизни городского и сельского населения, а также в ценообразовании на основе повышения закупочных цен на продукты сельского хозяйства, в финансовом состоянии сельхозпредприятий. В 1990 г. все совхозы и колхозы были рентабельными (табл. 4). Уровень рентабельности соответствовал оптимальной норме (40 – 50%), позволяющей осуществлять процесс расширенного воспроизводства. Высоким уровнем рентабельности отличалась продукция традиционных отраслей, особенно мяса оленей. В 1990 г. уровень рентабельности мяса оленей в Ямало-Ненецком автономном округе составлял 426%, Ненецком автономном округе – 424, Республике Коми – 324, Чукотском автономном округе – 274, Республике Саха (Якутия) – 208%.

Значительное влияние в источниках расширенного воспроизводства сохраняли бюджетные ассигнования. Например, в Республике Коми в среднем за 1976 – 1980 гг. доля госбюджета в источниках формирования основных фондов и прироста собственных оборотных средств составила 43%, за 1981 – 1985 гг. – 37, за 1986 – 1988 гг. – 31% [2, с. 148].

Важнейшим направлением социальной политики в дореформенный период было сближение условий и уровня жизни городского и сельского населения. Неуклонно возрастали совокупные доходы сельских семей, их уровень постепенно приближался к городским параметрам.

В Республике Коми, например, в 1989 г. совокупный доход на сельскую семью составлял 82,5% к уровню городской семьи, а среднедушевой совокупный доход сельского жителя к уровню горожанина – 72,4%. Уровень среднемесячной зарплаты работников сельского хозяйства составлял 236 руб., в целом по народному хозяйству – 282 руб., в промышленности – 325 руб., строительстве – 333 руб., на транспорте – 327 руб. [3, с. 21]. Четко прослеживалась тенденция повышения уровня обеспечения сельского населения различными видами услуг социально-бытового назначения, велась комплексная застройка центральных усадеб хозяйств, как опорных пунктов сельских территорий.

Таким образом, в дореформенный период аграрная политика, направленная на ускорение темпов интенсификации и индустриализации аграрного производства, повышение уровня жизни крестьян, способствовала экономической и социальной устойчивости отраслей сельского хозяйства зоны Севера.

Таблица 4. Уровень рентабельности, убыточности (-) продукции в сельхозпредприятиях субъектов, территории которых полностью входят в зону Севера (1990 г.), %

Территория	Сельское хозяйство	Растениеводство	Животноводство
Республика Карелия	44	14	16
Республика Коми	44	22	46
Архангельская обл.	51	43	51
Мурманская обл.	48	13	51
Республика Тува	41	-14	44
Республика Саха (Якутия)	152	-3	168
Камчатская обл.	69	25	76
Магаданская обл.	68	-18	77
Сахалинская обл.	46	24	50

Источник: Развитие агропромышленного комплекса РСФСР: стат. сб. / Госкомстат РСФСР. – М., 1991. – С. 306, 307.

В начале 1990-х гг. в районах Севера производился нормативный минимальный объем продовольствия, необходимый для устойчивого жизнеобеспечения.

Последствия влияния рыночных преобразований на устойчивость аграрной экономики

В ходе рыночных преобразований на селе происходят противоречивые социально-экономические процессы. За последние годы в основном созданы правовые и организационные условия для функционирования различных форм собственности и хозяйствования, заложены основы включения рыночных механизмов развития. Ликвидирована государственная монополия на землю. Подавляющая часть сельскохозяйственного производства и вся сфера переработки и реализации сельхозпродукции приватизированы. Сельскохозяйственные товаропроизводители получили право выбора форм хозяйствования, полную свободу в реализации произведенной ими продукции, приобретении материально-технических ресурсов и использовании доходов.

В настоящее время большинство жителей села обрели право собственности на землю. В собственность крестьян переданы имущественные и земельные паи, увеличены размеры личного землепользования и сняты ограничения с личного подсобного хозяйства, жилищного и подворного строительства. Доступ к земле открыт и для горожан. В условиях структурной перестройки экономики и связанного с этим роста числа безработных, ухудшения материального положения наделение граждан землей для ведения товарного и домашнего хозяйства является важным элементом их социальной защиты.

Создана новая социально-экономическая структура агропромышленного производства, характеризующаяся наличием частных, коллективных и индивидуальных организационно-правовых форм хозяйствования.

В настоящее время в зоне Севера функционируют коллективный, личный подсобный, крестьянско-фермерский уклады. Сформировались различные организационно-правовые формы: производственные сельскохозяйственные кооперативы, хозяйственные товарищества и общества, государственные унитарные предприятия, личные и фермерские хозяйства.

Переход к рынку сопровождался сокращением производства продукции сельского хозяйства, особенно животноводства. За 1990 – 2009 гг. производство мяса снизилось в 3,3 раза, молока – в 2,5, яиц – в 2,2 раза (*рис. 3*).

Падение производства продукции определило сокращение потребления населением местных продуктов питания. Так, например, в Республике Коми за 1990 – 2010 гг. доля местного потребления продуктов питания по отношению к научно обоснованным нормам потребления снизилась по мясу и мясопродуктам с 34,7 до 22,5%, молоку и молокопродуктам – с 37,7 до 15,5, яйцу – со 101,4 до 97,9%. Несмотря на существенный ввоз в регионы Севера продовольствия, потребление продуктов питания сейчас ниже (за исключением мяса и мясопродуктов, картофеля, овощей и бахчевых, хлебных продуктов в ряде субъектов) (*табл. 5*).

За годы реформ произошла деградация производственного потенциала. Посевные площади в 1990 – 2009 гг. сократились с 1055,6 до 324,7 тыс. га; поголовье крупного рогатого скота – с 1599,7 до 567,9 тыс. гол., в том числе коров – с 603,3 до 241,4; поголовье свиней – с 1144,4 до 221,4 тыс. гол., оленей – с 2260,3 до 155,3 тыс. гол.

В растениеводстве происходит ухудшение агрохимических и водно-физических свойств почвы, увеличение площадей заболоченных и закустаренных земель в связи с разрушением осушительных систем и сокращением мелиоративных работ. Резко уменьшилось внесение минеральных и органических удобрений.

Рисунок 3. Производство продукции животноводства в хозяйствах всех категорий в субъектах, территории которых полностью входят в зону Севера, за 1990 – 2009 г., тыс. т

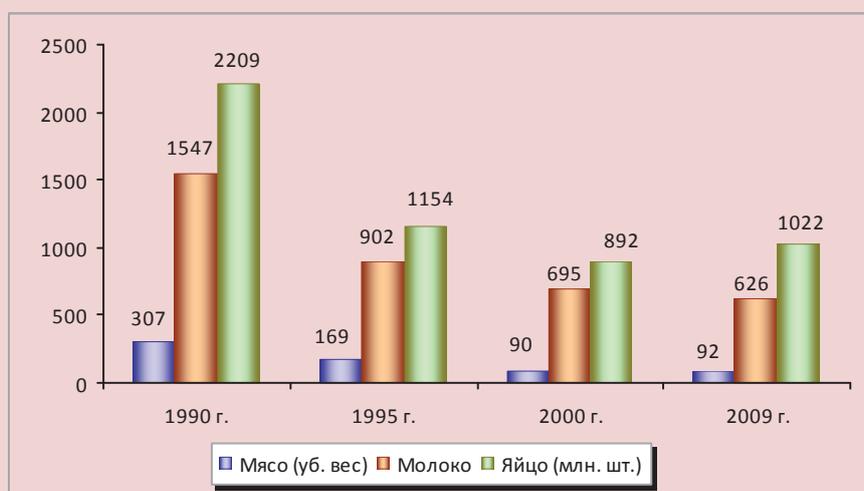

Таблица 5. Соотношение потребления основных продуктов питания на душу населения в 2009 г. к 1990 г., %

Территория	Мясо и мясопродукты	Молоко и молочные продукты	Яйцо, шт.	Картофель	Овощи и бахчевые	Сахар	Хлебные продукты
Россия	89	64	88	107	116	79	99
Республика Карелия	114	63	74	124	115	98	105
Республика Коми	99	58	86	56	90	68	92
Архангельская обл.	82	44	83	112	104	80	96
Мурманская обл.	97	61	89	115	154	70	139
Республика Тыва	95	56	37	218	78	52	105
Республика Саха (Якутия)	109	66	77	112	88	63	123
Камчатский край	79	44	54	155	96	57	103
Магаданская обл.	69	53	74	78	70	65	114
Сахалинская обл.	116	54	68	131	76	52	81

Рассчитано: 1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008: стат. сб. / Росстат. – М., 2008. – С. 194-201.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – С. 200-207.

Наблюдается организационное, техническое и технологическое отставание отрасли. Парк тракторов всех марок в сельхозорганизациях, например, Республики Коми за 1990 – 2010 гг. сократился с 5477 до 971 шт., объем энергетических мощностей – с 1507,9 до 293,7 тыс. л.с. Происходит уменьшение количества тракторов и энергетических мощностей в расчете на 100 га посевов, одновременно возрастает площадь сельхозугодий в расчете на 1 работника (рис. 4). Аналогичная ситуация в других субъектах Севера.

В сельхозорганизациях Севера нарушен принцип самоокупаемости и самофинансирования. В последние три года доля убыточных организаций колебалась от 30 до 42%. Уровень рентабельности был в 4 – 5 раз ниже нормы, необходимой для расширенного воспроизводства. Крайне низким остается уровень рентабельности продукции животноводства – ведущей отрасли региона. Производство говядины убыточно. Данные об уровне рентабельности (убыточности) сельхозорганизаций по субъектам, территории которых полностью входят в зону Севера, приведены в таблице 6.

Рисунок 4. Изменение наличия сельхозугодий, тракторов и энергетических мощностей в сельхозорганизациях Республики Коми, 1990 г. = 100%: 1 – энергетические мощности на 100 га посевов; 2 – тракторы на 100 га посевов; 3 – площадь сельхозугодий на работника

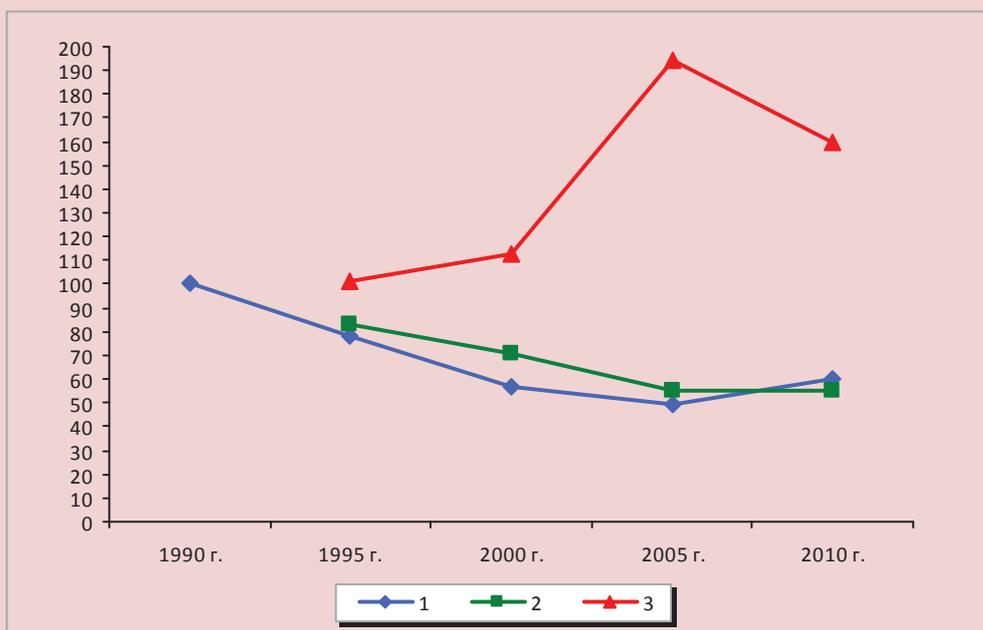

Таблица 6. Уровень рентабельности (убыточности) хозяйственной деятельности сельскохозяйственных организаций, %

Территория	Вся хозяйственная деятельность				Продукция растениеводства				Продукция животноводства			
	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Россия	8,1	10,3	16,2	14,5	20,5	27,2	48,5	38,6	10,7	10,6	10,9	12,4
Республика Карелия	6,1	1,3	0,6	2,8	42,5	21,2	18,2	8,3	5,3	5,1	5,1	2,4
Республика Коми	5,5	8,1	7,6	15,8	7,5	6,0	8,3	9,7	3,9	12,7	10,6	15,5
Архангельская обл.	-2,6	1,1	14,6	17,3	-3,8	22,0	19,4	22,4	-1,3	2,4	10,4	6,7
В том числе Ненецкий АО	10,0	11,0	16,7	18,0	-28,7	-26,3	-6,9	-	8,0	16,0	13,7	15,5
Мурманская обл.	7,7	7,4	-0,5	2,5	49,7	22,1	33,3	13,5	12,6	17,0	13,8	8,3
Ханты-Мансийский АО	-2,6	-9,5	3,9	5,3	-10,3	10,4	-0,7	-20,5	-5,2	-16,6	14,9	-8,5
Ямало-Ненецкий АО	-20,0	-11,6	17,8	22,4	-2,2	-	-34,9	-	2,6	7,1	0,4	41,7
Республика Тыва	-15,9	-7,6	1,6	0,6	-14,3	-15,0	-20,7	-15,6	-6,4	3,6	19,8	19,5
Республика Саха (Якутия)	6,3	2,6	10,4	11,9	33,4	12,5	37,9	48,6	15,0	21,0	11,9	20,6
Камчатский край	12,3	14,4	2,8	14,3	44,9	32,2	15,2	61,7	12,6	18,5	-2,3	15,4
Магаданская обл.	-2,7	-5,0	-13,5	-22,3	29,2	60,7	440,5	13,6	-22,7	-12,0	0,5	-7,7
Сахалинская обл.	3,8	4,4	8,1	15,1	32,9	34,8	33,7	40,0	-9,0	-4,1	-4,8	-4,2
Чукотский А.О.	118,6	145,0	150,9	72,2	-46,8	-30,4	-14,0	-19,9	89,4	71,6	100,1	-38,2

Источник: Сельское хозяйство, охота и лесоводство в России. 2009: стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – С. 406-407, 410-413.

Анализ финансовой устойчивости сельскохозяйственных предприятий Республики Коми за 2009 г. показал, что почти две трети (62%) организаций являются финансово устойчивыми.

Позитивные перемены в сельском хозяйстве зоны Севера происходят в связи с реализацией с 2006 г. национального проекта «Развитие АПК», трансформированного в «Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008 – 2012 гг.». Проект ориентирован на ускоренное развитие животноводства и стимулирование развития малых форм хозяйствования. На реализацию мероприятий по развитию животноводства выделяются бюджетные ассигнования на субсидирование процентных ставок по инвестиционным кредитам, привлекаемым на срок до 8 лет на строительство и модернизацию животноводческих комплексов.

В качестве приоритетных направлений развития малых форм хозяйствования

предусмотрено создание в населенных пунктах снабженческо-сбытовых кооперативов для реализации населением продукции; расширение и создание мощностей по переработке сельхозпродукции, произведенной личными подсобными и фермерскими хозяйствами; обеспечение развития сельской кредитной кооперации (при участии ОАО «Россельхозбанка»); формирование системы земельно-ипотечного кредитования; предоставление беспроцентного кредита. Для ЛПХ предоставляется льготный кредит в объеме до 300 тыс. руб., фермерских хозяйств – до 3 млн., сельскохозяйственных потребительских кооперативов – до 10 млн. руб.

Анализируя результаты реализации национального проекта «Развитие АПК», следует отметить увеличение объема производства мяса, рост массы прибыли, уменьшение доли убыточных сельхозорганизаций в общем числе. Вместе с тем не удалось преодолеть тенденцию сокращения поголовья коров и производства молока (табл. 7).

Таблица 7. Показатели сельского хозяйства районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей за 2005 – 2010 гг.

Показатели	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2010 г. к 2005 г., %
Поголовье скота, тыс. гол.							
Крупный рогатый скот, в том числе коровы	747,1 330,7	740,6 324,6	746,7 326,0	749,9 323,0	747,8 322,4	732,8 314,2	98,1 95,0
Свиньи	221,3	247,9	265,5	267,7	275,5	287,8	130,0
Олени	1297,9	1441,0	1458,8	1520,4	1553,0	1570,6	121,0
Производство продукции, тыс. т							
скот и птица на убой (в уб. весе)	116,3	117,1	118,3	121,8	130,1	137,3	118,1
молоко	816,3	801,0	800,8	789,1	789,1	770,3	94,4
Производство продукции на душу населения, кг							
мясо (в уб. весе)	11	11	11	12	12	14	127,3
молоко	76	75	76	75	75	76	100,0
Прибыль сельхозорганизаций*, млн. руб.	357	494	1302	1563	2429	...	-
Удельный вес убыточных сельхозорганизаций, %	42	35	30	-

* Данные за 2008 – 2009 гг. по субъектам, территории которых полностью входят в зону Севера.

Источники: 1. Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 1998 – 2010 гг. – М., 2011. – URL: // <http://www.gks.ru/bgd/regl/b10-22/Main.htm>. 2. Агропромышленный комплекс России в 2009 г. – М.: МСХ, 2010. – С. 339, 340.

Рисунок 5. Факторы и условия, сдерживающие устойчивое развитие аграрного сектора Севера

Принятые в последние годы меры по государственной поддержке сельхозпроизводителей хотя и обеспечили тенденцию наращивания производства отдельных видов продукции, но не привели к устойчивому экономическому росту. Серьезных сдвигов в повышении качества жизни на селе пока не произошло. Факторы и условия, сдерживающие устойчивое развитие сельского хозяйства зоны Севера, показаны на *рисунке 5*.

Исследование влияния аграрной реформы на устойчивость отдельных отраслей и социальных типов хозяйств, их адаптацию к изменяющимся условиям внешней среды на примере Республики Коми позволило констатировать следующее. С середины 1990-х гг. в республике устойчиво функционирует на основе саморегулирования мясное птицеводство. Наличие в продовольственном подкомплексе высококвалифицированной управленческой команды обеспечило рациональное использование имеющегося экономического потенциала и адаптацию к изменяющимся условиям рыночной среды. Сельхозорганизации, специализирующиеся на производстве яиц, свинины, оленины и рыбы, при сохранении господдержки способны динамично развиваться.

Более 90% аграрных предприятий отрасли скотоводства в период рыночных преобразований утратили экономическую и социальную устойчивость. Без внешней помощи они не в состоянии получать прибыль, необходимую для наращивания производственного потенциала и осуществления расширенного воспроизводства. Использование только внутренних факторов недостаточно для достижения устойчивости ведущей отрасли региона.

Устойчиво функционировали в 1990-е гг. хозяйства населения, которые оказались более приспособленными к рынку, практически без всякой поддержки государства в условиях кризиса наращивали производство продукции. В последнее десятилетие в северных регионах в основном наблюдается абсолютное и относительное сокращение производства продукции в хозяйствах населения. Абсолютное их большинство относится к потребительскому типу. Судя по данным сельхозпереписи 2006 г., излишки произведенного мяса реализовали только 1,6% хозяйств населения районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, а молока – 2,6%.

В силу сокращения количества сельских домохозяйств, ухудшения демографической ситуации на селе, старения сельского

населения и уменьшения в нем доли дееспособных лиц, а также низкой эффективности производства, базирующегося на ручном, малоквалифицированном физическом труде, не следует основной упор делать на личные хозяйства граждан в качестве базы формирования продовольственного фонда.

Фермерский уклад в среднесрочной перспективе в большинстве субъектов Севера не получит существенного развития. Становление крестьянского (фермерского) хозяйства требует больших инвестиций для создания материальной базы и инфраструктуры, много времени, компетентности в работе в условиях рынка.

Меры по преодолению кризисной ситуации и обеспечению устойчивого развития сельского хозяйства

Современное экономическое, социальное и экологическое состояние аграрного сектора, прежде всего, периферийных (удаленных) сельских районов Севера характеризуется как неустойчивое, которое может приобрести крайне негативную форму, связанную с ликвидацией сельхозпроизводства и сокращением обжитой сельской территории. Для преодоления кризисного состояния и перехода сельского хозяйства к устойчивому развитию предложен комплекс мер (табл. 8).

Основные направления обеспечения устойчивого развития аграрной сферы северных территорий представлены в публикации [4]. В качестве приоритетных направлений предлагается:

- использовать новые технологии, осуществить сбалансированное воспроизводство ресурсного потенциала;
- рассматривать зону Севера как значительный резерв производства экологических продуктов, а в перспективе как крупного экспортера органической продукции, приносящей дополнительный рентный доход;

- формирование многофункционального хозяйства на селе, связанного с кооперацией и интеграцией, развитием несельскохозяйственных видов деятельности и рекреационным использованием сельской местности;

- усилением государственной поддержки сельхозтоваропроизводителей;

- создание современной информационно-консультационной системы аграрного и сельского развития.

Инновации как важнейший фактор устойчивого развития аграрного сектора

Активизация инновационного развития аграрной экономики является объективной необходимостью, поскольку этот процесс связан с преодолением технико-технологической отсталости, с обеспечением устойчивого функционирования сельскохозяйственного производства, а также роста уровня доходов тружеников села. Выбор стратегии устойчивого развития агропродовольственного комплекса с учетом инновационных факторов становится решающим в современной ситуации.

Как мы уже отмечали, основой развития АПК регионов Севера в период со второй половины 60-х до начала 90-х гг. прошлого столетия была интенсификация производства.

В аграрном секторе внедрялись севообороты, новые сорта сельскохозяйственных культур, новые технологии их возделывания, научно обоснованные системы земледелия, новые породы животных и кроссы птиц, индустриальные технологии производства овощей защищенного грунта, продукции животноводства, новые методы обработки сырья и ресурсосберегающие технологии в перерабатывающих отраслях АПК. Это обеспечивало рост производства сельхозпродукции и повышение его эффективности.

Таблица 8. Причины аграрного кризиса и основные мероприятия по обеспечению устойчивого развития сельского хозяйства Севера

Причины кризисной ситуации	Необходимые мероприятия по стабилизации и развитию сельского хозяйства
1. Неразвитость нормативно-правовой базы	Разработка и принятие на федеральном уровне законов «О сельском хозяйстве Российской Федерации» [5, с. 32], «О государственном регулировании импорта сельскохозяйственной продукции», «О сельскохозяйственном страховании», «О государственном сельскохозяйственном предприятии». На уровне северных субъектов принятие законов «О восстановлении и развитии сельского хозяйства», «Об инновационной политике и стратегии в АПК».
2. Технично-технологическая отсталость, высокий уровень износа основных фондов	Модернизация аграрного производства с использованием новейших технологий и селекционно-генетических инноваций.
3. Недостаток финансовых ресурсов для осуществления расширенного воспроизводства	Полное финансовое обеспечение развития сельского хозяйства, что потребует увеличения бюджетных средств в два-три раза по сравнению с докризисным периодом. Долю расходов консолидированного бюджета субъектов Севера на финансирование сельского хозяйства следует увеличить до 5 – 7% вместо менее чем 2% в настоящее время. 70 – 80% бюджетных ассигнований необходимо направлять через субсидирование аграрных цен. Усиление вклада государства в финансирование инновационной деятельности в АПК, производственной и социальной инфраструктуры села. Участие предприятий промышленности в финансировании аграрного и сельского развития. Доступ сельхозорганизаций и хозяйств на финансовые рынки – повышение роли долгосрочного кредита: льготный кредит на строительство и модернизацию животноводческих помещений следует предоставлять на 20 – 25 лет, а на приобретение сельхозтехники и оборудования – на 6 – 8 лет. Расширение системы кредитной кооперации и применение лизинга на селе. Списание задолженности сельхозтоваропроизводителей; отмена на пять лет налогов для сельхозорганизаций; введение для фермерских хозяйств вместо налогов патентов на ведение хозяйственной деятельности.
4. Усиление неэквивалентности в товарообмене сельского хозяйства с другими отраслями экономики	Компенсация потерь сельхозтоваропроизводителей из-за роста цен на потребляемые ресурсы промышленного изготовления.
5. Дефицит и отток квалифицированных кадров из отрасли. Низкий уровень менеджмента	Повышение доходов работников аграрного сектора до уровня по народному хозяйству. Кардинальное улучшение социальной среды обитания: удовлетворение потребности в благоустроенном жилье, повышение доступа к образовательным, медицинским, культурным и торгово-бытовым услугам, улучшение дорожно-транспортных условий. Создание системы непрерывного аграрного образования – начального профессионального, среднего специального, высшего профессионального, переподготовки и повышения квалификации. Разработка целевой программы кадрового обеспечения аграрного сектора на уровне организаций, муниципальных образований и региона.
6. Вытеснение местных сельхозтоваропроизводителей с рынка продовольствия	Ликвидация монополии заготовительных, посреднических и перерабатывающих структур, что потребует перевода на кооперативную основу цикла производства, переработки и реализации продукции сельского хозяйства. Приоритет местных сельхозтоваропроизводителей при закупках продукции в региональные фонды. Доступ сельхозтоваропроизводителей к объектам розничной торговли, продовольственным рынкам. Участие государства в залоге продукции (картофель, овощи) путем выделения бюджетных средств и льготного кредита.
7. Слабая диверсификация аграрной сферы	Формирование многофункционального хозяйства на селе: интеграция сельского, лесного хозяйства и промыслов, переработка сельхозсырья и дикоросов, рекреационное использование сельской местности. Создание условий для диверсификации агропромышленного хозяйства требует заметной корректировки Лесного кодекса, Земельного кодекса, закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве».
8. Отсутствие системы планирования и прогнозирования	Создание системы индикативного планирования и прогнозирования агропродовольственного сектора: разработка и принятие концепций и программ устойчивого аграрного и сельского развития в субъектах Севера.

В период трансформации экономических отношений и аграрных преобразований начались массовое банкротство сельхозорганизаций, потеря квалифицированных кадров, разрушение производственного потенциала, отток молодых ученых и ухудшение возрастной структуры научных сотрудников сельскохозяйственной науки.

Анализ современного состояния и оценка инновационной деятельности в сельском хозяйстве Республики Коми свидетельствует, что этот процесс характеризуется низким уровнем инновационной активности при значительном научном потенциале. Доля сельхозорганизаций, являющихся наиболее динамичными потребителями новшеств, составляет лишь 10%.

Активно внедряют новшества в основном сельхозпредприятия, работающие на индустриальной основе, расположенные вокруг таких городов, как Сыктывкар, Ухта и Инта. Анализ показал, что на шесть сельскохозяйственных предприятий (из 73-х) приходится 35% численности работников, 64% основных фондов, 75% выручки от реализации продукции, 84% прибыли. Уровень среднемесячной заработной платы в этой группе предприятий по сравнению с остальными сельхозорганизациями выше в 2,7 раза, производительности труда – в 5 раз, а размер выделяемых субсидий на единицу реализованной продукции в 7,4 раза ниже, стабильнее финансовое состояние.

В практике большинства аграрных предприятий и крестьянских хозяйств преобладают примитивные методы и технологии, применяются устаревшие сорта и породы скота; несовершенными являются формы организации и управления. Особенно неблагоприятное положение в скотоводстве. На современные технологии производства молока переведено только 15% общего поголовья коров.

Условиями и факторами, ограничивающими инновационную активность сельхозорганизаций, являются: убыточность и низкий уровень рентабельности производимой продукции; недостаточность государственной поддержки; слабость материально-технической базы; недостаточный уровень подготовки кадрового персонала в области инновационного менеджмента; отсутствие государственной инновационной политики и стратегии, инновационной инфраструктуры.

Факторы, способствующие инновационному развитию сельского хозяйства: значительный научно-образовательный и кадровый потенциал; благоприятные агроклиматические условия для эффективного производства картофеля, овощей местного ассортимента; наличие естественной кормовой базы, в т.ч. крупных массивов пойменных лугов; возможность производить экологически безопасные, натуральные продукты питания; производство продукции традиционных отраслей, конкурентоспособной не только на региональном, но и на национальном и международных рынках; устойчивые доходы республиканского бюджета позволяют значительную его долю направлять на освоение инноваций в аграрном секторе.

Активизация инновационной деятельности в растениеводстве связана с разработкой систем воспроизводства почвенного плодородия, методов селекции, созданием и внедрением новых сортов и гибридов, сочетающих высокий потенциал урожайности, качество продукции, устойчивость к болезням и вредителям, неблагоприятным погодным условиям с техническим и технологическим переоснащением отрасли.

Инновационные процессы в животноводстве будут развиваться в направлении совершенствования селекционно-племенной работы (по улучшению породных и продуктивных качеств животных),

эффективного использования кормовых ресурсов, реконструкции и технического перевооружения имеющихся животноводческих помещений, строительства новых ферм и комплексов, убойных пунктов, оснащенных современным высокопроизводительным оборудованием.

Оценка ситуации в сельском хозяйстве республики свидетельствует, что активизация инновационной деятельности без реализации системы мер, прежде всего по финансовому оздоровлению и поэтапному восстановлению производства, становится затруднительной. Для развития инновационных процессов предстоит решить ряд приоритетных задач государственной инновационной политики. К числу приоритетов в сфере развития инновационных процессов в сельском хозяйстве следует отнести:

- разработку государственной инновационной политики и стратегии, нацеленных на становление прогрессивных технологических укладов;

- обеспечение единства государственной аграрной, научно-технической и инновационной политики с целью повышения спроса агропромышленного производства на научно-технические достижения, привлечение капитала для развития инновационных технологий;

- совершенствование нормативно-правового регулирования инновационных процессов;

- обеспечение уровня рентабельности, позволяющего осуществлять процесс расширенного воспроизводства в отрасли;

- создание условий для активизации деятельности аграрной науки, интеграция ее с высшим образованием; совершенствование системы подготовки кадров в области инновационной деятельности, обеспечивающих повышение инновационной активности организаций и коммерциализацию результатов научных исследований;

- усиление кооперации между предприятиями, научно-исследовательскими организациями и вузами;

- техническое и технологическое переоснащение сельхозорганизаций, применение энерго- и ресурсосберегающих технологий производства, хранения и переработки продуктов питания;

- формирование системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров для реализации инновационных проектов;

- обеспечение финансовыми ресурсами научно-технической сферы и субъектов аграрного предпринимательства, снижение для них налоговой нагрузки;

- воспроизводство плодородия почв, предотвращение всех видов их деградации; разработка адаптивных технологий агроэкосистем и агроландшафтов;

- развитие производства органической продукции сельского хозяйства: в зоне Севера есть уникальная возможность сосредоточить на своих огромных земельных ресурсах производство экологически безопасной продукции, отработать технологии органического земледелия;

- совершенствование селекционно-племенной работы (по улучшению породных и продуктивных качеств животных);

- создание современной системы информационного и инфраструктурного обеспечения инновационной деятельности в сельском хозяйстве;

- формирование экономического механизма инновационного развития сельского хозяйства;

- совершенствование социально-трудовых отношений;

- создание федеральной и территориальной системы долгосрочного прогнозирования, стратегического и индикативного планирования развития сельского хозяйства на инновационной основе.

Исходное, определяющее положение в структуре экономического механизма инновационной деятельности занимают финансовые ресурсы и рациональная система финансирования. В условиях глубокого кризиса аграрной сферы собственные средства предприятий и кредитные ресурсы в финансировании инновации крайне ограничены. На этом этапе роль государства в развитии инновационных процессов должна усиливаться.

В последние годы на федеральном и региональном уровнях приняты меры по государственной поддержке модернизации аграрного производства (табл. 9). Господдержка инновационного развития сельского хозяйства осуществляется в основном из регионального бюджета. На эти цели из бюджета Республики Коми в 2006 – 2010 гг. возмещалось 79,4 – 88,9% расходов, а из федерального бюджета – 11,1 – 20,6% (рис. 6). Следует отметить, что в условиях экономического кризиса не произошло снижения господдержки ни на региональном, ни на федеральном уровне.

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

Предпосылками устойчивого развития аграрного сектора Российского Севера являются увеличение производства местных экологически безопасных продуктов питания и обеспечение продовольственной безопасности, рост уровня жизни сельского населения, стабильное и сбалансированное природопользование.

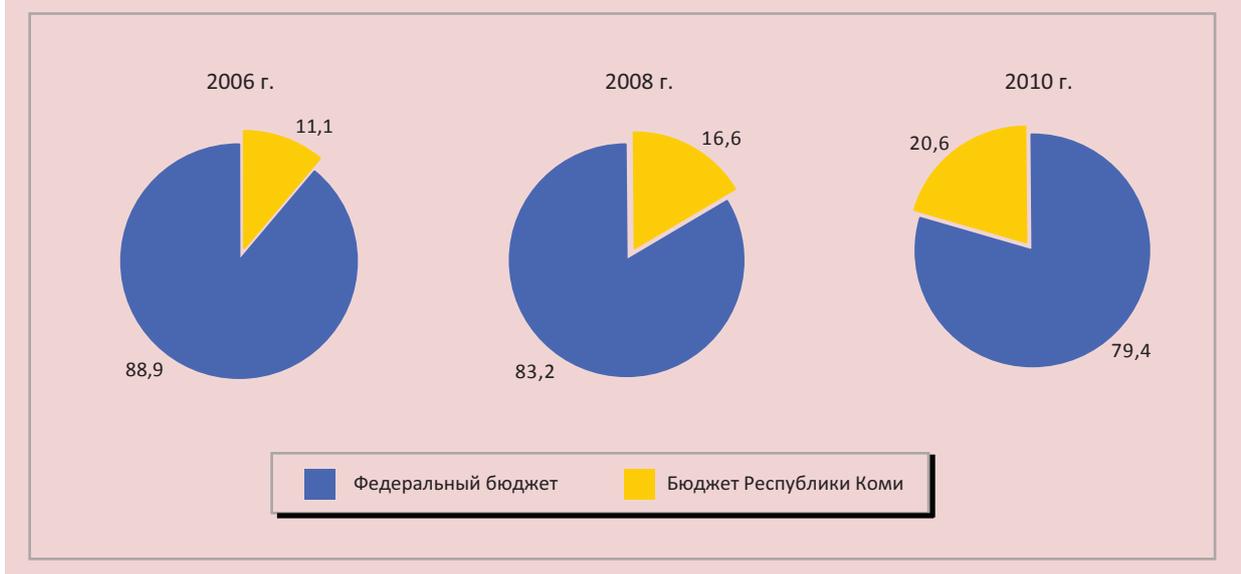
Оценка устойчивости сельского хозяйства в дореформенный период свидетельствует о положительной динамике аграрного производства, повышении уровня и качества жизни крестьян. В 1970 – 1980-е годы было налажено промышленное производство яиц, мяса птицы, свиней, а также овощей защищенного грунта; внедрялись индустриальные технологии в молочном скотоводстве. Происходили положительные изменения в финансовом состоянии отрасли, в сближении условий и уровня жизни сельского и городского населения.

Таблица 9. Субсидии из регионального и федерального бюджетов на модернизацию и инновационное развитие сельского хозяйства Республики Коми за 2006 – 2010 гг., тыс. руб.

Направление поддержки	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Кадровое, информационное и научное обеспечение*	6028,5	8479,1	7923,4	3636,0	2481,1
Техническое и технологическое перевооружение*	54994,8	72304,4	102961,5	192011,0	138102,5
Возмещение процентов по инвестиционным кредитам в том числе из федерального бюджета	11546,5 5482,5	19613,4 11969,8	15604,5 12069,7	33387,6 27331,0	57099,8 48148,0
Поддержка элитного семеноводства в том числе из федерального бюджета	118,9 -	200,0 -	654,5 281,6	695,7 231,9	624,0 200,0
Финансовая поддержка завоза семян в том числе из федерального бюджета	7693,5 6825,0	7026,6 6447,0	15844,7 12148,0	15997,2 10405,6	3026,9 -
Повышение плодородия почв*	15907,3	21900,0	25465,8	24000,0	22600,0
Поддержка племенного животноводства и рыболовства в том числе из федерального бюджета	28347,0 2347,0	32192,4 4956,0	35320,8 10699,0	41985,0 15640,0	40231,4 12737,0
Воспроизводство промысловых рыб*	3500,0	4169,2	5240,0	8307,0	8727,0
Компенсация части затрат на приобретение минеральных удобрений и средств химизации в том числе из федерального бюджета	3974,7 -	4317,2 145,0	8397,0 3249,7	14204,8 4975,7	8763,3 757,3
Строительство животноводческих помещений*	-	-	8900,0	6600,0	18444,0
Создание дополнительных мощностей по переработке молока*	-	-	2031,5	3000,0	-
Всего в том числе из бюджета Российской Федерации	132111,2 14654,5	170202,3 23517,8	228343,7 38448,0	343824,3 58584,2	300100,0 61842,3

* Субсидии только из бюджета Республики Коми.

Рисунок 6. Доля расходов федерального и регионального бюджетов на инновационное развитие сельского хозяйства Республики Коми, %

В предреформенный период все сельхозпредприятия были рентабельными. Уровень рентабельности агропроизводства соответствовал оптимальной норме (40 — 50%), позволяющей осуществлять процесс расширенного воспроизводства.

Рыночные преобразования сопровождались спадом агропроизводства, деградацией не только производственного потенциала отрасли, но и крестьянского сообщества. Основными причинами неустойчивости аграрного сектора являются: диспаритет цен на сельскохозяйственную продукцию и материально-технические ресурсы, поставляемые селу; неплатежеспособность потребителей и несвоевременные расчеты за реализованную продукцию; снижение государственной поддержки; нарушение корпоративных связей, акционирование агросервисных предприятий, призванных обслуживать сельских товаропроизводителей, сделавшие их фактически независимыми от тружеников деревни; либерализация импорта продовольствия; падение платежеспособного спроса населения; отсталые технологии, высокий уровень износа основных фондов; крайне

низкий уровень жизни тружеников села; дефицит квалифицированных кадров в отрасли; недостаточный уровень менеджмента; неразвитость инфраструктуры.

Исследование влияния аграрной реформы на устойчивость отдельных отраслей и социальных типов хозяйств (на примере Республики Коми) показало, что с середины 1990-х гг. устойчиво функционирует на основе саморегулирования мясное птицеводство. Сельхозорганизации, специализирующиеся на производстве яиц, свинины, оленины и рыбы, при сохранении господдержки способны динамично развиваться. Предприятия отрасли скотоводства не в состоянии без внешней помощи получать достаточную прибыль для наращивания производственного потенциала и осуществлять расширенное воспроизводство. Устойчивое функционирование в 1990-е гг. показали хозяйства населения. В последнее десятилетие в большинстве северных регионов в таких хозяйствах наблюдается абсолютное и относительное сокращение производства продукции. Подавляющее большинство домашних хозяйств относятся к потребительскому типу.

Меры по государственной поддержке сельхозпроизводителей, принятые в последние годы в связи с реализацией национального проекта «Развитие АПК», хотя и обеспечили тенденцию наращивания производства отдельных видов продукции, но не привели к устойчивому экономическому росту. Серьезных сдвигов в повышении качества жизни на селе пока не произошло.

Основные направления устойчивого развития сельского хозяйства связаны с использованием новых технологий и сбалансированным воспроизводством ресурсного потенциала, производством органи-

ческой продукции, позволяющей получать рентный доход, формированием на селе многоукладного и многофункционального хозяйства, созданием научно-информационного обеспечения, усилением государственной поддержки сельхозтоваропроизводителей.

Реальные тенденции аграрного и сельского развития зоны Севера противоречат принципам устойчивого развития. Требуется дальнейшее исследование путей перехода к устойчивому развитию агропроизводства и сельских территорий и создание необходимых для этого механизмов.

Литература

1. Иванов, В.А. Интенсификация сельскохозяйственного производства: проблемы развития и эффективности / В.А. Иванов. – М.: Наука, 1990. – 200 с.
2. Иванов, В.А. Состояние и перспективы аграрного сектора Республики Коми / В.А. Иванов, В.В. Терентьев. – Сыктывкар, 2010. – 56 с. (Научные доклады Коми НЦ УрО РАН. Вып. 509).
3. Факторы и условия устойчивого развития агропродовольственного комплекса и сельских территорий Севера / В.А. Иванов, В.В. Терентьев, И.С. Мальцева [и др.]; отв. ред. В.Н. Лаженцев. – Сыктывкар, 2011. – 256 с. (Коми научный центр УрО РАН).
4. Буздалов, И.Н. Сельское хозяйство под прессом межотраслевых и макроэкономических деформаций / И.Н. Буздалов // Экономическая наука современной России. – 2009. – № 3. – С. 28-40.

Формирование и развитие кластеров в регионах России: ключевые проблемы и пути их решения (на примере Республики Башкортостан)

В статье приводится обоснование необходимости реализации кластерной политики в России как ключевого направления повышения конкурентоспособности страны. Проведён анализ зарубежного и отечественного опыта формирования кластеров. Предложена концепция кластерного опорного каркаса регионов России, рассматривающая кластеры в качестве узлового элемента экономики и способствующая связыванию разрозненных элементов экономического пространства страны. Предложен алгоритм реализации кластерной политики в регионах России. Приведён опыт его практической реализации в Республике Башкортостан.

Конкурентоспособность, кластер, конкурентные преимущества, потенциал кластеризации экономики регионов, инструментарий выделения кластеров.

**Виталий Валентинович
ПЕЧАТКИН**

кандидат экономических наук, доцент, зав. сектором Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН
Pechatkin08@rambler.ru

Проблема формирования и развития кластеров в регионах России продолжает оставаться очень актуальной вследствие обострения следующих проблем территориального развития, возникших в период с 90-х гг. XX столетия по настоящее время:

✓ низкий уровень конкурентоспособности России, не соответствующий ее экономическому потенциалу (по оценкам Всемирного экономического форума, в 2000 – 2011 гг. Россия в рейтинге конкурентоспособности находится в седьмом десятке стран мира; наметилась тенденция к снижению конкурентных позиций страны);

✓ низкая адаптивность региональных социально-экономических систем России к влиянию глобальных финансово-эконо-

мических кризисов (по официальным данным, объём ВВП РФ в кризисном 2009 г. относительно 2008 г. сократился на 7,4% – одно из самых значительных падений показателя в мире);

✓ недостаточно высокий уровень взаимодействия между предприятиями, научными и образовательными учреждениями регионов, некогда образовавших территориально-производственные комплексы, негативно сказывается на связанности экономического пространства, что препятствует повышению конкурентоспособности России как на микро-, так и на макроуровнях;

✓ регионы-лидеры слабо влияют на развитие сопредельных территорий и др.

В связи с вышесказанным целью статьи является исследование теоретических и прикладных аспектов проблемы формирования и развития кластеров в регионах как направления повышения конкурентоспособности экономики России.

Деагрегация поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. Обзор существующих зарубежных и отечественных кластеров.

2. Обоснование целесообразности формирования и развития кластеров в регионах России.

3. Выявление ключевых проблем формирования и развития кластеров.

4. Разработка принципов и алгоритма реализации кластерной политики в регионах России.

5. Разработка методики оценки перспективных видов экономической деятельности для образования кластеров в регионе и ее апробация на материалах Республики Башкортостан.

Как показывает практика наиболее конкурентоспособных стран мира, действенным механизмом повышения их конкурентоспособности является реализация кластерной политики, включающая комплекс законодательных, административных, экономических и иных мероприятий, направленных на формирование и поддержку развития кластеров.

Так, в странах-лидерах рейтингов конкурентоспособности – Швейцарии, Великобритании, Германии, Финляндии, Дании, Швеции, Нидерландах и Франции – проводится целенаправленная кластерная политика. В этих странах функционирует сеть конкурентоспособных кластеров, в которых задействовано около 40% всех занятых в экономике и производится более 50% ВВП. Самое большое количество конкурентоспособных кластеров, по данным Института стратегии и конкуренции Гарвардской школы бизнеса, функционирует в Великобритании (168) и США (152) [1].

В Финляндии из 11 кластеров важнейшими для экономики являются лесной, информационный, телекоммуникационный, металлургический и машиностроительный кластеры, обеспечивающие основной объём экспорта и формирующие значительную часть валового внутреннего продукта. В Германии, по признанию специалистов, функционируют 3 лучших мировых кластера из семи кластеров высоких технологий, получивших название «Силиконовая долина XXI века», – это Мюнхен, Гамбург, Дрезден.

По примеру ведущих стран мира государственная поддержка кластерных инициатив и формирование кластеров осуществляется в Китае, Индии, Австрии, Индонезии, Малайзии, Мексике, Чехии, Венгрии, Казахстане, Украине и др., что позитивно сказалось на состоянии экономики этих стран.

Начиная с 2000 г. в ряде регионов России формируются кластерные инициативы. Разрабатываются пилотные проекты по созданию кластеров на примере Нижнекамского нефтехимического кластера, кластера Нижнего Приангарья, автомобильного кластера в Поволжье, Санкт-Петербургского морского кластера, Ивановского текстильного кластера, кластера переработки титана «Титановая долина» [2] в Свердловской области, прототипа инновационного кластера «Сколково» и др. Однако в России не проводится системной кластерной политики. Проект концепции развития кластерной политики РФ, разработанный еще в 2007 г., так и остается проектом.

В целях повышения уровня конкурентоспособности страны *необходимы экономические перемены*, которые способны в среднесрочной перспективе значительно повысить качество жизни населения. Одним из направлений повышения конкурентоспособности страны может стать реализация кластерной политики.

Это обусловлено наличием таких уникальных сущностных признаков кластеров, позволяющих связать воедино разрозненные элементы экономического пространства региона, как:

- ◆ сетевая организация экономической деятельности;
- ◆ наличие лидирующих фирм, способных иметь существенную долю на внутреннем и внешнем рынке, дополненных специализированными обслуживающими организациями;
- ◆ наличие компетенции (специализация на определённых видах конкурентоспособной на рынке продукции, по которым у кластера имеются конкурентные преимущества);
- ◆ концентрация участников кластера на ограниченной территории, предоставляющей уникальные преимущества;
- ◆ взаимодействие участников кластера между собой с целью выпуска продукции, конкурентоспособной на внутреннем и внешнем рынках;
- ◆ наличие конкуренции между участниками кластера;
- ◆ ускоренное распространение новшеств за счёт развитой сети передачи информации.

По оценке международных специалистов, в России функционируют всего 8 кластеров, что не соответствует имеющемуся кластерному потенциалу [3].

Это свидетельствует о том, что в стране формируется недостаточное количество кластеров, отвечающих требованиям кластерной теории. Проблема заключается в том, что кластерная форма организации основывается на принципиально иной системе взаимосвязей предприятий, чем те, которые имеются в настоящее время в российской практике. Особенно это касается специфики отдельных отраслей и территорий.

В России преобладает вертикальная интеграция, о чём свидетельствует значительное количество вертикально-интегрированных компаний, в то время в кластерах используется не только вертикальная, но и в большей мере горизонтальная интеграция.

На основе синтеза основных идей теории опорного экономического каркаса (Н.Н. Баранский) [4], теории опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства (Г.М. Лаппо) [5], теории полюсов роста (Ф. Перу), теории каркасных структур (И.М. Маергойз) [6], теории территориальных производственных комплексов (Н.Н. Колосовский, М.К. Бандман) [7], кластерной теории экономического развития (М. Портер) [8] предлагается авторская концепция кластерного опорного каркаса регионов.

В концепции опорный каркас региона представлен в виде совокупности функциональных каркасов трёх типов: экономического, социального и экологического, которые образуют социо-эколого-экономическое пространство территории. В отличие от существующих концепций опорного каркаса территорий, в качестве связующих элементов, являющихся «узлами» развития регионов, предлагается рассматривать сети конкурентоспособных кластеров, характеризующихся нами как группа географически и технологически взаимосвязанных конкурирующих предприятий и обслуживающих организаций, занимающих или способных занимать существенную долю на внутреннем и внешнем рынках, объединившихся с целью выпуска и реализации продукции или специализированных услуг, соответствующих мировым стандартам, на основе непрерывного инновационного процесса. Тем самым объединение в кластер может способствовать росту конкурентоспособности всех входящих в него предприятий и организаций.

При этом принципы сборки компонентов каркасной структуры являются чрезвычайно важными. Концепция кластерного опорного каркаса территории базируется на следующих принципах:

Принцип кластеризации экономики региона, позволяющий сформировать узловые элементы каркасной структуры и тем самым получить синергетический эффект от равноправного, партнёрского взаимодействия государства, бизнеса и науки.

Принцип единства экономического пространства, заключающийся в создании среды, обеспечивающей согласованное развитие всех компонентов каркасной структуры экономики регионов, в том числе экономического, экологического и социального каркаса территории.

Принцип полицентризма, множественности узловых элементов каркасной структуры экономики, способных максимально втянуть в своё развитие сопредельные территории.

Принцип согласованности стратегических приоритетов регионального развития и социально-экономического развития страны в целом.

Принцип комплексности количественного учёта и стоимостной оценки всех компонентов экономического потенциала регионов. Практическое значение этого принципа состоит в том, что он требует полного, комплексного использования имеющихся в том или ином регионе ресурсов с целью обеспечения оптимального вовлечения в хозяйственную деятельность всех его компонентов.

Принцип динамичности абсолютных оценок состояния каркасных структур во времени требует разработки прогнозных оценок, учитывающих возможные будущие изменения социально-экономических условий, влияющих на состояние узловых элементов каркасной структуры экономики регионов.

Состояние тех или иных компонентов каркасной структуры в настоящее время и в будущем не может быть одинаковым.

Для формирования кластерного опорного каркаса России необходима реализация в регионах кластерной политики, которая призвана стимулировать развитие конкурентоспособных кластеров различных типов и видов.

На первом, «подготовительном» этапе необходимо обоснование кластерной политики в регионе, анализ зарубежного опыта формирования кластерной политики, выбора типа кластерной политики для региона, создание информационной базы для реализации кластерной политики.

На втором этапе предполагается выделить конкурентоспособные кластеры — объекты кластерной политики региона. Для этого необходимо обосновать принципы и разработать инструментарий выделения кластеров, а также выделить различные типы и виды кластеров в регионе, определить состав участников кластеров.

На третьем этапе целесообразно на конкурсной основе осуществить отбор разработанных бизнес-планов кластерных проектов, а также сформировать организационно-правовые положения о создании потенциальных кластеров.

На четвертом этапе принимается решение о реализации пилотных кластерных проектов, разрабатываются механизм управления кластерами и целевая программа поддержки их развития с обязательной экспертизой этого документа в антимонопольном комитете.

На пятом этапе реализуется целевая программа поддержки развития кластеров в регионе, призванная создать для этого необходимые организационно-правовые и экономические условия, в том числе инвестиционное, информационное, кадровое, организационное содействие развитию кластеров.

На шестом, заключительном этапе на основе разработанной методики осуществляется мониторинг кластера. При этом может быть принято решение о прекращении государственной поддержки того или иного кластерного проекта, если не выполнены поставленные задачи и не достигнут определённый уровень показателей эффективности кластера.

При завершении шестого этапа, в зависимости от изменения факторов внутренней и внешней среды, возможен возврат к третьему этапу для отбора перспективных кластерных проектов, ранее не отобранных для реализации.

В данном направлении в Республике Башкортостан проведена определённая деятельность: разработана концепция кластерной политики; утвержден комплекс мероприятий по ее реализации; на стадии формирования находятся 3 кластера: лесо-

промышленный, энергетического машиностроения, индустриального обеспечения туризма. Однако имеются трудности с реализацией кластерной политики, связанные с объективной оценкой кластерного потенциала, привлечением инвестиций в реализацию кластерных инициатив, низкой активностью предпринимательских структур по выдвижению кластерных инициатив, отсутствием необходимой инфраструктуры для их поддержки и т.д.

В целях ускорения реализации кластерной политики в Республике Башкортостан автором осуществлена оценка видов её экономической деятельности (далее – ВЭД), перспективных для образования кластеров.

Интегральная оценка ВЭД Республики Башкортостан за 2005–2010 гг. осуществлялась по группам показателей, представленным в *табл. 1*.

Таблица 1. Показатели оценки перспективности видов экономической деятельности для образования кластеров

Группа показателей	Наименование показателей
1. Вклад ВЭД в экономику региона	<ul style="list-style-type: none"> • Доля ВЭД в ВРП, % • Доля ВЭД в основных фондах, % • Доля ВЭД в инвестициях, %
2. Занятость	<ul style="list-style-type: none"> • Доля ВЭД в среднегодовой численности занятых, % • Динамика изменения среднегодовой численности занятых, ед.
3. Потенциальные участники кластера	<ul style="list-style-type: none"> • Доля ВЭД по числу предприятий (организаций), % • Динамика изменения числа предприятий (организаций), ед.
4. Эффективность использования ресурсов	<ul style="list-style-type: none"> • Производительность труда (по ВРП), млн. руб./чел. • Фондоотдача, руб. • Капиталоотдача, руб.
5. Динамика эффективности использования ресурсов	<ul style="list-style-type: none"> • Изменение фондоотдачи, ед. • Изменение капиталоотдачи, ед.
6. Эффективность использования ресурсов в сравнении с РФ	<ul style="list-style-type: none"> • Производительность труда в сравнении с РФ, ед. • Фондоотдача в сравнении с РФ, ед. • Капиталоотдача в сравнении с РФ, ед.
7. Локализация в масштабах РФ	<ul style="list-style-type: none"> • Коэффициент локализации по среднегодовой численности занятых, ед. • Коэффициент локализации по числу предприятий (организаций), ед. • Коэффициент локализации по ВРП, ед. • Коэффициент локализации по основным фондам, ед. • Коэффициент локализации по инвестициям, ед.

Таблица 2. Группировка видов экономической деятельности РБ по перспективности формирования в них кластеров

Виды экономической деятельности	№ группы	Характеристика группы
Обрабатывающие производства	1	Высокая перспективность формирования кластеров
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования		
Строительство		
Добыча полезных ископаемых		
Транспорт и связь	2	Средняя перспективность формирования кластеров
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство		
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг		
Образование		
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	3	Низкая перспективность формирования кластеров
Обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение		
Гостиницы и рестораны		
Здравоохранение и предоставление социальных услуг		
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг		
Рыболовство, рыбоводство		
Финансовая деятельность		

По каждой из семи групп показателей, пронормированных относительно средней величины соответствующего показателя ВЭД, определён интегральный показатель с последующим ранжированием и группировкой ВЭД по перспективности для формирования кластеров в Республике Башкортостан.

Результаты группировки ВЭД по их перспективности для формирования кластеров представлены в *табл. 2*.

Наиболее перспективными для ускоренного социально-экономического развития Республики Башкортостан путём формирования конкурентоспособных кластеров являются: обрабатывающие производства; строительство; оптовая и розничная торговля; добыча полезных ископаемых; транспорт и связь; сельское хозяйство.

В последующем для выделения кластеров использовался экспертный метод. В результате проведённой оценки в республике выделено более 20 потенциальных кластеров российского, регионального и локального уровней, в том числе:

нефтехимический, полиэфирный, фанерно-плиточный, лесопромышленный, 2 машиностроительных (энергетического машиностроения и автомобильный), нанотехнологический, фармацевтический, пчеловодческий, горно-металлургический, пищевой, мясоперерабатывающий, туристическо-рекреационный и др.

В качестве примера приведём анализ перспектив формирования в Республике Башкортостан фанерно-плиточного кластера.

Наличие потенциала роста и ресурсной обеспеченности кластера в лесной и деревообрабатывающей промышленности. Лесной фонд Республики Башкортостан занимает площадь 6,2 млн га. Лесистость республики, по данным учёта на 1 января 2010 года, составляет 39,2%. Несмотря на небольшие относительно России масштабы лесов, уникальность лесного потенциала Башкортостана проявляется в его составе. На территории республики сосредоточено 35% российских липняков – 1 место в РФ, 7% ольховников – 2 место, 4% осинников – 5 место и 2% березняков – 15 место.

Уровень использования лесного потенциала республики в настоящее время составляет около 20%. Ежегодно недоиспользуется около 8 млн. м³ древесины (83 место в РФ), что привело к накоплению спелой и перестойной древесины мягколиственных древостоев объёмом более 284 млн. м³ на площади 1598,3 тыс. га, твердолиственных – 284,3 тыс. га, хвойных – 257 тыс. га.

Одной из основных причин недоиспользования лесного фонда является недостаток высокопроизводительной лесозаготовительной техники и производственных мощностей по переработке низкосортной мягколиственной древесины.

Другая причина – низкие темпы обновления основных фондов лесной и деревообрабатывающей промышленности республики, отстающие от средних темпов в целом по промышленности. Данное обстоятельство свидетельствует о необходимости расширения имеющихся производственных мощностей по глубокой переработке мягколиственной древесины.

Наличие предприятий-лидеров по производству и экспорту производимой продукции. Наиболее крупными предприятиями отрасли являются ООО «Уфимский фанерный комбинат» и ООО «Уфимский фанерно-плитный комбинат», способные сформировать ядро кластера.

Клееная березовая фанера и ДВП, производимые предприятиями, пользуются спросом на внешнем рынке, и прежде всего в Европе. Высокий мировой спрос на данные виды продукции обусловил рост их экспорта за период 1990 – 2010 гг.: клееной фанеры – в 2,2 раза, ДВП – в 1,4 раза и т.д. При этом доля экспорта фанеры составляет в последние годы 62,1% от объёма производимой продукции, а доля экспорта ДВП – 58,3%.

Предприятия могут стать в ближайшее время точками роста экономики республики. Для этого в рамках фанерно-плиточного кластера необходимо расширение производственных мощностей по выпуску продукции с наибольшей добавленной стоимостью: широкоформатной клееной фанеры, плит МДФ, ламинированных ДВП и ДСП, древесного угля, лесохимической продукции (уксусная кислота, этилацетат, фурфурол и др.).

Реализация предложенных мер может дать импульс к развитию смежных отраслей, прежде всего лесозаготовительной, тем самым содействовать наиболее полному использованию расчётной лесосеки.

Наличие потенциальных участников кластера. В лесном комплексе Башкортостана лесная деревообрабатывающая промышленность представлена прежде всего холдингом «Башкирская лесопромышленная компания», в котором сосредоточены леспромхозы: ООО «Амзинский лесокombинат», ООО «Белорецкий ЛПХ», ООО «Бурзянский ЛПК», ООО «Тирлянский ЛПХ», ООО «Зигаинский ЛПХ», ООО «Кананикольский ЛПХ», «Авзянский ЛПХ», 2 фанерных комбината (ООО «Уфимский деревообрабатывающий комбинат», ООО «Уфимский фанерный комбинат»), лизинговая компания ООО «Форест-Лизинг». Функционируют также Уфимская спичечная фабрика, Туймазинская бумажная фабрика, Учалинский картонно-рубероидный комбинат.

В лесном хозяйстве действуют лесничества Министерства лесного хозяйства Республики Башкортостан. Лесная наука представлена лабораторией лесоведения Института биологии УНЦ РАН, Ботаническим садом УНЦ РАН, Башкирской лесосеменной опытной станцией, Башлеспроектом.

Подготовкой кадров занимаются факультет землеустройства и лесного хозяйства Башкирского государственного аграрного университета, Уфимский лесхоз-техникум. Однако в настоящее время предприятия лесной и деревообрабатывающей промышленности, лесного хозяйства и лесной науки *разобщены* между собой. В результате лесосечный фонд используется недостаточно эффективно и велика упущенная выгода.

Оценка рисков и ограничений роста. Позитивными факторами, минимизирующими риски в лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности республики, являются: значительное количество собственных сырьевых ресурсов для производства фанеры, ДВП, ДСП, МДФ и лесохимической продукции; устойчивый и расширяющийся мировой лесной рынок; резкое увеличение спроса на лесную продукцию в Китае; увеличение внутреннего потребления лесной продукции; высококвалифицированная дешевая рабочая сила;

относительно дешёвое сырьё (внутренняя цена на древесину на корню почти в 20 раз ниже, чем в Европе).

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что в Республике Башкортостан имеются предпосылки для создания фанерно-плитного кластера.

При этом схема взаимодействия потенциальных участников фанерно-плиточного кластера может быть следующей (*рисунок*).

Сотрудничество в рамках кластера возможно по направлениям: заготовка сырья, логистика, управленческие и информационные технологии, инжиниринг и инновации, финансы и инвестиции, стратегическое планирование, экология, ресурсосбережение, маркетинг, обучение и переподготовка специалистов.

Таким образом, кластерная политика, включающая реализацию комплекса мер государственной поддержки формирования и развития кластеров на уровне не только отдельных регионов, но и Российской Федерации в целом, является перспективным направлением повышения конкурентоспособности страны.

При этом усилий отдельных регионов в этом направлении явно недостаточно для решения обозначенных в статье проблем и носят они в основном точечный характер.

В связи с этим назрела необходимость реализации кластерной политики в Российской Федерации с учётом опыта регионов, что, безусловно, потребует мобилизации значительных финансовых ресурсов.

Литература

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.competiveness.org/article>
2. Лаврикова, Ю.Г. Кластеры: стратегия формирования и развития в экономическом пространстве региона / Ю.Г. Лаврикова. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008. – 232 с.
3. Конкурентоспособность на распутье: направления развития российской экономики / М. Портер, К. Кетельс, М. Дельгадо, Р. Брайден. – М.: ЦСР, 2007.
4. Баранский, Н.Н. Избранные труды: Научные принципы географии / Н.Н. Баранский. – М.: Мысль, 1980. – 239 с.
5. Лаппо, Г.М. Развитие городских агломераций в СССР / Г.М. Лаппо. – М.: Наука, 1977. – 278 с.
6. Маергойз, И.М. Территориальная структура хозяйства / И.М. Маергойз. – Новосибирск: Наука, 1986. – 304 с.
7. Колосовский, Н.Н. Избранные труды / Н.Н. Колосовский. – Смоленск: Ойкумена, 2006. – 336 с.
8. Портер, М. Конкуренция / М. Портер. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2000. – 495 с.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

УДК 316.44(470.12)

© Шабунова А.А.

Социокультурный портрет региона в контексте изменений 2008 – 2010 гг.*

В статье представлены социокультурные трансформации региона, проявившиеся в кризисный период 2008 – 2010 гг. В исследовании, основанном на данных эмпирического анализа, показаны перемены в социальном самочувствии и социальной структуре общества, ценностных мотивациях жителей региона. Выявлены положительные и отрицательные аспекты социальных и культурных сдвигов в развитии региона на фоне мирового финансово-экономического кризиса.

Влияние кризиса, социокультурные изменения, социальное самочувствие, стратификация населения, базовые ценности.

**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

доктор экономических наук, доцент, зав. отделом Института социально-экономического развития территорий РАН
aas@vscc.ac.ru

Культура, являясь социальным аспектом жизни людей, выражается в их ценностных установках, типах и формах организации жизнедеятельности, а также в создаваемых материальных и духовных ценностях, в частности технологических усовершенствованиях. Характер и направленность процессов модернизации страны и социокультурное развитие территорий во многом взаимообусловлены. С одной стороны, социокультурные особенности определяют интенсивность модернизационных процессов.

С другой – степень модернизованности оказывает воздействие на формирование социокультурных характеристик, таких как социальное самочувствие и социально-территориальная идентификация населения, его ценностные предпочтения и инновационная активность, неравенство и социальная стратификация и т.д. В данной работе показано, как отразились изменения социально-экономического развития Вологодской области (региона, наиболее пострадавшего от финансово-экономического кризиса 2008 – 2010 гг.) на параметрах ее социокультурного развития.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 11-32-03001а «Социально-гуманитарный потенциал модернизации России».

Материалы статьи основываются на результатах исследования характеристик региона, выполненного в рамках российского проекта «Социокультурная эволюция России и ее регионов» по типовой методике, подготовленной Центром изучения социокультурных изменений Института философии (ЦИСИ ИФ) РАН [5]. Использование единых индикаторов, измерительных шкал обеспечивает комплексный, проблемно-аналитический характер исследования и сопоставимость данных, полученных в разных территориях. Исследования по этой методике проводятся с 2005 г. в 25 регионах страны. Социокультурное изучение Вологодской области стало осуществляться в 2008 г. – до наступления мирового финансово-экономического кризиса [11, 14]. Начиная со второй волны социологического опроса, в 2010 г., исследование вступило в мониторинговый режим¹.

Современный кризис (2008 – 2010 гг.) наглядно продемонстрировал, что моноструктурный характер экономики и её экспортно-ориентированный рост таят в себе большие риски. Из-за преобладания металлургического производства, сильной интеграции в мировую экономику Вологодская область оказалась в числе территорий, наиболее пострадавших в период экономического спада.

¹ Опрос проводился в мае – июне 2008 и 2010 гг. В выборке участвовали гг. Вологда, Череповец, а также Грязовецкий, Никольский, Тарногский, Великоустюгский, Бабаевский, Вожегодский, Кирилловский, Шекснинский районы. Объём выборочной совокупности составил 1500 человек. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населённых пунктов различных типов (сельские населённые пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки составляет 3%. В исследовании использованы также данные мониторинга «Ценности и интересы россиян» 2006, 2010 гг. Объём выборочной совокупности – 1163 человека. Мониторинг осуществлён Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН.

Показатель валового регионального продукта (ВРП), отражающий экономический потенциал области, впервые за последние годы снизился. В 2008 г. ещё сохранялась положительная динамика ВРП, поскольку воздействие кризиса стало заметно только в конце года.

Однако в 2009 г. темпы экономического роста резко сократились – на 14% (табл. 1). Вследствие снижения внешнего спроса и цен на металлургическую продукцию уровень промышленного производства в ноябре 2008 г. сократился на 44% (месяц пикового спада), в целом за 2008 г. – на 5%; в 2009 г. – на 12%. Численность безработных, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения, в 2009 г. составила 24,6 тыс. человек, что в два раза выше, чем в 2008 г. Снижение объёмов производства, занятости населения обусловило падение уровня жизни.

Правительство Российской Федерации в связи со снижением бюджетных доходов (в 2009 г. – на 34%, в 2010 г. – на 28%) отнесло Вологодскую область к числу 17 наиболее кризисных регионов. Область, являвшаяся со второй половины 1990-х гг. регион-донором, в 2011 г. стала дотационной [9].

К началу 2010 г. в связи с улучшением конъюнктуры на мировом рынке, с принятием Правительством Вологодской области антикризисных мер (оптимизация бюджетных расходов; обеспечение продовольственной безопасности; содействие занятости населения; сохранение и поддержка важнейших инвестиционных проектов и др. [3]) регион стал выходить из кризиса, что выразилось в росте основных социально-экономических показателей.

Одним из комплексных показателей, чутко реагирующих на изменение социально-экономического положения региона, является индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП).

Таблица 1. Индексы основных социально-экономических показателей
Вологодской области (в % к предыдущему периоду)

Основные социально-экономические показатели	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2010 г. к 2007 г.
Валовой региональный продукт*	105,1	96,7	86,0	...	87,4
Промышленное производство	104,8	94,7	87,6	110,7	96,2
Экспорт товаров (к янв. – нояб. предыдущего периода)	120,5	161,9	45,0	131,0	115,0
Цены производителей промышленных товаров (обрабатывающие производства)	106,2	105,3	95,7	131,0	140,2
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций (к янв. – нояб. предыдущего периода)	132,4	150,6	24,1	126,7	46,7
Инвестиции в основной капитал*	103,8	85,9	71,1	96,9	61,4
Общая численность безработных, в среднем за год	76,1	143,0	137,0	80,1	119,4
Реальные располагаемые денежные доходы (к янв. – нояб. предыдущего периода)	109,8	98,2	88,7	107,4	102,7
Среднемесячная реальная начисленная заработная плата	110,8	108,3	92,9	111,4	124,2
Реальный размер назначенной месячной пенсии*, на конец года	114,9	108,2	126,4	111,9	175,8
Потребительские цены на товары и услуги	112,7	114,3	107,2	109,2	150,8
Оборот розничной торговли*	118,0	108,5	89,4	110,9	126,9
Оборот общественного питания*	109,6	106,6	73,9	105,1	90,7
Платные услуги населению*	103,5	102,3	95,7	97,9	99,2

* В сопоставимых ценах.
Источники: Статистический ежегодник Вологодской области. 2009: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2010; Социально-экономическое положение Вологодской области в 2010 г.: доклад / Вологдастат. – Вологда, 2011.

Согласно методике расчета, разработанной ООН в рамках «Программы развития» [8], ИРЧП состоит из трех равнозначных компонентов: дохода, определяемого показателем валового внутреннего продукта на душу населения (валового регионального продукта) по паритету покупательной способности (ППС) в долларах США; образования, определяемого показателями грамотности (с весом в 2/3) и долей учащихся среди детей и молодежи в возрасте от 7 до 24 лет (с весом в 1/3); долголетия, определяемого через продолжительность предстоящей жизни при рождении (ожидаемую продолжительность жизни). Это один из базовых социокультурных индексов, детерминирующий возможности реализации потенциала населения страны и региона.

В Вологодской области, как и в других регионах страны, с 2000 г. наблюдался постоянный рост ИРЧП (табл. 2). Вологодская область несколько отстает по уровню ИРЧП от Российской Федерации (докризисный уровень – 0,814 и 0,825 соответственно).

По международным стандартам значения ИРЧП выше 0,800 относятся к высокому уровню, в регионе, как и в России в целом, этот порог был преодолен в 2006 г.

Мировой финансовый кризис замедлил темпы роста ИРЧП в стране, а в области произошло существенное снижение этого индекса (с 0,814 до 0,802). Поскольку при некотором повышении показателя ожидаемой продолжительности жизни заметно уменьшился среднедушевой ВРП. В целом именно более высокий уровень валового регионального продукта Вологодской области относительно субъектов РФ определял её высокое место по ИРЧП. Тем не менее уровень ИРЧП не опустился ниже границы индекса в развитых странах (0,800).

Однако кризисные явления затронули многие стороны жизни населения. Поскольку статистические данные не могут передать информацию о некоторых параметрах социокультурного развития, представим результаты социологического опроса 2010 г. в сравнении с данными опроса 2008 г.

Таблица 2. ИРЧП и его составляющие: население Российской Федерации и Вологодской области, 1990 – 2009 гг.

Территория	Год	Душевой ВРП в долларах, ППС	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Доля учащихся в возрасте 7 – 24 лет	ИРЧП	Рейтинг в мире / в РФ
Российская Федерация (в 1990 г. – СССР)	1990	4905	70,6	н. д.	0,873	33
	1996	4230	65,9	69,1	0,780	71
	1998	6508	67,0	71,4	0,766	62
	2000	6747	65,3	75,0	0,763	60
	2005	11861	65,3	73,4	0,792	67
	2008	16092	67,9	75,0	0,825	65
	2009	14930	68,7	75,0	0,826	н. д.
Вологодская область	1996	4302	65,4	70,2	0,782	22
	1998	7422	66,7	69,0	0,769	19
	2000	8460	65,9	71,9	0,775	7
	2005	15762	63,1	71,5	0,792	11
	2008	16096	66,9	71,2	0,814	16
	2009	12401	67,3	71,2	0,802	н. д.

Справочно: ИРЧП СССР 1987 г. – 0,920 (26 место в мире).
 Источники: Human Development Indicators 1992 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hdr.undp.org/en/media/hdr_1992_en_indicators1.pdf; ООН, Программа развития (ПРООН). Доклады о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.undp.ru>; ИРЧП РФ и Вологодской области 2009 г. – рассчитаны на основе данных департамента экономики Правительства Вологодской области и источника: Россия и страны мира. 2010: стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – С. 96.

Таблица 3. Влияние кризиса 2008 – 2009 гг. на жизнь населения Вологодской области, СЗФО и РФ, %

Вариант ответа	Вологда	Череповец	Районы области	Вологодская область	Справочно:	
					СЗФО	РФ
Оказался без работы и заработка	6,5	2,9	4,5	4,6	9,7	10,9
Потерял в заработке, доходах	41,2	47,4	35,7	39,9	18,9	23,8
Столкнулся с задержками заработной платы, социальных выплат	10,0	16,0	14,7	13,9	14,4	12,5
Пришлось перейти на другую, менее оплачиваемую работу	5,3	2,3	2,9	3,3	5,4	4,4
Пришлось взяться за дополнительную работу	10,0	12,0	8,5	9,7	8,2	6,4
Ничего не изменилось	28,2	22,3	34,9	30,3	55,5	46,9
Сумел повысить свою квалификацию и стал больше зарабатывать	4,1	4,6	3,2	3,8	0,7	1,4
Другое	1,2	0,0	0,8	0,7	2,2	1,5
Отказ от ответа	1,2	1,1	1,3	1,3	3,3	4,5

Источник: здесь и далее – данные мониторингов «Социокультурный портрет региона» (ИСЭРТ РАН, 2008 и 2010 гг.) и «Ценности и интересы населения России» (ЦИСИ ИФ РАН, 2006 и 2010 гг.).

Так, согласно этим результатам только треть населения региона не почувствовала на себе влияние кризиса 2008 – 2009 гг., в СЗФО и РФ доля таких людей значительно выше (56 и 47% соответственно) (табл. 3).

Большая часть населения региона (68%) в той или иной мере столкнулась с определенными трудностями из-за снижения уровня доходов. Сильнее всего кризис отразился на жизни населения Череповца (72%).

В период кризиса существенно изменилась социальная структура населения, учитывающего, помимо материального благополучия, ряд других факторов. При выделении социальных слоев мы опирались на методику Л.А. Беляевой и использовали следующие критерии: уровень дохода, наличие подчиненных и уровень образования [1]. Эти три индикатора репрезентируют социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное поля. Применение на основе указанных признаков кластерного анализа, проводимого методом К-средних, исключая итерации, ведет к выделению пяти кластеров – социальных слоев (рис. 1).

«Высокостатусные» имеют высшее образование, 5 – 10 подчиненных, являются «зажиточными». «Эксперты» имеют высшее образование, являются «обеспеченными», подчиненных не имеют. «Реалисты» имеют среднее специальное образование, являются «обеспеченными», подчиненных не имеют.

«Бедные руководители» имеют среднее специальное образование, подчиненных в количестве 10 – 50 человек, являются «необеспеченными». «Низкостатусные» имеют незаконченное среднее образование, являются «бедными», подчиненных не имеют.

По данным опроса 2008 г., наиболее широко в Вологодской области были представлены «реалисты» (42%). «Экспертов» несколько меньше (27%), «низкостатусные» составляли 1/5 населения области (20%). Самыми малочисленными стратами являлись «высокостатусные» (6%) и «руководители» (5%).

В 2010 г. «реалисты» по-прежнему составляли самую массовую страту. Кроме того, их численность незначительно выросла (с 42 до 46%), в частности, за счет перешедших в эту страту представителей более высоких социальных слоев. В два раза сократились и без того малочисленные страты людей, обладающих властными полномочиями.

Так, страта «высокостатусные» сократилась с 6 до 3%. Страта «руководители» не только уменьшилась с 5 до 2%, но вследствие снижения доходов ее представителей трансформировалась в страту «бедные руководители».

В результате снижения дохода существенно сократилась численность «экспертов» (с 27 до 14%). Произошло резкое снижение социального статуса 15% населения региона, и доля «низкостатусных» возросла до 35%. Таким образом, в период 2008 – 2010 гг. наблюдалась высокая нисходящая социальная мобильность.

В связи с событиями финансово-экономического кризиса актуальными стали вопросы социального самочувствия населения как интегрального показателя, отражающего экономические, политические и социальные процессы, происходящие в обществе.

Индекс социального самочувствия² (ИСС), входящий в методику «Социокультурный портрет региона», позволяет фиксировать три его базовые составляющие: степень защищенности жителей региона от главных опасностей; степень удовлетворенности своей жизнью в целом; степень оптимизма в оценке респондентами настоящего и будущего [12]. В России в 2010 г. повышение индекса социального самочувствия населения приостановилось (в 2002 г. – 0,53; в 2006 г. – 0,60; в 2010 г. – 0,62; *рис. 2*). В Вологодской области произошло незначительное снижение интегрального индекса социального самочувствия – с 0,62 в 2008 г. до 0,61 в 2010 г. при критическом значении ИСС, равном 0,50. В целом уровень социального самочувствия в регионе оказался несколько ниже не только окружных, но и общероссийских показателей.

Рисунок 2. Индекс социального самочувствия населения Вологодской области, СЗФО и РФ в 2008 (2006) и 2010 гг.

² Обобщенный индекс социального самочувствия (ИСС) [5]. С помощью интервью измеряются три составляющие социального самочувствия населения: степень защищенности от десяти социальных опасностей; степень удовлетворенности своей жизнью в целом; степень социального оптимизма – сравнение уровня жизни с прошлым годом, ожидания в ближайшем году, уверенность в своем будущем.

Такие компоненты интегрального индекса социального самочувствия, как показатели защищенности от опасностей и удовлетворенности жизнью, к 2010 г. не изменили своих значений (0,60 и 0,61 соответственно; *рис. 3*). Однако произошло понижение уровня оптимистических настроений в обществе. Наибольший стресс испытали люди, занимающие руководящие должности (снижение ИСС с 0,72 до 0,58). Коэффициент оптимизма более всего уменьшился у жителей области с низким уровнем доходов (с 0,55 до 0,52). У лиц, находящихся в возрастном интервале 25 – 45 лет, он уменьшился с 0,65 до 0,62, а у людей, не имеющих супруга, – с 0,64 до 0,61. Отметим, что в регионе коэффициент удовлетворенности жизнью в целом остается ниже, чем в СЗФО и РФ (0,61 против 0,71 и 0,68 соответственно). В то же время уровень защищенности от опасностей в области выше (0,6 против 0,59). Показатель оптимизма соответствует уровню СЗФО и выше, чем в России в целом (0,61 против 0,58).

Составляющие показателей индекса

социального самочувствия в городах Вологде, Череповце и районах области различны. В 2010 г. по сравнению с 2008 г. на всей территории области наблюдалось снижение частных индексов социального самочувствия населения (*рис. 4*).

Наиболее всего индекс социального самочувствия снизился в г. Череповце (0,04), менее всего – в г. Вологде (0,01). Однако череповчане сохранили наивысший в регионе уровень индекса социального самочувствия. Значения показателей социального самочувствия жителей Вологды и районов области являются, как и прежде, близкими.

В период кризиса уровень оптимизма и защищенности людей в наибольшей степени снизился в г. Вологде (*табл. 4*). В то же время в областном центре несколько возросла удовлетворенность жизнью. В Череповце снизились все составляющие индекса социального самочувствия населения, но наиболее заметно, как и в Вологде, – коэффициент оптимизма и менее значительно – степень защищенности людей.

Рисунок 3. Коэффициенты индекса социального самочувствия населения Вологодской области, СЗФО, РФ в 2008 (2006) и 2010 гг.

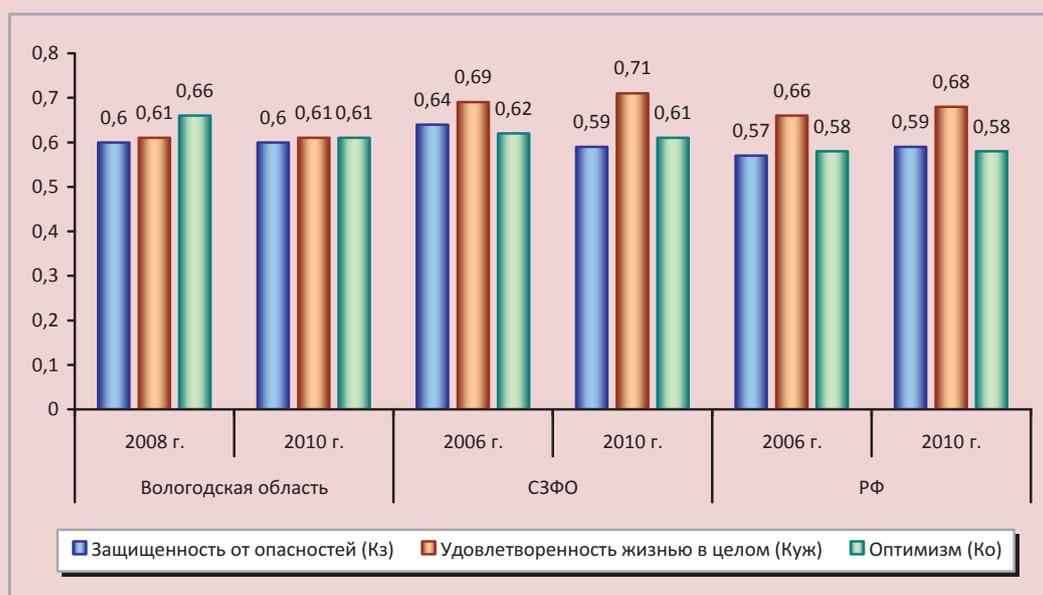

Рисунок 4. Индекс социального самочувствия населения Вологодской области 2008 – 2010 гг., региональный разрез

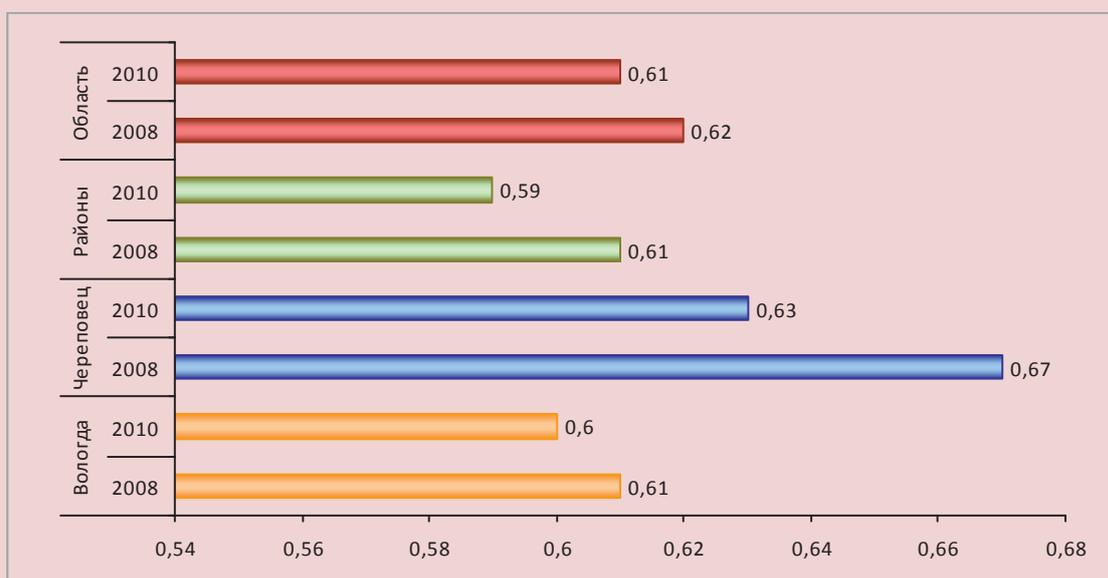

Таблица 4. Составляющие индекса социального самочувствия населения Вологодской области в 2008 – 2010 гг., региональный разрез

Составляющие индекса социального самочувствия	Вологда		Череповец		Районы		Область	
	2008 г.	2010 г.	2008 г.	2010 г.	2008 г.	2010 г.	2008 г.	2010 г.
Коэффициент защищенности (Кз)	0,6	0,57	0,63	0,62	0,57	0,60	0,60	0,60
Коэффициент оптимизма (Ко)	0,63	0,59	0,69	0,65	0,66	0,59	0,66	0,61
Коэффициент удовлетворенности жизнью (Куж)	0,6	0,61	0,68	0,66	0,59	0,59	0,61	0,61

Однако в целом именно г. Череповец имеет самые высокие показатели составляющих индекса социального самочувствия, существенно превышающие общерегиональные. В районах удовлетворенность жизнью осталась на прежнем, достаточно низком уровне, при этом серьезно уменьшился коэффициент оптимизма, а степень защищенности от опасностей повысилась.

Таким образом, каждая территория региона имеет свои особенности, которые проецируются на сознание ее жителей. И хотя кризисные явления не снизили общего уровня удовлетворенности жизнью, они оказали внутреннее социально-психологическое давление на людей, проявившееся в снижении представительства оптимистических взглядов на будущее.

Отметим, что данные мониторинга общественного мнения «Экономическое положение и социальное самочувствие жителей Вологодской области», проводимого ИСЭРТ РАН, подтверждают вывод о снижении уровня социального самочувствия населения в 2010 г. относительно 2008 г. (в 2009 г. данные показатели были еще ниже) [13, 15].

Базовым компонентом социокультурного потенциала выступают ценностные предпочтения населения [7]. Исследование показало, что ценностное пространство³ региона в 2010 г. расширилось (до 2,22 ед. с 1,81 ед. в 2008 г.; табл. 5).

³ Под ценностным пространством понимается структурированная среда, в которой сконцентрировано множество ценностных категорий населения.

Таблица 5. Ценностные предпочтения населения Вологодской области в 2008 и 2010 гг.
(взвешенные средние баллы по 5-балльной шкале)

Структура ценностей Вологодской области в 2010 г.	Ценности	Вологодская область		РФ		Рейтинг 2010 г.	
		2008 г.	2010 г.	2006 г.	2010 г.	Вологодской области	РФ
Интегрирующее ядро (4,4 и больше)	Жизнь человека	4,53	4,64	4,37	4,80	1	1/2
	Семья	4,47	4,53	4,69	4,80	2	1/2
	Порядок	4,36	4,49	4,69	4,72	3	4
	Общительность	4,42	4,48	4,51	4,73	4	3
Интегрирующий резерв (3,91 – 4,39)	Благополучие	4,28	4,38	3,68	4,59	5	5
	Независимость	4,28	4,29	4,14	4,47	6	6
	Традиция	4,01	4,19	4,34	4,40	7	8
	Работа	4,24	4,11	4,08	4,29	8	9
	Свобода	4,20	4,08	4,25	4,44	9	7
Оппонирующий дифференциал (3,0 – 3,9)	Нравственность	3,87	3,80	3,66	4,10	10	11
	Инициативность	3,96	3,74	4,0	4,13	11	10
	Жертвенность	3,64	3,66	3,99	4,07	12	12
Конфликтогенная периферия (2,99 и меньше)	Властность	2,86	2,49	2,24	2,76	13	13
	Своевольность	2,72	2,42	2,06	2,49	14	14
Плотность ценностного пространства		1,81	2,22	2,63	2,31	-	-

Ранжировано по Вологодской области в 2010 г.

Это произошло, с одной стороны, вследствие увеличения доли населения, поддерживающего наиболее значимые ценности, а с другой – за счет снижения доли тех, кто поддерживает ценности наименее значимого порядка (ценности интегрирующего ядра и конфликтогенной периферии соответственно).

Таким образом, проявилась большая сознательность населения, чем в докризисный период. Возможно, что в переломный момент свершился очередной пересмотр ценностных ориентиров: ситуация кардинально не изменилась, но произошло повышение значимости ценностей, поддерживаемых большинством, и снижение значимости отрицаемых ценностей. Так, возросла роль человеческой жизни, семьи, порядка, общительности, составляющих костяк ценностного мира людей (слой интегрирующего ядра). Увеличилась значимость некоторых ценностей второго порядка (слой интегрирующего резерва).

Как следует отметить, в кризисных условиях ценностные ориентации жителей региона показывают, что они, имея желание сохранить порядок и благополучие, не готовы к активным действиям, поскольку значимость ценностей изменения ситуации (свобода, инициативность, своевольность), а также работы снизилась. Подчеркнем, что значимость всех ценностей, в том числе отрицаемых большинством (слой конфликтогенной периферии), у россиян в целом повысилась.

В период кризиса мотивация населения к труду не претерпела значительных изменений. Как и прежде, большая часть жителей Вологодской области предпочитает работу, приносящую пусть небольшой, но стабильный заработок и уверенность в завтрашнем дне (45%). В период 2008 – 2010 гг. инновационная активность населения, проявляющаяся в организации создания новой услуги, фирмы, продукта, технологии, возросла (в Вологде и районах области; табл. б).

Таблица 6. Инновационная активность населения Вологодской области в период 2008 – 2010 гг., %

Вариант ответа	Год								Справочно:	
	2008	2010	2008	2010	2008	2010	2008	2010	2010 г.	2010 г.
	Вологда		Череповец		Районы		Область		СЗФО	РФ
Участвовал как организатор	5,4	6,7	6,1	5,6	2,9	4,7	4,3	5,5	3,1	3,1
Участвовал наравне с другими	9,1	8,9	14,2	5,1	8,9	5,9	10,3	6,4	10	4,6

Примечание. Вопрос 2008 г.: «Участвовали ли Вы в течение последних 5 лет в создании каких-либо новшеств?»; вопрос 2010 г.: «Участвовали ли Вы в последние 12 месяцев в создании каких-либо новшеств?»

Таблица 7. Социально-демографический портрет участников инновационной деятельности в Вологодской области в 2010 г., %

Критерии	Участвовал как организатор	Участвовал наравне с другими
Пол		
Мужской	44,6	52,9
Женский	55,4	47,1
Возраст		
До 24 лет	10,8	14,3
25 – 34	24,6	24,3
35 – 44	26,2	31,4
45 – 54	26,2	20,0
Старше 55	12,3	10,0
Социальный статус		
«Высокостатусные»	16,9	7,5
«Эксперты»	26,2	26,9
«Реалисты»	41,5	41,8
«Бедные руководители»	3,1	4,5
«Низкостатусные»	12,3	19,4
Тип поселения		
Деревня, село	21,5	24,3
Посёлок городского типа (рабочий посёлок)	6,2	7,1
Малый город (до 100 тыс. жителей)	13,8	8,6
Крупный город (100 – 500 тыс. жителей)	58,5	60,0

В качестве организаторов инновационной деятельности в 2010 г. чаще выступали женщины (55%; табл. 7), мужчины, напротив, чаще участвовали в ней наравне с другими (53%). При этом женщины по большей части инициировали создание новой фирмы (54%), мужчины – нового продукта (53%), новой технологии (60%). Возраст инноваторов соответствует 35–54 годам.

И среди организаторов, и среди простых участников больше людей со средним

специальным образованием (среди организаторов – 31%, участников – 36%), меньше – с высшим (среди организаторов – 29%, участников – 30%). По материальному уровню они относятся к обеспеченным (среди организаторов – 40%, участников – 33%). Учитывая социальный статус участников инновационной деятельности, заметим, что «реалистов» (42%) и «экспертов» (27%) среди них больше. Как правило, эти люди проживают в крупных городах региона.

Важнейшим аспектом социокультурного развития региона является социально-территориальная идентификация⁴ населения, т.е. его самооценка своей принадлежности к определенным социальным и демографическим слоям. По мнению специалистов, экономические, социокультурные и прочие современные проблемы служат основой для формирования идентификации населения [2]. Степень принадлежности можно выразить посредством коэффициента интенсивности близости – Киб [6]. Результаты измерений показали, что для жителей Вологодской области наибольшее значение коэффициент близости имеет в отношении к жителям поселения, в котором они живут. Региональная близость проявляется слабее. Общероссийская и общечеловеческая связь – самая слабая. В Вологодской области в 2010 г. Киб зафиксировал снижение поселенческой близости (с 7,7 до 7,23 ед.) и повышение региональной (с 1,45 до 1,76 ед.; табл. 8).

Вероятно, жителей области сплотила внутренняя тревога из-за обострения региональных проблем и появления угрозы для будущности территории. Общие переживания усилили чувство региональной сплоченности.

Произошедшее наряду с этим снижение поселенческой близости обусловлено скорее не кризисными явлениями, а мировыми тенденциями индивидуализации общества.

Основываясь на данных всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России» 1990 – 2010 гг., проводимого Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН, заметим, что в стране наблюдается снижение идентичности населения не только поселенческой, но и профессиональной, возрастной, имущественной, а также других видов слоевой близости, которые ослабевают, утрачивая прежнюю интенсивность. Люди слабее ощущают свою сопричастность к определенным сообществам, ориентируясь в большей мере на узкий круг людей – на семью.

Хотя институт семьи в постсоветский период претерпел ряд трансформаций, главные интересы населения сосредоточены в первую очередь на семье (в регионе – 47%; в РФ – 61%) и только потом – на профессиональной деятельности (13%; в РФ – 14%), обеспечении приличного заработка (8%; в РФ – 6%) и получении образования (по 4%).

Таблица 8. Коэффициент интенсивности слоевой близости населения в 2008, 2010 гг.* («свое», «чужое»), территориальный разрез

Территория	Жители поселения, в котором я живу		Жители всей моей области		Жители всей России		Жители всей Земли	
	2006 – 2008 гг.	2010 г.	2006 – 2008 гг.	2010 г.	2006 – 2008 гг.	2010 г.	2006 – 2008 гг.	2010 г.
Вологодская область	7,7	7,23	1,45	1,76	0,59	0,47	0,51	0,34
Курская область	8,55	7,18	1,85	1,59	0,84	0,66	0,55	0,36
Тюменская область	8,54	7,27	0,67	0,76	0,35	0,35	0,25	0,27
СЗФО	-	-	-	1,5	0,6	0,8	0,4	0,4
РФ	-	-	-	2,1	0,8	0,9	0,7	0,4

* Примечание. Вологодская обл. – 2008 г.; Курская обл. – 2007 г.; Тюменская обл., СЗФО и РФ – 2006 г.

⁴ Аспекты идентификации членов социальной группы связаны с их принадлежностью к демографическим, этническим, религиозным и другим социальным категориям (*первоисточник*: Словарь по общественным наукам. Глоссарий.ру).

В связи с этим можно утверждать, что ослабление чувства идентичности у населения влечет за собой снижение мотивации для созидательной деятельности.

В целом кризис имеет не только негативные последствия (снижение уровней ИРЧП и социального самочувствия населения, оптимистических настроений, изменение социальной структуры населения в сторону неблагополучия, снижение значимости инициативности), но и определенные положительные моменты (расширение ценностного пространства населения, некоторое увеличение инновационной активности, большая региональная сплоченность).

Заметим, что только отдельные личности, имеющие профессиональное образование, являющиеся обеспеченными, увидели в кризисное время возможности для проявления своих способностей, что не замедлило выразиться в некотором увеличении инновационной активности. Однако основная масса людей не стала склонной к переменам и под угрозой потери работы,

достатка, положения, стабильности, сохранила инертность, поддерживая ценности порядка, благополучия, традиции и отрицая ценности свободы и инициативности.

С одной стороны, это может быть только временной реакцией людей на последствия финансово-экономического кризиса, с другой – определенная закоренелость общества может являться фактором, сдерживающим модернизационные процессы в стране.

Между тем кризис высветил потенциал населения, который не использовался ранее. Повышение уровня и качества жизни населения области, включающее в себя обеспечение благоприятных социальных условий для развития способностей каждого человека, улучшение условий и комфортности жизни, как основополагающая задача Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2020 г. [10] приумножит социокультурный потенциал населения, тем самым ускорит переход экономики страны к инновационному типу развития.

Литература

1. Беляева, А. Л. Материальная дифференциация и социальная стратификация в России и регионах / А.Л. Беляева // Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Курск, 25 – 28 сентября 2007 г. / под ред. Е.А. Когай. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007. – С. 38.
2. Иванова, Л. Н. Социальная идентичность в условиях трансформации общества / Л. Н. Иванова // Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия. – М., 2003. – С. 232-242.
3. Иогман, Л.Г. О влиянии финансово-экономического кризиса в 2008 – 2009 гг. на экономику региона и перспективы её развития в 2010 – 2011 гг. / Л.Г. Иогман // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2010. – № 2 (10). – С. 18-25.
4. Лапин, Н.И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций / Н.И. Лапин // Мир России. – 2000. – Т. IX. – № 3. – С. 3-47.
5. Лапин, Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация–2010) / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2010. – 111 с.
6. Лапин, Н.И. Регион как поле социального самочувствия россиян и их отношения к институтам власти / Н.И. Лапин // Опыт апробации типовой методики «Социологический портрет региона»: сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции. – Ч. II. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006. – С. 22.
7. Лапин, Н.И. Структура ценностей россиян: всероссийский мониторинг и портрет региона / Н.И. Лапин // Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России: материалы III Всерос. науч.-практ. конф., г. Курск, 25 – 28 сентября 2007 г. / под ред. Е.А. Когай. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007. – С. 59-62.

8. О Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2020 года: Постановление Правительства Вологодской области от 28.06.2010 № 739 (ред. от 13.12.2010).
9. Окулова, Н.А. Привлекательность региона в оценках населения / Н.А. Окулова, Т.С. Соловьева, А.А. Шабунова // Экономические и социальные перемены в регионе. Факты, тенденции, прогноз. – Вып. 45. – Вологда: Вологодский научно-координационный центр ЦЭМИ РАН, 2009. – С. 62-72.
10. ООН, Программа развития (ПРООН). Доклады о развитии человеческого потенциала (ИРЧП) в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.undp.ru>
11. Поварова, А.И. Формирование регионального бюджета в условиях кризиса / А.И. Поварова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2010. – № 2 (10). – С. 89-101.
12. Ромашкина, Г.Ф. Социокультурный портрет Тюменской области: опыт эмпирического исследования. Опыт апробации типовой методики «Социологический портрет региона» / Г.Ф. Ромашкина // сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции. – Ч. II. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006. – 182 с.
13. Северо-Запад России: тенденции общественных настроений (2005 – 2010) // Тенденции и проблемы развития региона. – Том 3 (Часть II). – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. – С. 413, 440-452.
14. Социокультурные аспекты развития территории / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, Н.А. Окулова, Т.С. Соловьева. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – 131 с.
15. Экономическое положение и социальное самочувствие жителей Вологодской области (декабрь 2010 г.). Мониторинг общественного мнения: Экспресс-информация. – 2010. – № 36 (521). – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – 5 с.
16. Human Development Indicators 1992 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hdr.undp.org/en/media/hdr_1992_en_indicators1.pdf

Приоритеты политики в сфере охраны здоровья северного региона

Работа посвящена вопросам модернизации здравоохранения северного региона (пример Мурманской области) и перспективным направлениям реализации собственной политики в сфере охраны здоровья на региональном уровне. Анализируются медико-демографическая ситуация в Мурманской области и основные приоритеты современной региональной политики в сфере охраны здоровья. Определены приоритетные направления политики в этой сфере, требующие реализации на федеральном, региональном и местном уровнях.

Медико-демографическое развитие, охрана здоровья населения, государственная политика.

**Екатерина Евгеньевна
ТОРОПУШИНА**

кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник
Института экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН
toropushina@iep.kolasc.net.ru

Уровень здоровья населения является одним из важнейших аспектов перспективного развития как страны в целом, так и каждого региона.

На уровень здоровья населения оказывают влияние многочисленные внешние факторы: экономические, социальные, экологические, институциональные, генетические и конституциональные особенности, эффективность функционирования системы здравоохранения.

Однако до сих пор не до конца ясной представляется истинная роль и характер взаимодействия между этими факторами [2]. Различия в состоянии здоровья, наблюдаемые между странами, между регионами, между отдельными группами населения внутри страны/региона, позволяют сделать вывод о том, что большинство

факторов, влияющих на здоровье, в т. ч. образ жизни, окружающая среда, эффективность здравоохранения, напрямую зависят от общего социального, экономического, политического развития, т. е. от того, каким образом распределяется и используется экономическое благосостояние [3].

Низкий уровень здоровья населения влечёт за собой сокращение возможностей экономического роста и снижение конкурентоспособности экономики региона, рост числа социальных аномалий и социальной напряжённости в обществе.

Медико-демографическая ситуация в регионах Севера обусловлена не только природно-климатическими условиями, но и теми специфическими особенностями, которые формируют общую социально-

экономическую и экологическую сферы¹. Все северные регионы географически, экономически и политически удалены от метрополий, соответственно, все значимые решения, касающиеся этих территорий, принимаются в центрах, расположенных в более южных районах.

Кроме того, большинство регионов Севера России зависимы от экспорта природных ресурсов и государственных субсидий [4]. Однако значимая роль Севера для страны, специфические особенности этих территорий, вызванные экстремальными природно-климатическими условиями, удалённостью от центральных районов страны, моноотраслевой направленностью, требуют особого внимания государства, постоянного учёта специфики северных территорий при выработке и осуществлении политики в сфере охраны здоровья населения.

Несмотря на отдельные позитивные тенденции последних лет, медико-демографическая ситуация в северных регионах характеризуется рядом серьёзных проблем. Для большинства регионов Севера характерно интенсивное сокращение численности населения, основным источником которого является миграционная убыль, и хотя в последние годы она в большинстве

северных регионов снизилась и стабилизировалась, до сих пор наблюдается интенсивный отток населения.

Что касается естественного движения населения, то здесь, в отличие от России в целом, в большинстве регионов наблюдается естественный прирост населения. Однако связано это в основном с ростом общих коэффициентов рождаемости, а не со снижением смертности. Особую тревогу вызывает высокий уровень младенческой смертности, а в ряде регионов – ее рост.

Основной показатель качества жизни – показатель ожидаемой продолжительности жизни населения – в среднем по регионам Севера отстает от среднего по стране на 2,5 года (лишь в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах показатель ожидаемой продолжительности жизни выше среднероссийского уровня) [5].

Крайне высок уровень заболеваемости населения алкоголизмом и алкогольными психозами, что, в свою очередь, продуцирует рост и высокие показатели смертности от внешних причин, травм, отравлений, болезней органов пищеварения. Отмечается тенденция роста смертности от туберкулеза и новообразований в большинстве северных регионов. В целом уровень здоровья населения северных регионов остается низким.

Основными медико-демографическими проблемами Мурманской области в настоящее время являются высокий уровень общей заболеваемости, высокий уровень смертности по всем определяющим классам причин. Показатель первичной заболеваемости населения выше среднего по стране (табл. 1). В последние годы наблюдается устойчивая тенденция роста заболеваемости болезнями системы кровообращения.

¹ На уровень здоровья непосредственное влияние оказывает экологическая обстановка. В большинстве северных регионов территории вокруг концентрации производств, как правило, являются зонами чрезвычайной экологической ситуации, с превышением допустимых норм загрязнения воздуха, водоёмов и почвы. За последние 10 лет произошло увеличение выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от передвижных источников в целом по северным регионам на 56,4% (в РФ – на 9,6%). Общее экологическое состояние водных объектов удовлетворительное, однако, например, в Мурманской области из общего объёма загрязнённых сточных вод доля проходящих через очистные сооружения составляет 81,5%, а очищенных до нормативных величин – лишь 5,4%. Остро стоит проблема утилизации отработанных нефтепродуктов, а также твёрдых, ртутьсодержащих отходов. Часть свалок бытовых отходов организована без учета экологических, санитарных и противопожарных правил.

Таблица 1. Заболеваемость населения Мурманской области
(случаев на 1000 человек населения) [1]

Заболеваемость	Территория	Заболеваемость		
		2007 г.	2008 г.	2009 г.
Первичная	Мурманская обл.	818,1	816,5	855,0
	РФ	771,0	721,7	802,5
Общая	Мурманская обл.	1623,5	1631,4	1696,1
	РФ	1544,2	1560,9	1607,2

Только за 2009 г. общая заболеваемость ишемической болезнью сердца в регионе увеличилась на 3,8%, инсультом – на 18,1% (в 2009 г. показатели заболеваемости составили 5637,8 и 144,8 на 100 тыс. жителей соответственно [1]).

Характерно увеличение распространённости заболеваемости злокачественными новообразованиями: за последние пять лет данный показатель вырос среди мужской популяции на 10,4%, среди женской – на 9%.

Высока смертность людей в трудоспособном возрасте, особенно мужчин (смертность мужчин в трудоспособном возрасте примерно в 4 раза выше, чем женщин), что свидетельствует о низком уровне здоровья трудоспособного населения.

Происходит ухудшение ситуации по заболеваниям социального характера. Одной из наиболее серьезных проблем в этой сфере является распространенность в регионе алкоголизма. Несмотря на то, что в 2009 году распространенность хронического алкоголизма в Мурманской области была ниже, чем в среднем по РФ, показатели заболеваемости и распространенности алкогольных психозов по-прежнему превышают среднероссийские показатели (в 2009 г. распространенность алкогольных психозов составила 108,1 на 100 тыс. жителей Мурманской области при 74,0 по РФ [6]). Аналогичная ситуация сложилась по заболеваемости наркоманией – показатели выше средних по РФ почти в 2 раза [7].

Такая медико-демографическая ситуация является в основном результатом социально-экономических трансформаций 1990-х гг., и в дальнейшем уровень здоровья населения может только ухудшиться. И здесь одна из наиболее значимых проблем – бедность населения (несмотря на заметные достижения последних лет в ее преодолении, официальный уровень бедности в регионе превышает среднероссийский – 14,7% населения против 13,2% по РФ в 2009 г. [6]). Бедность является и следствием низкого уровня здоровья, и его основным фактором независимо от первопричины (размер дохода, социально-экономическое положение, условия жизни, уровень образования) [8].

Бедность предопределяет более короткую ожидаемую продолжительность жизни, высокую младенческую смертность, низкий уровень репродуктивного здоровья, высокий риск заражения инфекционными и неинфекционными болезнями, алкоголизм, наркоманию, самоубийства и т.д. [3].

Безработица, низкий уровень доходов, дефицит личной безопасности, преступность, страх перед будущим, конфликты на работе и семейные неурядицы, нестабильность трудоустройства, социальное расслоение – в совокупности это приводит к резкому возрастанию проявлений психосоциальных стрессовых состояний. Социальное нездоровье населения продуцирует болезни сердца, проявляется в росте социальных аномалий и асоциального поведения: наркомании, алкоголизма.

Кроме того, проблемы непосредственно системы здравоохранения не позволяют в полной мере удовлетворять потребности жителей в эффективном предупреждении и лечении заболеваний, повышении уровня здоровья. В настоящее время для значительной части северных регионов характерен низкий уровень доступности и качества услуг учреждений здравоохранения, слаборазвитый кадрово-инфраструктурный потенциал. Наряду с этим, для регионов Севера России характерна значительная дифференциация муниципальных образований по уровню развития системы здравоохранения.

В административных центрах субъектов РФ и муниципальных образованиях, где осуществляют хозяйственную деятельность социально ответственные корпорации, инфраструктурные показатели, такие как уровень кадрово-инфраструктурной обеспеченности медицинских учреждений и эффективность деятельности системы здравоохранения, соответствуют уровням, достигнутому в обжитых регионах РФ. Здесь, например, обеспеченность врачебными кадрами в 2009 г. составляла: Нарьян-Мар – 46,3 чел. на 10 тыс. населения, Норильск – 48,5, Мурманск – 80,3, Салехард – 119,4, Анадырь – 148,1 чел. [9].

Для закрытых административно-территориальных образований (ЗАО), с пока еще приемлемым уровнем кадрово-инфраструктурной обеспеченности здравоохранения, проблемы его развития нарастают. Главным образом это следствие муниципальной реформы, обусловившей значительное сужение налоговой базы ЗАО, а также «раздвоение» их статуса: с одной стороны, это территории, выполняющие задачи национальной безопасности и курируемые федеральной властью, с другой – обычные городские округа с типовым набором вопросов местного значения.

Уровень медицинского обслуживания жителей ЗАО невысок: в 2008 году были удовлетворены качеством медицинских услуг в Североморске 49,4%, в Полярном – 50,6, в Скалистом – 51, в Заозерске – 54, в Островном – 55, в Снежногорске – 67% жителей².

Острее всего проблема низкого уровня развития системы здравоохранения стоит для поселений с малой численностью населения (особенно мест проживания представителей коренных малочисленных народов), а таких в регионах Севера большинство. Здесь уровень доступности услуг учреждений здравоохранения крайне низкий. Обеспеченность населения медицинскими кадрами в большинстве муниципальных образований в 1,5-2 раза ниже, чем в среднем по субъекту РФ, к которому они относятся. При этом большая часть медицинского персонала работает в региональных/муниципальных центрах. Например, в Ненецком автономном округе из 163 врачей 126 работают в Нарьян-Маре (46,3 на 10 тыс. населения в 2009 г.). Соответственно, в остальных муниципальных образованиях работает всего 37 врачей (обеспеченность врачами составляет около 20 на 10 тыс. населения при среднем показателе по Ненецкому автономному округу – 38,8) [6, 9]. Уровень качества услуг здравоохранения в большинстве муниципальных образований оценивается населением как невысокий. В ряде труднодоступных, сельских поселений отсутствуют стационарные медицинские учреждения, аптеки.

² Данные социологических исследований за 2008 г. для муниципальных образований Мурманской области, в т. ч. ЗАО Заозерск, Островной, Скалистый, Снежногорск, Полярный, Североморск, об удовлетворенности населения уровнем комфортности проживания, представленные в отчете о результатах выполнения НИР на тему «Проведение социологического исследования по вопросу изучения мнения граждан об уровне комфортности проживания населения в муниципальных образованиях Мурманской области», опубликованном на официальном сайте Мурманской области (www.gov-murman.ru).

Обеспеченность населения медицинскими кадрами находится на невысоком уровне, отсутствуют стимулы для их привлечения из других регионов. Во многих поселениях нет помещений для работы и проживания медицинских работников. Материально-техническая база медицинских учреждений крайне слабая. Транспортная доступность специализированной и срочной медицинской помощи низкая. В целом для значительной территории Севера России характерны низкие доступность и качество услуг учреждений здравоохранения. Такое положение является в основном результатом отсутствия необходимых ресурсов не только для развития учреждений здравоохранения, но и даже для их поддержания на минимальном, жизненно необходимом уровне [10].

В Мурманской области за последние годы потенциал системы здравоохранения, безусловно, улучшился. Благодаря реализации нацпроекта «Здоровье» в 2006 – 2009 годах медицинские учреждения были оснащены современным оборудованием, автотранспортом, проведены работы по строительству, реконструкции и пр. Однако, несмотря на это, в настоящее время почти половина (49%) учреждений здравоохранения нуждается в капитальных и текущих ремонтах. Большинство ФАПов и амбулаторий расположены в малоприспособленных для оказания медицинской помощи зданиях 1930 – 1950-х гг. постройки со 100% износом, часть – в зданиях с печным отоплением, где отсутствует централизованное водоснабжение и водоотведение [1].

Серьезной проблемой остается кадровая обеспеченность учреждений здравоохранения Мурманской области. Дефицит врачебных кадров в 2009 году составлял 38% (953 врача), что связано с отсутствием на территории области не только медицинского вуза, но и работающих стимулов привлечения специалистов из других регионов на работу в область.

В наибольшей степени необеспеченность врачами затрагивает такие направления, как кардиология, онкология, наркология, досудебная психиатрия. В ряде муниципальных образований региона (Кандалакшский, Кольский, Ловозерский, Печенгский районы, г. Оленегорск) ставки врачей-кардиологов вообще не укомплектованы, в Мурманске на 9,75 ставки работают 3 врача. Коэффициент совместительства врачей-онкологов составляет 2,3, неврологов – 1,7. За исключением Мурманска, во всех учреждениях здравоохранения муниципальных образований региона не хватает специалистов наркологических служб.

Для Мурманской области, так же как и для регионов Севера в целом, характерна высокая межмуниципальная дифференциация кадрово-инфраструктурной обеспеченности учреждений здравоохранения. Так, в Кольском районе обеспеченность врачами составляет всего 20,5 чел. на 10 тыс. населения, в Терском – 22,2, в Ловозерском и Печенгском районах – около 23, а в Ковдорском районе – 24 чел. на 10 тыс. населения [11, 12, 13]. Межмуниципальная дифференциация по этому показателю составляет почти 4 раза. Аналогичное положение сложилось по обеспеченности населения средним медицинским персоналом, больничными койками: так, если в Мурманске обеспеченность средним медицинским персоналом в 2009 г. была 157,4 на 10 тыс. населения, то в Кольском районе – всего 55,5; больничными койками – 142,2 на 10 тыс. жителей в Мурманске против 54,0 в Терском районе [9, 11, 12, 13].

Правительством области совместно с главами муниципальных образований разработаны мероприятия, направленные на привлечение врачебных кадров в регион (предусмотрена выплата единовременного пособия в размере 6 должностных окладов и подъемных – 200 тыс. руб., ежемесячных надбавок – 20% в течение 3 лет после

окончания вуза, предоставление служебного жилья), однако проблемы кадрового обеспечения остаются нерешенными. Недостаточная укомплектованность врачами, наряду с дефицитом необходимого оборудования, продуцирует проблему низкой доступности отдельных видов медицинской помощи (компьютерная и магнитно-резонансная томография, УЗИ сосудов, эхокардиоскопия и пр.).

Остаются нерешенными проблемы финансирования предоставления жителям региона медицинской помощи в рамках Территориальной программы государственных гарантий оказания бесплатной медицинской помощи: дефицит программы в 2009 году составил 39,6%, в 2010 – 33,6%.

Тем не менее потенциал системы здравоохранения Мурманской области в целом выше, чем в среднем по РФ, но лишь за счет его высокого уровня в гг. Мурманск и Кировск. Тогда как в большинстве муниципальных образований потенциал системы здравоохранения находится на невысоком уровне. Это свидетельствует о крайне низком уровне доступности медицинской помощи. Значительная доля жителей области оценивает уровень доступности услуг здравоохранения как низкий: по данным социологических обследований, лишь 30,4% [1] опрошенных в Мурманской области удовлетворены уровнем доступности медицинских услуг.

Во многих муниципальных образованиях региона обеспеченность врачами и средним медицинским персоналом, больничными койками находится на невысоком уровне, затруднено получение отдельных видов специализированной медицинской помощи. Многие медицинские учреждения из-за недостаточного оснащения ресурсами, уровня подготовки работников здравоохранения по современным подходам к диагностике,

лечению и профилактике заболеваний не могут обеспечить должную доступность и качество диагностической и медицинской помощи. Отсутствуют нормативные акты, направленные на создание условий для обеспечения здорового образа жизни, обеспечивающие комплексный характер деятельности всех секторов общества в целях повышения уровня здоровья [7].

В настоящее время в регионе реализуется Долгосрочная целевая программа «Модернизация здравоохранения Мурманской области» на 2011 – 2012 годы. Основными целями Программы являются: 1) обеспечение доступности качественной медицинской помощи населению Мурманской области и 2) создание условий для эффективной организации медицинской помощи и использования ресурсов здравоохранения [1]. Однако в рамках реализации мероприятий Программы предусмотрено значительное снижение доступности качественной медицинской помощи, поскольку предполагается существенное сокращение сети учреждений здравоохранения – с 59 учреждений (21 государственное и 38 муниципальных) в 2010 г. до 35 (35 государственных учреждений здравоохранения и 15 их филиалов) к 2013 г.

Планируется создание трех межмуниципальных центров специализированной медицинской помощи в г. Кандалакша (для жителей Терского и Кандалакшского районов), в гг. Кировск – Апатиты и в г. Мончегорск (для жителей Ковдорского, Ловозерского районов и г. Оленегорск). Именно в эти центры предполагается перемещение большинства отделений и структур, тогда как в остальных населенных пунктах будут предоставляться в основном базовые виды медицинской помощи. В результате доступность специализированной медицинской помощи для жителей большинства населенных пунктов области значительно ухудшится.

Это будет связано, во-первых, со значительным ухудшением транспортной доступности (так, например, расстояние между Ковдором и Мончегорском составляет 184 км). Во-вторых, – с еще большим снижением уровня обеспеченности врачевными кадрами и больничными койками.

Так, например, при организации межмуниципального центра в Кандалакше планируется сокращение коечного фонда на 11%, в Терском филиале – на 48, в Зеленоборском филиале – на 69%. Аналогичное сокращение затронет и учреждения здравоохранения при создании Мончегорского и Апатитско-Кировского межмуниципальных центров: в Мончегорске планируется сокращение коечного фонда на 12%, в Оленегорском филиале – на 17, в Ковдорском – на 40, в Ловозерском – на 34, в Апатитском филиале – на 42%. Сокращение практически не затронет лишь коечный фонд в Кировске, где он сократится только на 1,7% [1]. Произойдет также изменение структуры оказания медицинской помощи населению в сторону сокращения стационарной и скорой медицинской помощи (табл. 2).

В результате такие преобразования крайне негативно отразятся на качестве предоставляемой медицинской помощи, своевременности диагностики заболеваний и пр. и в целом на уровне здоровья населения Мурманской области.

Существующий уровень развития системы здравоохранения, и так не позволяющий реализовать ее компенсационную функцию (что является предпосылкой снижения качества человеческого потенциала, не оказывает положительного влияния на сохранение уже имеющихся трудовых ресурсов и пр.), лишь ухудшится. Доступность услуг учреждений здравоохранения значительно снизится.

В настоящее время жизненно необходимо формирование и реализация и государственной/национальной политики в сфере охраны здоровья и собственной активной региональной политики. Существуют и основные условия, которые позволят обеспечить эффективность реализации политики в сфере охраны здоровья.

Во-первых, человеческий потенциал должен рассматриваться в качестве цели общественного развития, а не как средство для решения социально-экономических задач [14].

Во-вторых, формирование и реализацию политики в сфере охраны здоровья следует ориентировать на закономерности развития общественной системы во взаимосвязи со здоровьем населения, а не на оценку влияния отдельных факторов среды на состояние здоровья человека.

Таблица 2. Организация медицинской помощи в межмуниципальных центрах Мурманской области [1]

Показатель	Межмуниципальный центр г. Кандалакша		Межмуниципальный центр г. Мончегорск		Межмуниципальный центр гг. Апатиты – Кировск	
	01.01.2010	01.01.2013	01.01.2010	01.01.2013	01.01.2010	01.01.2013
Коечный фонд (коек)	378	307	831	660	624	473
Объем стационарной мед. помощи, койко/дней на 1 жителя	1,6	1,3	2,2	1,8	2,1	1,7
Объем амбулаторно-поликлинической мед. помощи, посещений на 1 жителя	6,64	8,58	8,46	9,45	7,87	8,52
Объем стационарозамещающей мед. помощи, пациенто/дней на 1 жителя	0,29	0,53	0,36	0,66	0,32	0,51
Объем скорой мед. помощи, вызовов на 1 жителя	0,37	0,35	0,36	0,34	0,33	0,32

В-третьих, решение проблем должно носить комплексный характер, с включением всех подсистем региона в систему охраны здоровья населения, а не ограничиваться деятельностью только учреждений здравоохранения.

В целом политику в сфере охраны здоровья следует понимать не только как ряд мероприятий по повышению уровня здоровья жителей, но и как процесс формирования и развития жизненного, трудового и репродуктивного потенциала населения с адекватным потреблением человеческого потенциала и стремлением создания оптимальных условий жизнеобеспечения (окружающая среда, экономика, социальные условия).

Необходимо рассматривать политику в сфере охраны здоровья как комплекс целенаправленных мероприятий, проводимый органами государственной власти, включающий определение приоритетов и направлений политики, характер формирования ресурсов и последовательность этапов реализации поставленных целей, обеспечивающих предусмотренное развитие. С такой точки зрения системность политики в сфере охраны здоровья должна выражаться во взаимодействии всех организаций государственного и частного секторов экономики, региональных органов власти, органов управления здравоохранением, средств массовой информации и др. Наряду с этим необходимо расширять возможности отдельных людей и поощрять их к принятию позитивных, укрепляющих здоровье самостоятельных решений по таким вопросам, как потребление табака, чрезмерное потребление алкоголя, нездоровый пищевой рацион, небезопасный секс и др. Межсекторная политика в сфере охраны здоровья населения (как отражающая деятельность всего сообщества) должна быть ориентирована на критерии общественного здоровья.

А основным актором реализации политики в сфере охраны здоровья населения должна являться именно система здравоохранения.

Целью политики в сфере охраны здоровья должен являться рост уровня здоровья населения на основе модернизации системы здравоохранения, включающей обеспечение высоких стандартов качества и доступности медицинской помощи.

В целях обеспечения развития системы здравоохранения северных регионов России, в том числе Мурманской области, необходимо решить следующие задачи.

На федеральном уровне:

- существенно усилить меры государственного регулирования и протекционизма в вопросах развития системы здравоохранения регионов Севера РФ, направленные на тотальное повышение качества и доступности услуг здравоохранения, значительный рост удовлетворенности населения качеством и доступностью таких услуг;
- обеспечить проведение дифференцированной государственной политики в этой сфере, учитывающей специфические особенности северных регионов (в т.ч. низкие финансовые возможности, слабый кадрово-инфраструктурный потенциал, удаленность большинства поселений от крупных центров, демографические характеристики и пр.);
- разработать и внедрить специализированные меры государственной субсидиарной поддержки, обеспечивающие качественно новый уровень развития учреждений здравоохранения труднодоступных, сельских поселений, малых городов, закрытых административно-территориальных образований, включая создание и развитие современных медицинских учреждений, развитие транспортной инфраструктуры, обеспечить достижение соответствия высочайшим стандартам качества и значительное повышение доступности услуг учреждений здравоохранения;

- при формировании в рамках федеральных целевых программ адресных программ, направленных на развитие системы здравоохранения малых городов, закрытых административно-территориальных образований, труднодоступных, сельских поселений северных территорий России, исключить обязательность применения принципа паритетного софинансирования со стороны субъектов Федерации, к которым указанные поселения территориально относятся;

- при разработке нормативных показателей кадрово-инфраструктурной обеспеченности учреждений здравоохранения учитывать необходимость применения в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях более высоких их значений.

На региональном и местном уровнях:

- обеспечить бесплатное предоставление гарантированного государством объема медицинских услуг всем жителям независимо от социального статуса и места проживания; разработать и реализовать программы, направленные на создание и развитие современных, отвечающих высоким требованиям медицинских учреждений в труднодоступных, сельских поселениях, малых городах, ЗАТО; обеспечить достижение соответствия высочайшим стандартам качества услуг системы здравоохранения; содействовать развитию механизмов социального партнерства власти, бизнеса и общества в вопросах охраны здоровья, повышения эффективности здравоохранения и решения экологических проблем;

- обеспечить значительное повышение доступности качественных услуг учреждений здравоохранения, оказываемых населению; обеспечить условия для организации оказания первичной, скорой и специализированной медицинской помощи, условия для улучшения диагностики и

профилактики заболеваний; совершенствовать организационно-экономический потенциал здравоохранения, в т.ч. развивать систему управления здравоохранением, ориентированную на кардинальное улучшение качества медицинской помощи и эффективное использование всех ресурсов здравоохранения;

- содействовать созданию условий для закрепления высококвалифицированных кадров, в т.ч. на основе значительного повышения уровня и кардинального изменения условий жизни населения и повышения оплаты труда всех групп медицинских работников до среднего уровня по экономике региона; обеспечить повышение кадрового потенциала учреждений здравоохранения, в т.ч. внедрять программы целевой подготовки медицинских кадров из числа местных жителей, включая представителей КМНС;

- обеспечить качественно новый уровень развития материально-технической базы учреждений здравоохранения, направленный на тотальное повышение качества и доступности услуг учреждений здравоохранения; обеспечить учреждения здравоохранения новейшим медицинским оборудованием, лекарственными средствами и пр.; в учреждениях здравоохранения внедрять методы стратегического управления и методы анализа экономической эффективности медицинских программ и технологий;

- содействовать формированию эффективной системы профилактики факторов риска нарушения здоровья, особенно алкогольной и наркотической зависимости; способствовать обеспечению здоровой и безопасной окружающей среды, повышению качества и безопасности потребительских товаров и услуг, сокращению числа рабочих мест с вредными и/или опасными условиями труда и пр.

Литература

1. Долгосрочная целевая программа «Модернизация здравоохранения Мурманской области» на 2011 – 2012 гг. (постановление Правительства Мурманской обл. № 32-ПП/2 от 08.02.2011).
2. Всемирная декларация по здравоохранению, 1998 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.who.int/arhives/hfa/ear7.pdf>
3. Доклад о состоянии здравоохранения в Европе, 2002 г. // Региональные публикации ВОЗ, Европейская серия / Европейское региональное бюро ВОЗ. – Копенгаген, 2002. – № 97. – 148 с.
4. Megatrends / A. Karlsdottir, Cl. Pellegatta, E. Toropushina, L. Zalkind et al., ed. – Copenhagen: Nordic Council of Ministers, 2011. – 205 p.
5. Тоичкина, В.П. От диагностики устойчивости к определению проблем демографической сферы Мурманской области / В.П. Тоичкина // Север и рынок: формирование экономического порядка. – Апатиты, 2009. – № 1. – С. 119-123.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2010 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_14p/Main.htm
7. Торопушина, Е.Е. Медико-демографические процессы и охрана здоровья населения (пример Кольского Севера) / Е.Е. Торопушина // Север: проблемы периферийных территорий / отв. ред. В.Н. Лаженцев. – Сыктывкар, 2007. – С. 178-189.
8. Корчак, Е.А. Бедность населения северных регионов России [Электронный ресурс] / Е.А. Корчак // Российский экономический интернет-журнал / Акад. труда и социал. отношений. – М.: АТиСО, 2002. – № гос. регистрации 0420600008. – URL: <http://www.e-rej.ru/Articles/2009/Korchak.pdf>
9. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов – 2010 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_14t/Main.htm
10. Торопушина, Е.Е. Социальная инфраструктура арктических регионов / Е.Е. Торопушина // ЭКО. – 2009. – № 8. – С. 120-134.
11. Доклад Главы администрации Кольского района о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципального района за 2010 год и их планируемых значениях на 2011 – 2013 годы [Электронный ресурс]. – URL: <http://kola.murmansk.ru/admin/mayor/>
12. Доклад Главы адм. Терского района о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципального района за 2010 год и их планируемых значениях на 2011 – 2013 годы [Электронный ресурс]. – URL: http://www.terkyrayon.ru/joomla/atrfiles/common/doklad_glavi/Doklad_SHeveljova_L.V._za_2010_god.pdf
13. Доклад Главы администрации Ковдорского района о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципального района за 2010 год и их планируемых значениях на 2011 – 2013 годы [Электронный ресурс]. – URL: http://kovadm.ru/Upload/Attach/253_20110704080748.pdf
14. Рябова, Л.А. Новая северная парадигма России: проблемы формирования и социальные приоритеты / Л.А. Рябова // Научные записки Петрозаводского университета. – 2010. – № 7 (112).

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

УДК 332; 552.578

© Куриков В.М.

© Бессонова Т.Н.

Обоснование приоритетов развития регионального нефтегазового комплекса

Развитие нефтегазодобывающих регионов определяется преимущественно эволюцией освоения ресурсов углеводородного сырья. Видение перспектив данных территориальных образований позволяет максимизировать социально-экономические выгоды добычи нефти и газа. В настоящей работе проанализированы особенности функционирования базового сектора северного сырьевого региона. Предложены критерии и определены приоритетные направления развития регионального нефтегазового комплекса.

Нефтегазодобывающий регион, региональный нефтегазовый комплекс.

**Владимир Михайлович
КУРИКОВ**

доктор экономических наук, профессор Югорского государственного университета

VMKurikov56@mail.ru

**Татьяна Николаевна
БЕССОНОВА**

ст. преподаватель кафедры менеджмента Югорского государственного университета

T_Bessonova@ugrasu.ru

Значение нефтегазового комплекса в экономике России сложно переоценить. Он является гарантом энергетической безопасности страны. Более половины валютных поступлений обеспечивается экспортом углеводородного сырья. И в перспективе значение нефтегазового комплекса сохранится.

В регионах, где ведется добыча нефти, формируется региональный нефтегазовый комплекс, который представляет собой совокупность производств, процессов, материальных ресурсов, связанных с поиском, разведкой и добычей нефти и газа. Состав его участников всегда очень подвижен и зависит от динамики условий добычи,

а также от возраста освоения нефтегазовой провинции. Наиболее значимыми участниками регионального нефтегазового комплекса являются федеральный центр и субъект РФ, представляющий интересы проживающего населения, вертикально-интегрированные компании и субъекты малого и среднего бизнеса в нефтегазовом секторе. В настоящее время основная добыча нефти осуществляется в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах. На долю этих регионов в 2009 г. приходилось более 62% добытой в Российской Федерации нефти, включая газовый конденсат (табл. 1).

Основным нефтегазодобывающим регионом страны является Ханты-Мансийский автономный округ. За период освоения нефтегазовых ресурсов на его территории добыто более 9,5 млрд. т нефти.

По нашему мнению, Ханты-Мансийский автономный округ вступил в начальную фазу падающей добычи, которая характеризуется снижением объемов добычи углеводородного сырья и усложнением условий эксплуатации месторождений (табл. 2).

В структуре экономики региона удельный вес сектора «Добыча полезных ископаемых» очень высок и по основным показателям находится в диапазоне от 66 до 93% (табл. 3). Такая структура экономики позволяет получать больше доходов, но затрудняет сервисную модернизацию. По объёму инвестиций в основной капитал Ханты-Мансийский автономный округ является одним из лидеров в Российской Федерации. Регион имеет высокий интегральный инвестиционный рейтинг.

Таблица 1. Добыча нефти, включая газовый конденсат, по нефтедобывающим регионам

Территория	Показатель, млн. т			
	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2009 г.
Российская Федерация	546,8	516,2	323,5	494
Ненецкий автономный округ	0	1,2	4,5	18,7
Ханты-Мансийский автономный округ	304,9	306	180,9	268
	%			
Российская Федерация	100	100	100	100
Ханты-Мансийский автономный округ	55,8	59,3	55,9	54,3
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,5	11,5	9,9	8,2
Итого по субъектам	56,3	70,8	65,8	62,5

Таблица 2. Показатели разработки нефтяных месторождений ХМАО, 2007 – 2010 гг.

Показатели разработки	Ед. измерения	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Среднесуточная добыча нефти	тыс.т/сутки	762,8	758,5	741,3	728,7
Ввод в эксплуатацию новых скважин	шт.	3311	3488	3456	3762
Действующий нефтяной фонд	тыс. скважин	60,4	61,8	62,9	64,5
Неработающий нефтяной фонд	тыс. скважин	10,6	10,2	10,3	10,1

Таблица 3. Удельный вес сектора «Добыча полезных ископаемых» в экономике Ханты-Мансийского автономного округа, % [1]

Показатель	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
В структуре ВРП	72,0	69,6	66,4	–
В промышленном производстве	93	90	87	87
В инвестициях в основной капитал	68	71	70	72

Однако основные инвестиционные проекты преимущественно связаны с функционированием топливно-энергетического комплекса.

Инвестиционную ситуацию в регионе вряд ли можно считать благополучной. Более 70% инвестиций направляется только в один сектор региональной экономики – добычу полезных ископаемых, а развитие всех прочих секторов в значительной степени происходит за счет инвестиций из бюджета.

Тенденции развития региона позволяют сделать вывод о продолжении нефтяного сценария, когда инвестиционная привлекательность альтернативных (несырьевых) отраслей регионального хозяйства сохраняется на стабильно низком уровне.

Бюджет Ханты-Мансийского автономного округа характеризуется нестабильным состоянием. Помимо мировых рынков нефти, нестабильность вносят ежегодно изменяемые правила распределения ресурсных доходов между Центром и регионами, изменения самой природы ресурсных налогов.

Как считают эксперты, резкие изменения федерального регламента вносят большую нестабильность в бюджет региона, чем колебания мировых цен на нефть (рис. 1).

В 2010 г. в общем объеме налогов и сборов, собранных на территории Российской Федерации, доля Ханты-Мансийского автономного округа составила 13,7%. Основной объём поступлений налогов, сборов и иных платежей обеспечен налогом на добычу полезных ископаемых (71,9% от общего объема поступлений).

В структуре бюджета Ханты-Мансийского автономного округа налоговые поступления занимают почти 90%. В 2010 г. первое место в структуре налоговых доходов занимал налог на прибыль организаций – 36,5%. Увеличение цены на нефть с 60,74 доллара за баррель в 2009 г. до 78,05 доллара за баррель в 2010 г. повлекло за собой увеличение консолидированного бюджета Ханты-Мансийского автономного округа на 9241,7 млн. руб. Приведенные данные свидетельствуют об устойчивой зависимости экономики Ханты-Мансийского автономного округа от ситуации в нефтегазовом секторе.

Рисунок 1. Динамика добычи нефти и доходы консолидированного бюджета Ханты-Мансийского автономного округа за 2000 – 2010 гг. [2]

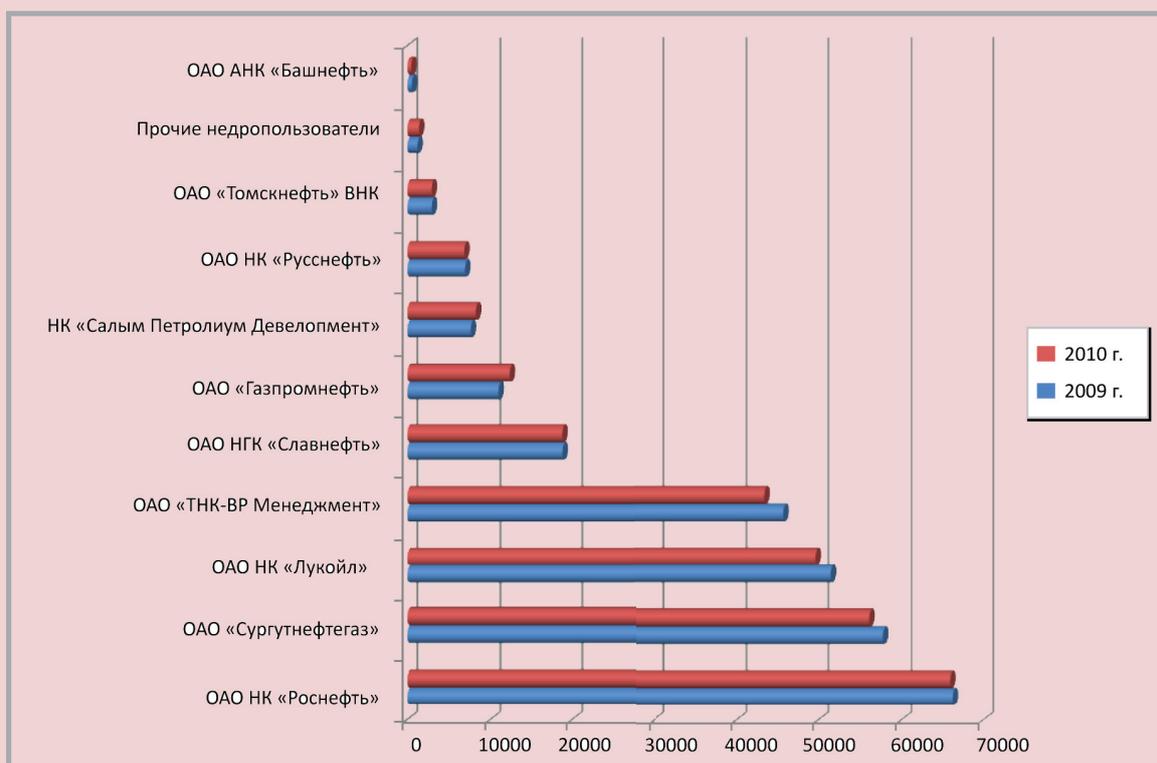
Сильными сторонами регионального нефтегазового комплекса является наличие глобально конкурентоспособных бизнес-структур – нефтегазовых компаний, обладающих высоким инвестиционным потенциалом, мощной и разветвленной нефте- и газотранспортной системой. В 2010 г. основной объём добычи нефти на территории Ханты-Мансийского автономного округа обеспечивали 10 вертикально-интегрированных нефтяных компаний, добыча по которым составила 99,5% от общей добычи нефти по региону (рис. 2). Однако положительную динамику добычи нефти показали только две: ОАО «Газпром нефть» (+1 357,4 тыс. тонн) и НК «Салым Петролеум Девелопмент Н.В.» (+619,6 тыс. тонн).

Слабые стороны связаны с существенным ухудшением свойств и структуры нефтяных активов, медленными темпами

модернизации ресурсных компаний и всей институциональной структуры нефтегазового комплекса. Большинство крупных и гигантских нефтяных месторождений региона находятся на стадии падающей добычи, 70% текущих запасов нефти относится к категории трудноизвлекаемых. Обводненность действующих скважин достигла 80% [4]. Темпы же внедрения инновационных технологий в разведочные и добычные работы крайне медленные.

Одним из важных показателей нефтегазового комплекса является состояние минерально-сырьевой базы. Максимальные объемы поисково-разведочного бурения в Ханты-Мансийском автономном округе (приблизительно 1500 тыс. м) были достигнуты в 1987 – 1988 гг. К 1994 г. произошло их резкое сокращение до 350 тыс. м. Введение налога на воспроизводство минерально-сырьевой базы позволило

Рисунок 2. Добыча нефти в разрезе нефтяных компаний на территории Ханты-Мансийского автономного округа, тыс. тонн [2]

восстановить геологоразведку региона и добиться прямого восполнения добычи запасами. В 2001 г. объем поисково-разведочного бурения составил примерно 1 млн. м. После отмены данного налога и передачи управления геологоразведочными работами на уровень федеральных органов произошло резкое сокращение бурения до 300 – 320 тыс. м в год. Для поддержания годовой добычи нефти на уровне 280 млн. т необходимо наращивание объемов геологоразведочных работ. По данным Научно-аналитического центра рационального недропользования НАЦ РН им. В.И. Шпильмана, для достижения стратегических показателей добычи сырья необходимо проводить 1,4 млн. м бурения. Ученые НАЦ РН им. В.И. Шпильмана оценивают период восстановления геологоразведки в 12 лет с доведением объёмов работ до 1,5 млн. м к 2020 г. [5]. В 2010 г. при добыче нефти 266 млн. т объём поисково-разведочного бурения на углеводородное сырье составил 300,1 тыс. м. Это почти в 2 раза меньше необходимого для достижения стратегических ориентиров.

Экономика нефтегазодобывающего региона является суперприродоемкой [6]. Ханты-Мансийский автономный округ занимает второе место (после Красноярского края) по выбросам загрязняющих веществ в атмосферу, в основном за счет сжигания нефтяного попутного газа. Процент его утилизации в 2010 г. составил 86,4%. Попутный газ нефтяных месторождений Ханты-Мансийского автономного округа отличается высоким содержанием тяжелых углеводородов и представляет собой ценнейшее сырье для газохимических производств.

Критерии выбора приоритетов регионального нефтегазового сектора Ханты-Мансийского автономного округа обусловлены актуальностью проблем и задач поддержания добычи нефти и газа на уровне 280 млн. тонн.

Следуя этой ориентации, к критериям выбора приоритетов необходимо отнести академические фундаментальные исследования в сфере нефтедобычи. Несмотря на увеличение объемов научно-исследовательских работ, касающихся технологий разработки месторождений, проводимых нефтяными компаниями, фундаментальных научных исследований недостаточно. В настоящее время невозможно создание инновационных технологий без изучения тонкой поровой структуры горной породы, определения гидродинамической и энергетической структуры начальных текущих запасов нефти, изучения взаимодействия горных пород с пластовыми флюидами, моделирования процессов фильтрации с использованием законов молекулярно-кинетической теории, использования возможностей различных физических полей для повышения эффективности разработки. Современные инновационные технологии предполагают газовое, водо- и термогазовое воздействие на продуктивные пласты, разработки в режиме пенной фильтрации флюидов, тепловые, биологические, дилатансионные, акустические, резонансно-волновые методы, закачку пропантов, поверхностно-активных веществ, полимеров и т.д. [7].

Специфика минерально-сырьевой базы Ханты-Мансийского автономного округа определяется также наличием месторождений нефти баженовской свиты. Особенностью этих слоев является высокая насыщенность высококачественной нефтью. В настоящее время отсутствует 100% эффективная методика добычи углеводородов из таких месторождений [8]. Необходима разработка новых технологий добычи нефти, в т.ч. из месторождений баженовской свиты.

Подобные идеи являются капиталоемкими, однако это важнейшие направления стабилизации добычи нефти в условиях ухудшения сырьевой базы, увеличения обводненности пластов, снижения дебитов скважин.

Соответственно, приоритетом должно стать использование технологий, позволяющих повысить коэффициент извлечения нефти на различных видах месторождений.

Приросты запасов за последние полтора десятилетия не обеспечивают устойчивого функционирования нефтяного комплекса. Необходимо повысить качество геолого-разведочных работ. В Советском Союзе геология была конкурентоспособной отраслью не только в стране, но и в мире. Начавшееся отставание накануне системного кризиса страны в 1990-х гг. было усугублено дальнейшим невниманием к отрасли на государственном уровне. В результате, при дальнейшем бездействии в геологоразведке, уровень добычи нефти будет снижаться. Поэтому к приоритетным направлениям необходимо отнести инновационные разработки именно в сфере геологоразведки.

Современная минерально-сырьевая база углеводородного сырья представлена преимущественно мелкими и мельчайшими месторождениями с извлекаемыми запасами менее 10 млн. тонн и сложными условиями разработки [9]. Для разработки таких месторождений необходимы крупные финансовые вложения и инновационные подходы.

Наиболее восприимчивы к инновационным решениям малые компании. Вместе с тем действующие правовые акты, законодательство о налогах и сборах не в полной мере учитывают специфику деятельности и особенности малых и средних компаний нефтегазового комплекса.

Институциональные факторы, препятствующие сокращению издержек в добыче нефти и газа, в основном связаны с несовершенством налогообложения и организационной структуры нефтегазового сектора, с недостаточным развитием рыночных отношений.

К этим факторам относятся:

- ◆ неадекватность системы налогообложения современным условиям функционирования нефтегазового сектора в регионе;

- ◆ низкий в целом уровень конкуренции в нефтегазовом секторе, что не создает постоянно действующих внутренних стимулов для сокращения издержек;

- ◆ недостаточный простор для деятельности независимых малых и средних компаний, характеризующихся высокой степенью мобильности, в том числе в сфере инноваций;

- ◆ неразвитость рынка производственно-технологических услуг, в результате чего отсутствуют объективные критерии для оценки эффективности выполнения многих видов работ в нефтегазовом секторе (бурение, ремонт скважин и оборудования, обустройство месторождений и проч.) [10].

В настоящее время институциональные факторы фактически оказывают сдерживающее влияние на развитие нефтегазового сектора в таком регионе, как Ханты-Мансийский автономный округ. Перспективы поддержания благоприятной динамики добычи нефти в регионе во многом связаны с возможностями сокращения всего комплекса издержек в нефтегазовом секторе, освоением новых месторождений с относительно невысокими качественными характеристиками запасов, продлением жизни старых, сильно истощённых месторождений и залежей, эксплуатация которых была прервана форсированной разработкой в предыдущие годы.

Решение данных задач требует создания в нефтегазовом секторе определенной институциональной среды, основанной на конкурентности, стимулирующей роли государства и партнерских отношениях между государством (в лице федерального центра и региона) и нефтегазовым бизнесом [11].

С учетом этапа освоения углеводородных ресурсов и качества минерально-сырьевой базы Ханты-Мансийского автономного округа нами предлагаются следующие приоритеты развития регионального нефтегазового комплекса по двум ключевым направлениям.

Первое направление связано с решением технологических проблем разработки небольших, сложных в геологическом отношении месторождений.

К приоритетным направлениям развития регионального нефтегазового сектора необходимо отнести:

- переход на наукоемкие производственные технологии нефтедобычи, позволяющие вводить в эксплуатацию как новые, так и ныне бездействующие скважины на выработанных месторождениях при значительном увеличении степени извлечения нефти;
- разработка технологий добычи нефти из месторождений баженовской свиты с последующей полномасштабной эксплуатацией данных месторождений;
- применение методов увеличения нефтеотдачи пластов (потоковыравнивающие технологии, бурение горизонтальных скважин и др.);
- использование максимально экологических технологий на всех этапах освоения месторождений.

Второе направление связано с необходимостью реформирования организационной структуры отрасли в пользу большей доли независимых малых и средних компаний. В качестве приоритетных мы рассматриваем следующие направления:

- ✓ формирование и развитие конкурентной среды, создание нормальных условий для деятельности независимых малых и средних компаний;
- ✓ развитие «премиум-сегмента» (геофизика, наклонное бурение);
- ✓ использование местных трудовых ресурсов при разработке месторождений региона.

Нефтегазовый сектор в моносырьевых регионах является основным источником дохода регионального бюджета, обеспечивает занятость населения, несет дополнительную социальную нагрузку. Достижение региональных стратегических целей и обеспечение социальных обязательств во многом зависит от эффективности функционирования регионального нефтегазового комплекса.

Следование предлагаемым приоритетным направлениям развития нефтегазового сектора Ханты-Мансийского автономного округа позволит стабилизировать добычу нефти и газа, что положительно скажется на формировании регионального бюджета и будет способствовать повышению качества жизни населения.

Литература

1. Российский статистический ежегодник. 2010 г.: стат. сб. / Росстат. — М., 2010. — 813 с.
2. Итоги социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. 2009 год. — Ханты-Мансийск, 2010. — 190 с.
3. Пространство, люди, экономика Югры. Социально-экономическая трансформация Ханты-Мансийского автономного округа / науч. ред. С.С. Артоболевский, О.Б. Глезер. — М.: Экономистъ, 2007. — 415 с.
4. Недропользование в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре в 2007 году / ГП ХМАО — Югры «Научно-аналитический центр рационального недропользования им. В.И. Шпильмана». — Екатеринбург: Издательский дом «ИздатНаукаСервис», 2008. — 182 с.

5. Шпильман, А.В. Энергетическая стратегия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2020 г. Обоснование целевых параметров нефтяной отрасли / А.В. Шпильман // Пути реализации нефтегазового и рудного потенциала Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Том 1 / под ред. В.И. Карасева, А.В. Шпильмана, В.А. Волкова. – Ханты-Мансийск, 2009. – С. 7-21.
6. Бессонова, Т.Н. Эколого-экономическая оценка воздействия нефтегазового комплекса на территорию Ханты-Мансийского автономного округа – Югры / Т.Н. Бессонова // Экономика региона. – 2008. – № 3(15). – С. 221-226.
7. Баскаев, К. Ставить ли крест на Западной Сибири? / К. Баскаев // Нефть России. – 2011. – № 2. – С. 41-43.
8. Шпильман, А.В. За 100 лет добудем еще 20 млрд тонн нефти / А.В. Шпильман // Новости Югры. – 2011. – № 181 (18411). – 24 нояб. – С. 8.
9. Шмат В.В., Севастьянова А.Е. Новая стратегия нефтегазовых территорий: экономика, информация, социум. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2006. – 192 с.
10. Югра – взгляд в будущее: обзор социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры / кол. авт. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 2006. – 384 с.

Проблемы и возможности непрерывного образования в области энергоэффективности и новой энергетики

В статье рассматривается широко используемое в развитых странах понятие непрерывного образования – LLL концепция (от англ. Life-Long Learning), причины для внедрения этой концепции в условиях современной России в области энергоэффективности и новой энергетики, преимущества, открывающиеся возможности и вызовы, возникающие в результате ее принятия. В исследовании использованы материалы зарубежных экспедиций 2010 – 2011 гг. Выполнена оценка законодательной и нормативной базы жилищной и энергосберегающей политики. Сделан вывод о возможности более широкого развития огромного национального потенциала в области новой энергетики и энергоэффективности за счёт внедрения концепции непрерывного образования.

Национальный потенциал, новая энергетика, непрерывное образование.

**Светлана Сергеевна
ТУИНОВА**

кандидат экономических наук, научный сотрудник ИЭП КНЦ РАН
touinova@iep.kolasc.net.ru

Концепция непрерывного образования (от англ. Life Long Learning Concept – LLL концепция) предполагает предоставление каждой личности возможности реализовать свой потенциал в любом возрасте, вне зависимости от места и времени и иных обстоятельств (на работе, в школе, в университете, в детском саду, дома и даже по пути с работы домой), используя все возможные каналы, способы и методы обучения [1]. Актуальность практической реализации LLL концепции в нашей стране в настоящий момент заявлена на государственном уровне [2], Правительство России в 2010 году признало, что непрерывность образования – основа жизненного успеха личности, благосостояния нации и конкурентоспособности страны.

В данной работе рассматривается LLL концепция в приложении к новой энергетике. Новая энергетика является широким понятием, включающим в себя то, что в разных источниках называют альтернативной, нетрадиционной энергетикой. Исследования в области новой энергетики охватывают не только проблемы создания и использования инновационных технологий по производству энергии, но и различные мероприятия по энергосбережению и энергоэффективности. То есть это новая, быстро изменяющаяся область научных знаний, которая лежит на стыке технических, экологических, экономических и политических наук. Так как новая энергетика является активно развивающимся сектором экономики в развитых странах,

выпускники этого направления в образовании востребованы на рынке труда. Широта понятия «новая энергетика» не позволяет в рамках данного текста оценить все возможности непрерывного образования для её развития. Основное внимание уделено организации такого образования в странах Северо-Западной Европы главным образом для развития энергосервисных услуг населению в жилищной сфере.

В процессе исследования автор задавалась вопросами: «Что представляет собой непрерывное образование в области энергоэффективности и новой энергетики (зарубежная схема LLL)? Что происходит с непрерывным образованием в России? Есть ли основания для применения новой энергетики в условиях Северо-Запада России? Каковы основные проблемы реализации государственной политики энергосбережения? Кто является выгодополучателем в случае внедрения непрерывного образования в сфере новой энергетики? Какие основные вызовы стоят на его пути? Какие преимущества имеют европейские инновационные системы образования в области новой энергетики? Какой фактический результат имеет практическое применение LLL на Западе (case study)? Какие дизайнерские разработки, успешные в области энергоэффективного домостроения и доступные на современном рынке энергетических услуг, используют инновационные образовательные системы? Каково влияние современной российской нормативной и законодательной базы? Где, когда и почему следует внедрять это образование (предложения по использованию)?»

В работе использованы материалы экспедиций 2010 и 2011 годов: Центр альтернативных технологий – САТ (Centre for Alternative Technology) – демонстрационный полигон; Повис, Северный Уэльс; энергокомпания «Органик Пауэр» (энерготехнология использования биогаза метана),

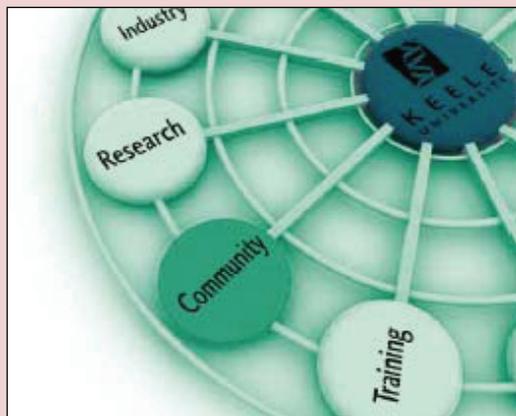
Сомерсет, Великобритания; энергосервисная компания (обслуживание населения), Стаффорд, Великобритания; котельная на биотопливе (теплоснабжение жилого района), Альта, Норвегия; университет города Кил, Англия. Характер деятельности перечисленных организаций очень различается, однако всех их объединяет то, что они связаны с новыми энергетическими технологиями, а также активно включены в образовательные процессы соответствующих учебных курсов университетских территориальных центров.

Формально на государственном уровне (как за рубежом, так и в России) LLL концепция проявляется в создании образовательных комплексов, охватывающих людей разного возраста. В конце 80-х годов в западных странах на правительственном уровне стали создавать LLL концепции [3]. Отечественный проект концепции непрерывного образования 2011 года использует аналогичные зарубежные термины. Однако российской экономической системе свойственно расхождение заявленных политических целей с самой политикой. Поэтому очень важно учитывать, в какую социально-экономическую среду и как будет внедрен заявленный Правительством РФ план мер по развитию механизмов непрерывного образования на период до 2015 г.

Структуру зарубежных образовательных комплексов можно представить в виде схемы (рис. 1), которой описан созданный в Килском университете «центр устойчивости» (The Keele Hub for Sustainability). Структурная организация и реальные объёмы финансирования непрерывного образования представлены в *таблице* на примере Великобритании.

В процессе непрерывного образования происходит активное взаимодействие между бизнесом, учеными, учителями и коммуной (то есть охватывается население региона в целом).

Рисунок 1. Схема центра устойчивости Килского университета (The Keele Hub for Sustainability)

Примечание. Keele University – Килский Университет; Industry – промышленность; Research – научные исследования; Community – местное сообщество; Training – обучение.

Источник: <http://www.keele.ac.uk/keelehub/>

Расходы на обеспечение образования в Великобритании, 2007 – 2008 гг.

Величина и структура расходов	Млрд. фунтов стерлингов	%
Прямые расходы госбюджета на формальное образование и обучение	12,90	23,51
Прямые расходы госбюджета на расширенные обучающие программы	1,20	2,19
Прямые расходы госбюджета на развитие государственного сектора занятости	7,70	14,03
Освобождение от налогов	3,70	6,74
Расходы на развитие персонала внутри коммерческих организаций	16,20	29,52
Расходы работающих не по найму на развитие собственного образования по своему бизнесу	3,90	7,11
Расходы местного сообщества и добровольные взносы в государственные программы	0,63	1,15
Затраты местного сообщества и добровольные взносы в развитие занятости	3,15	5,74
Расходы на обучение отдельных представителей	5,50	10,02
ВСЕГО	54,88	100,00

Источник: IFFL – Inquiry into the Future for Lifelong Learning.

На практике за рубежом непрерывное образование более широко распространено и выходит за рамки получения специальности для последующей работы. Люди местного сообщества лучше осознают себя и свои возможности, возникают новые положительные связи между людьми внутри местных сообществ, что делает более устойчивыми и сильными и людей, и сообщества [4].

Для широкого применения новой энергетики на Северо-Западе России, а значит, и LLL концепции есть существенные основания. Несмотря на северные географические условия, наша страна обладает огромным потенциалом для развития возобновляемой энергетики [5]. Образовательные системы, которые направлены на развитие энергосберегающих технологий в жилищном (особенно для новых домовостроений) и транспортном секторах, для биотопливной и приливной энергетики, представляются важными для региональной экономической политики в условиях Северо-Запада России, поскольку здесь имеется значительный потенциал для развития этих направлений.

На практике за рубежом непрерывное образование более широко распространено и выходит за рамки получения специальности для последующей работы. Люди местного сообщества лучше осознают себя и свои возможности, возникают новые положительные связи между людьми внутри местных сообществ, что делает более устойчивыми и сильными и людей, и сообщества [4].

Нельзя не сказать о стартовавшем в декабре 2010 г. проекте (00074315) ПРООН/ГЭФ и аппарата Полномочного представителя Президента Российской Федерации в СЗФО [6] «Энергоэффективность зданий на Северо-Западе России». Заявленная цель проекта – наращивание местного потенциала и демонстрация реализуемых на местном уровне решений для повышения энергоэффективности в сфере строительства и эксплуатационного содержания зданий.

В процессе реализации проекта планируется разработка и внедрение в практику учебных модулей по наращиванию потенциала и профессиональной подготовки, имеющих отношение к энергоэффективности, создание межрегионального центра профессионального развития и переподготовки кадров на базе одного из университетов в каждой из трех северо-западных областей России: Псковской, Вологодской и Архангельской – пилотных областей проекта. Итоги проекта будут подведены в декабре 2011 года.

Однако, рассматривая предпосылки LLL концепции для новой энергетики в России, невозможно не упомянуть основные проблемы реализации государственной политики энергосбережения. «Несмотря на возрастающую актуальность вопросов использования возобновляемых источников энергии в России, заинтересованность российских госструктур и бизнеса в зарубежном опыте по разработке и внедрению ВИЭ, усиливающееся желание иностранных производителей выходить на российский рынок со своими многочисленными предложениями, вскрывается неготовность российской законодательной базы к появлению такого непривычного для нашей страны понятия, как «возобновляемые источники энергии» [7]. Эта цитата с форума ENERGY FRESH 2011 обнажает гораздо больший ряд проблем, чем видится с первого взгляда.

С чем именно идут к нам западные производители? (Часто это продукция, которая стала запрещённой в родной стране.) Почему российские госструктуры и бизнес так заинтересованы во внедрении зарубежных разработок, а не в развитии отечественных?

Главным выгодополучателем в результате развития систем непрерывного образования для энергоэффективности и новой энергетики является государство, так как повышается его энергетическая безопасность [8], внутренняя социально-экономическая устойчивость за счёт увеличения человеческого капитала – национального потенциала страны. Стара истина о том, что «нет пророка в своем Отечестве», поэтому автор обращается к [9], где западные специалисты, политологи, экономисты замечают, что Россия (с 2000 г.) изначально стремилась переустановить и реконструировать свое величие (поднять престиж) на двух «опорах» – на военной и энергетической безопасности.

Западные наблюдатели [9] указывают ещё и на третью «опору» современной российской эпохи правления – «политический прагматизм», который порожден смесью цинизма, духа наживы и грубого материализма. Именно этот третий фактор российской политики, так называемый «политический прагматизм», и является самым главным препятствием на пути всяческой безопасности, в том числе и энергетической, а как следствие, основным вызовом при внедрении системы непрерывного образования.

Другой вызов на пути развития не только системы непрерывного образования, но и новой энергетики в целом проявляется в том, что существует мощное лобби со стороны представителей традиционной топливной энергетики, которые заинтересованы в выжимании максимальной прибыли из своих производственных мощностей, а не в их досрочном закрытии.

Вопросы же о закрытии, неоткрытии, непродлении сроков эксплуатации поднимаются в течение последнего десятилетия постоянно. Дополнительно «масла в этот огонь подлила» Фукусимская трагедия 2011 г.

Кроме того, наша цивилизация, как никогда прежде, жаждет энергии, что тоже заставляет фиксироваться на ископаемом топливе, это порождение мировых демографических перемен, роста населения земли и его энергетических appetitов, при этом элегантно решения просто не существует [10]. Понимание этого факта также обнаруживает очередной (однако не последний) вызов на пути новой энергетики и непрерывного образования в этой сфере.

Преимущества европейских инновационных систем образования в области новой энергетики проявляются в том, что это образовательное направление успешно конкурирует с другими, поскольку выпускники-специалисты востребованы на энергетических предприятиях малого бизнеса, оказывающих услуги населению по установке и обслуживанию объектов новой энергетики.

В настоящий момент практически во всех учебных центрах стран Северной Европы созданы специализированные курсы, деятельность которых направлена на подготовку кадров для частных энергетических предприятий, обслуживающих население. Причем это могут быть не только предприятия энергетического сектора (например, местная котельная на биотопливе, городская энергосервисная компания, заправочная станция для автомобилей на биотопливе и т.д.), но и строительные организации, поскольку происходит постоянное ужесточение требований к энергобалансу строящихся зданий.

Вместе с тем инновационная деятельность студентов и преподавателей специализированных курсов по подготовке специалистов для дальнейшей работы с объектами новой энергетики осуществляется в рамках научно-исследовательских проектов различных уровней и направлений. Созданы экспериментальные площадки, которые позволяют студентам совмещать диверсифицированные личностные интересы с вариантами высокотехнологичных новых энергетических производств.

Кроме того, инновационные системы образования создают программы, которые направлены на формирование функционально-управленческой структуры в условиях развития энергетического производства, на соответствующее обновление содержания, методического и ресурсного обеспечения образовательного курса. Преподаватели и студенты работают в режиме инноваций и поэтому заинтересованы в научно-исследовательской деятельности. Применяемые практические инженерно-образовательные и административные инструменты инновационной деятельности качественно и результативно изменяют образовательный процесс на этих курсах.

При этом инновационная деятельность образовательных систем формирует творческие группы и профессионально-методические программы, работающие в таких четырёх главных направлениях, как: идеологическое (включает в себя понимание эргономики, синергетики, современного рационализма, гуманизации как методик и приёмов обновления процесса понимания и принятия решения), технологическое (рассматривает инновационные технологии, требующие радикальных изменений в понимании новых конструкторских решений), организационное (занимается формированием управленческих структур, соответствующих требованиям непрерыв-

ного устойчивого развития) и экономическое (отрабатывает механизмы развития различных схем финансирования как конкретных практических проектов и оплаты труда специалистов, так и методического обеспечения и материально-технической базы образования).

Европейские инновационные системы образования в области новой энергетики непрерывно наращивают высокий творческий потенциал, работают в условиях постоянной диверсификации высокотехнологического энергетического производства, формируют условия для качественного развития профессиональных компетенций и креативных способностей обучающихся. Такие инновационные образовательные системы создают модель поведения, которая позволяет принимать решения с учётом изменения состояния и результатов работы, что обеспечивает устойчивое развитие как непосредственно образовательного курса, так и последующей трудовой деятельности выпускников.

То есть происходит очевидное сближение производственных и образовательных целей и их экономическая совместимость, что представляется существенно важным для самоопределения обновляющегося персонала нового, наукоёмкого, высокотехнологического энергетического производства и адаптации в изменяющемся социально-экономическом пространстве.

Говоря о фактическом результате практического применения LLL на Западе, можно привести пример (case study) установки солнечных панелей и улучшения теплоизоляционных свойств стен и крыши в перестроенном под жилое помещение бывшем хлеве (рис. 2). Хозяева (глубокие пенсионеры – муж и жена около 80 лет) на мой вопрос о том, почему они это сделали (сроки окупаемости примерно 10 лет), ответили так: когда они обратились по электронной почте за консультацией (что можно сделать в их доме) в энергосервисную компанию, к ним приехали и провели обследование (энергоаудит) их дома,

Рисунок 2. Пример фактического результата практического применения LLL

а через две недели по электронной почте они получили результат и рекомендации со стоимостью мероприятий и сроками окупаемости. Среди мероприятий была ещё установка теплового насоса и смена нагревателя (бойлера). Из предложенного перечня хозяева выбрали солнечные панели и утеплитель для стен и потолка.

Практическое действие концепции LLL в данном случае проявилось в британском жилом секторе прежде всего посредством доступности информации. Государство поощряет рекламу в сфере новой энергетики, создает экономические механизмы, которые позволяют простым обывателям получить исчерпывающую, позволяющую принимать решение информацию о возможных мероприятиях быстро и бесплатно.

Западный прагматизм помогает осознать, что парадигма непрерывного образования позволяет гибко менять профориентацию и профподготовку, поскольку при этом предложение быстро откликается на спрос на специалистов, которые нужны энергокомпаниям (бизнесу) и, следовательно, материальные, финансовые и интеллектуальные ресурсы используются более эффективно. В результате внедрения LLL концепции могут появляться и появляются новые специалисты новых специальностей, «обогащённые» новыми знаниями кадры традиционных специальностей, а также «продвинутые» потребители новых энергетических услуг — происходит размывание границ между базовым и небазовым образованием.

Надо отметить, что этот феномен размывания выразился при создании российской LLL концепции во введении новых терминов. Так, учреждение дополнительного профобразования стало именоваться «организацией непрерывного образования», за счёт чего расширили сферу дообразования новыми типами организаций, такими, например, как корпоративный

университет, а также новыми формами обучения, отнеся к ним, в частности, тренинги [11]. Для официального признания квалификаций, полученных с помощью неформального образования и спонтанного обучения, в России предполагают создавать центры сертификации, в которых будет подтверждаться соответствие знаний, навыков и компетенций работника квалификационным требованиям. Создание таких центров сертификации в российских условиях может оказаться очередной чиновничьей «кормушкой».

Что изучают участники непрерывного образования в сфере новой энергетики? Инновационные образовательные системы развитых стран используют успешные в области энергоэффективного домостроения дизайнерские разработки, доступные на современном рынке энергетических услуг [12]. Считается, что тепло солнечных лучей, дыхания и температурный градиент грунта могут обеспечить стабильную температуру внутри помещения при минимуме механических средств. В разработках проектов повышения энергоэффективности здания используют компьютерные трехмерные модели, которые демонстрируют, как изменяется приход солнечной энергии к зданию в зависимости от дневного и сезонного положения солнца, как влияют размещение окон и дверей, их типы, изоляционные свойства строительных материалов, эффективность систем теплоснабжения, вентилирования, освещения, а также климат вмещающего ландшафта. Такие модели помогают делать экономические оценки стоимости и сроков окупаемости энергосберегающих новшеств, оценивать экологический баланс эксплуатации здания. Система отопления и охлаждения здания предусматривает использование высокоэффективного оборудования, а также изоляции, качественных окон, естественной вентиляции и других подходов.

Нагрузка на подогрев воды снижается за счёт фиксированной подачи воды потребителю (души с кнопками, которые выдают порцию воды до следующего нажатия кнопки), вторичного использования сточной воды, применения нагрева воды солнцем и водонагревателями с высокими показателями энергоэффективности. Необходимая осветительная нагрузка в дневное время (до 100%) может быть обеспечена световодами, которые передают дневной свет в разные помещения (подвальные, например).

В ночное время целесообразно использование флюоресцентных и светодиодных ламп, которые не нагреваются. Разнообразные электрические нагрузки могут быть снижены за счёт использования современных электроприборов с энергоэффективной маркировкой и за счёт уменьшения фантомной нагрузки электроаппаратуры в режиме ожидания (когда горит красный индикатор в ожидании дистанционной команды с пульта управления).

Сейчас уже известно, что такая фантомная нагрузка составляет до 10% общего электропотребления в доме. Для некоторых зданий, например, чтобы снизить потери тепла, использовались технологии из прошлого. В зависимости от местного климата это либо покрытие жилья почвенным слоем с растительностью, либо суперизоляция стен с помощью прессованных соломенных блоков.

Используются также заранее специально смонтированные строительные элементы (стеновые панели, покрытия крыши, ландшафта). Утилизируется тепло, которое в обычных домах выбрасывается наружу. Например, вторично используются тепло вентиляционных каналов, горячая вода, комбинированная выработка тепла и электроэнергии, абсорбционные охладители (в отличие от компрессорных холодильников).

В случае индивидуального (отдельно стоящего) дома широко используют различные технологии микрогенерации для электро- и теплоснабжения — солнечные элементы, ветровые турбины, биотопливо и солнечные коллекторы (в соответствующее время года). Электрические сети помогают справиться с сезонными перепадами в потреблении, так как позволяют осуществлять экспорт электроэнергии в сеть при избытке и получение из сети при нехватке своей выработки.

Установлено, что эффективность в плане себестоимости и ресурсопользования растёт, если такие здания объединены на местном уровне в группы домов, районы, деревни и т.д. Потому что при этом виртуально происходит снижение потерь на передачу и распределение. Такие потери составляют примерно 7,2 — 7,4% от объёма переданной энергии. Топография местности влияет на возможные объёмы получения энергии: для того чтобы полностью отказаться от использования ископаемого топлива, необходимо, чтобы местоположение здания имело геотермальный ресурс, микрогидроресурс, солнечный ресурс и ветровой ресурс.

Комбинация двух стратегий — энергосбережения и получения энергии от возобновляемых источников — считается экологически наиболее приемлемым решением. Начиная с 1980 года разработки пассивных (энергосберегающих) домов продемонстрировали, что теплопотребление дома может быть снижено на 70 — 90% во многих местах размещения без активного наращивания производства энергии. Поведение жильцов различается по температуре внутри помещений, по освещённости, использованию горячей воды и пользованию различными бытовыми электроприборами и, соответственно, значительно влияет на количество потребляемой энергии. То есть понятие удобства широко варьируется.

Например, изучение однотипных домов в США с подобным набором жильцов показало огромные колебания по энергопотреблению — в некоторых случаях более чем в два раза.

Перечисленные успешные в области энергоэффективного домостроения дизайнерские разработки нельзя назвать доступными для массового потребителя в современной России. Тем не менее можно наблюдать появление значительного количества домостроений типа коттедж, таунхауз, они часто образуют поселения этих типов. Если у потребителя есть средства на приобретение или строительство такого жилья, то следует понимать, что эффективность энергобаланса выбранного типа недвижимости будет влиять не только на стоимость его содержания в период эксплуатации, но и на цену продажи.

Планируя для своего жилья энергосберегающее оборудование или подключение к новому энергоисточнику, важно знать, что за десятилетия развития этих технологий получены не только положительные результаты. На рынок, в частности на современный российский рынок услуг по энергоэффективности и энергосбережению, выбрасывается много некачественной продукции, которая попала под запрет в странах, где она впервые начала использоваться. Поэтому так важно активно использовать добротный, иногда проверенный веками отечественный опыт домостроения.

Чтобы понимать, каковы современные условия для предполагаемых участников процесса непрерывного образования в сфере новой энергетики в России, важно рассмотреть, что происходит с законодательной и нормативной базой в области жилищной и энергосберегающей политики, потому что они задают среду, в которой приходится осуществлять свою профессиональную деятельность выпущенным специалистам и существовать конечному

потребителю (которым каждый из нас является от рождения и до конца), в том числе и услуг непрерывного образования.

В июне 2007 года был принят Федеральный закон № 185-ФЗ «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства», действие которого продлено до 01.01.2013 года Федеральным законом № 441-ФЗ от 29.12.2010 [13]. Заявленными целями деятельности Фонда являются создание безопасных и благоприятных условий проживания граждан и стимулирование реформирования жилищно-коммунального хозяйства, формирования эффективных механизмов управления жилищным фондом, внедрения ресурсосберегающих технологий путём предоставления финансовой поддержки за счёт средств Фонда. Однако 185-й закон очень зарегулированный, сложно соблюсти все требуемые им условия, кроме того, деньги Фонда составляют очень незначительный процент от реальной российской потребности в средствах на заявленную цель.

В конце 2009 года был принят Федеральный закон № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности», а затем Распоряжение Правительства РФ № 1830-р (ред. от 22.04.2010) «Об утверждении плана мероприятий по энергосбережению и повышению энергетической эффективности в Российской Федерации». В декабре 2009 года Правительство РФ приняло Постановление № 1225 «О требованиях к региональным и муниципальным программам в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности», которое устанавливает перечень целевых показателей (без конкретных численных значений!) в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности; перечень и сроки выполнения мероприятий по энергосбережению и повышению энергетической эффективности.

Таким образом, закон № 261 лишь упоминает о необходимости введения показателей энергоэффективности, к сожалению, разработка показателей, как всегда, отложена – поручена правительству. А следовало бы чётко прописать в законе систему показателей (индикаторов), она могла бы стать тем мерилем, по которому общество уже сегодня могло бы объективно оценивать движение страны по «волнам» энергоэффективности [14].

В 2010 году вышел Указ Президента РФ от 13.05.2010 № 579 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности». А вслед за ним вышло Постановление Правительства РФ от 15.05.2010 № 340 «О порядке установления требований к программам в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности организаций, осуществляющих регулируемые виды деятельности» (вместе с «Правилами установления требований к программам в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности организаций, осуществляющих регулируемые виды деятельности»).

Проект «Энергоэффективный квартал» – это один из шести проектов по энергоэффективности и энергосбережению, утвержденных осенью 2009 года по итогам совместного заседания комиссии при Президенте РФ по модернизации и технологическому развитию экономики России и президиума Совета при Президенте РФ по науке, технологиям и образованию. В качестве пилотного проекта «Энергетический квартал» стартовал в 2010 году сразу в четырёх городах России: в Воркуте, Казани, Тюмени и Апатитах [15].

Опыт г. Апатиты показал, что этот проект работает главным образом в отношении объектов социальной сферы (школы, детские сады, другие муниципальные здания). Для жилых зданий это уже не «квартал», а точечные проекты для «избранных» домов, которые смогли (читай, которым помогли) удовлетворить условиям закона № 185. Таких домов очень мало, они заметно выделяются на фоне других, вызывают «недобрые» чувства остальных жителей. При близком знакомстве с практическим экономическим существованием этих домов (на примере дома по ул. Ленина, 14) становится понятно, что всё это даётся нелёгким трудом волонтеров-активистов из этих домов, сумевших объединить жителей, при этом, естественно, решающее значение имеют техническое состояние здания и финансовые возможности его обитателей.

Фактически пилотный проект «Энергоэффективный квартал» мог бы, в определенном смысле, стать отечественным аналогом западноевропейского непрерывного образования: заявлены те же цели, повышающие устойчивость местного сообщества, задействованы аналогичные агенты, происходит накопление знаний и опыта у населения в области энергоресурсосбережения. Однако опять по русской традиции возникает явный разрыв между тем, что хотели и что получили. Основная масса местного сообщества чувствует себя несправедливо обделённой, возникает зависть и другие отрицательные взаимоотношения; люди чувствуют себя не сильнее, а беспомощнее, а значит, местное сообщество не становится устойчивее благодаря рассмотренному государственному участию. Здесь можно продолжить анализировать достигнутые Апатитской пилотной площадкой результаты, возникающие схемы непрерывного образования и разрабатывать методики их использования. Но это тема другой, отдельной статьи.

Могут возникать пессимистические сомнения по поводу возможности с помощью LLL концепции на российской почве увеличить национальный потенциал, повысить энергетическую безопасность, поднять социальную справедливость. В защиту LLL концепции следует сказать, что непрерывное образование существует независимо и постоянно для каждого, кто в нем заинтересован, так же как постоянно действует правило «предупреждён – значит защищён».

Тот факт, что в результате непрерывного образования «по-российски» не появляется устойчивости местного сообщества, а, наоборот, звучат сигналы тревоги, которые стремительно разносятся интернет-форумами, заставляет еще раз обратиться с вниманием к западной LLL концепции, в которой государство продумывает свою роль таким образом, чтобы способствовать устойчивости своих местных сообществ, давать им чувство защищённости и справедливости.

Сравнивая нашу энергетическую политику в жилищном секторе с европейской, можно сказать, что принятая в ЕС в 2002 году Директива по энергетическим характеристикам зданий (Directive on the Energy Performance of Buildings – EPBD) разработала нормативы по следующим направлениям: энергетическая сертификация (маркировка) широкого диапазона бытовой техники; стандарты эффективности бытовой техники; характеристики эффективности котлов; мероприятия по ограничению выбросов CO₂ посредством повышения энергетической эффективности; энергетические характеристики зданий [16]. Однако не все так просто, ведь EPBD предлагает только общие рамки, в то время как основная работа по адаптации стандартов к специфическим климатическим, экономическим, культурным и техническим условиям остается за странами-членами ЕС.

Все они характеризуются разными уровнями готовности, им предстоит большой объём законодательной работы, и многие из них уже запросили продления срока реализации EPBD, который изначально был установлен на 2009 год. Из-за различий в подходах EPBD не была полномасштабно реализована в Европе к 2009 году. Большинство стран параллельно с реализацией EPBD пересматривают свою собственную энергетическую политику и определяют новые инициативы для поощрения использования возобновляемых источников энергии в зданиях, для разработки специальной сертификации экологически устойчивых зданий [17]. EPBD – один из первых и самых важных документов ЕС.

Таким образом, проведённый сравнительный анализ законодательной и нормативной базы в области жилищной и энергосберегающей политики выявляет весьма существенное неравенство условий для развития LLL концепции не в пользу России, поскольку политика РФ приводит к разрыву между страной и государством.

Одним из инструментов преодоления этого разрыва может стать современная LLL концепция, которая предусматривает положительную роль государства через предоставление налоговых льгот и других экономических свобод участникам непрерывного образования, к которым формально относятся занятые в базовом образовании и обучении, в расширенных обучающих программах, в государственном секторе занятости, а практически – местные сообщества страны в целом. Коммерческие организации, корпорации уже сейчас обеспечивают финансирование непрерывного образования своих кадров. Местные сообщества в лице региональных правительств и городских администраций могут содействовать и материально поддерживать непрерывное образование на своих территориях.

Следует поощрять и стимулировать участие добровольческого движения в непрерывном образовании.

В России вновь актуальны старые истины «спасение утопающих – дело рук самих утопающих» и «рыба гниёт с головы, но чистят ее с хвоста». Поэтому сегодня, сейчас, немедленно, повсеместно в России на уровне рядового потребителя важно непрерывное образование в области энергоэффективности и новой энергетики, чтобы население могло себя защитить перед наступлением цен на энергоносители. Тем самым не только увеличивается энергетическая безопасность, но и снимается социальная напряженность, вызванная обостренным чувством несправедливости и брошенности на произвол судьбы у значительной части населения.

Выпускники-специалисты образовательных программ могут работать в энергосервисных компаниях, предоставляющих соответствующие энергетические услуги. Другие получатели (свободные слушатели) программ непрерывного образования могут лучше понять, что из спектра имеющихся услуг они могут применить в своем домовладении. При этом необходимо формировать инновационные системы непрерывного образования для российских регионов с учетом лучших традиций отечественного образовательного опыта и опыта зарубежных стран, местных национальных особенностей, особой социальной значимости профессии энергетика.

Главная задача систем непрерывного образования в области энергоэффективности и новой энергетики – подготовка конкурентоспособных специалистов, которые могут удовлетворять интересы

действующих сторон соответствующих экономических отношений, а также адаптироваться в меняющемся социально-экономическом пространстве. Такое образование несомненно перспективно, потому что его развитие будет улучшать не только внутреннюю социально-экономическую ситуацию, но и престиж страны на международной арене; откроются новые возможности для международных обменных студенческих программ, привлечения зарубежных субсидий для развития новой энергетики в России и т.д.

Подводя итоги, назовем основные проблемы на пути LLL для новой энергетики в нашей стране: порождённый смесью цинизма, духа наживы и грубого материализма «политический прагматизм»; частое расхождение заявленных политических целей с самой политикой; неготовность российской законодательной базы к появлению новой энергетики. В связи с этим можно дать следующие предложения административным структурам по использованию LLL: развивать в средствах массовой информации государственную рекламу образования и качественных предложений в сфере новой энергетики; формировать позитивный имидж государства через предоставление налоговых льгот и других экономических свобод в секторе новой энергетики; поощрять и стимулировать участие добровольческого движения в непрерывном образовании. Следует заметить, что выполненная работа не претендует на исключительность и завершённость, это всего лишь одна из многих попыток рассмотреть широкий спектр проблем, сопровождающих государственный проект концепции непрерывного образования.

Литература

1. Официальный сайт НП «Научно-консультационный центр» «Обучение в течение всей жизни». – Режим доступа: <http://www.lll-c.com/lllconcept/>

2. Давыденко, Т.М. О проекте концепции непрерывного образования [Электронный ресурс] (Министерство образования и науки Российской Федерации. 22 февраля 2011 г.) / Т.М. Давыденко. – Режим доступа: <http://mon.gov.ru/files/materials/8282/11.02.22-neprer-davydenko.pdf>
3. John McFall. Executive Summary. LifeLong Learning – A New Learning Culture for All. Ministry for Education and Training in Northern Ireland, 1998. – P. 57 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.delni.gov.uk/acfb7f.pdf>
4. Tom Schuller, David Watson. The Main Report of the Inquiry into the Future for Lifelong Learning, 2009. (ISBN: 978 1 862001430 6) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://shop.niace.org.uk/media/catalog/product/f/i/file_3_24.pdf
5. Tuinova S. Energy Security as part of Ecological Security and renewable energy prospects in North-West Russia as an instrument of Climate Change withstanding // Material of Jokkmokk winter conference 2010 «Changing Climates: the new political and enironmental reality for Northern Communities» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.winterconference.se/ext/templates/extDepartmentPage.aspx?id=7495>
6. Повышение энергоэффективности зданий на Северо-Западе России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://energосber.info/articles/energy-solutions/71871/> и <http://www.rosenergo.gov.ru/>
7. Итоги главного события 2011 года, посвященного возобновляемым источникам энергии и энергосберегающим технологиям. Центральный международный форум ENERGY FRESH 2011, 28 – 29 сентября, Москва (опубликовано 04.10.2011) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.energy-fresh.ru/solarenergy/tendencii/?id=1983>
8. Котомин, А.Б. Проблемы и пути обеспечения энергетической безопасности северных регионов России в кризисный период / А.Б. Котомин // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения – 2010: материалы V Межд. науч.-практ. конференции, г. Апатиты, апрель 2010 г. – Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2010. – 167 с. (С. 35-40).
9. Russian Energy Security and Foreign Policy. Edited by Adrian Dellekler and Thomas Gomart. Routledge/GARNET Series: Europe in the World – Taylor and Francis Group. London and New-York, 2011. – 253 p.
10. Craig Shields, Renewable Energy – Facts and Fantasies. Copiright.2010 by 2GreenEnergy. Published by Clean Energy Press, 2010. – 314 p.
11. Муравьёва, М. Организация науки: реформа образования. От обучения на всю жизнь – к обучению через всю жизнь [Электронный ресурс] / М. Муравьёва. STRF.ru. 25.12.08. – Режим доступа: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=17229
12. Туинова, С.С. Энергоэффективное домостроение (материалы научного семинара ИЭП КНЦ РАН, ноябрь 2010 г.): аналитическая записка по запросу Администрации г. Апатиты от 17.12.2010. [Электронный ресурс]. – Правовая система Консультант плюс.
14. Кузник, И.В. О государстве, нормативах и показателях энергоэффективности [Электронный ресурс] / И.В. Кузник. – Режим доступа: <http://portal-energo.ru/articles/details/id/385>
15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.apatity-city.ru/effective_quarter/
16. Energy Performace of Buildings Directive (EPBD). Официальный сайт «Директива по энергетическим характеристикам зданий» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.epbd-ca.org/>
17. Аллард, Ф. Политика Европы в области повышения энергетической эффективности зданий [Электронный ресурс] / Ф. Аллард, О. Сеппанен // Энергосбережение. – 2008. – № 6. – Режим доступа: <http://www.rf-energy.ru/articles/energy-solutions/62784/>

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

УДК 336.143

© Аветисян И.А.

Бюджетный процесс как инструмент управления государственными и муниципальными финансами

В статье показано, что именно в ходе организации бюджетного процесса выявляются возможные пути совершенствования управления государственными и муниципальными финансами, поскольку этот процесс пронизывает все сферы финансово-бюджетной деятельности государственных и муниципальных органов власти. Автор подчеркивает, что на бюджетный процесс существенно влияют изменения в экономической, социальной и финансовой политике государства на том или ином конкретном этапе развития страны. Особое внимание уделено определению места и роли местных бюджетов в бюджетной системе страны. Рассматриваются новые методы бюджетного планирования и прогнозирования.

Сущность бюджетного федерализма, формы и инструменты его реализации; модернизация бюджетного федерализма.

**Ишхан Арташович
АВETИCЯН**

доктор экономических наук, профессор Вологодского государственного технического университета, заслуженный работник высшей школы РФ

В условиях глобализации мировой экономики эффективное управление государственными и муниципальными финансами приобретает фундаментальное значение для всех стран с точки зрения обеспечения устойчивости национальных бюджетных систем, финансовой безопасности и устойчивого экономического роста. В связи с этим бюджетный процесс представляет собой ту ось, вокруг которой вращается система управления государственными и муниципальными финансами.

Именно этим и обусловлен весьма многогранный и многоаспектный характер содержания бюджетного процесса. Теоретической и методологической основой его организации при этом служат научные концепции об общественных финансах, в частности о государственных и муниципальных финансах, ведущим звеном которых является бюджетная система данной страны. Последняя, в свою очередь, функционирует как главная финансовая база деятельности государственных и

муниципальных органов власти в сферах экономического и социального развития общества. В ходе организации бюджетного процесса выявляются возможные пути совершенствования управления всей бюджетной системой страны с помощью новых подходов и методов, базирующихся на системе современных теоретических, методологических концепций развития государственных и муниципальных финансов. Применительно к России, например, современный этап перехода к новому качеству роста экономики – модернизации и инновационному росту с фактическим началом активной государственной политики в области структурных экономических реформ (диверсификации экономики) – предъявляет новые прогрессивные подходы к организации бюджетного процесса, соответственно и к управлению государственной и муниципальной финансовой системой страны.

Бюджетный процесс – это совокупность следующих друг за другом этапов (стадий) формирования и исполнения

бюджетов, начиная с составления их проектов и заканчивая утверждением отчетов об их исполнении, подчиненных целям создания централизованных фондов денежных средств (государственных, муниципальных бюджетов и бюджетов государственных внебюджетных фондов) и их использования для финансового обеспечения функций и задач государства и органов местного самоуправления. В соответствии с Бюджетным кодексом РФ (ст. 6) бюджетный процесс – регламентируемая законодательством Российской Федерации деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления и других участников бюджетного процесса по составлению и рассмотрению проектов бюджетов, утверждению и исполнению бюджетов, контролю за их исполнением, осуществлению бюджетного учета, составлению, внешней проверке, рассмотрению и утверждению бюджетной отчетности.

Общая структура бюджетного процесса в РФ и механизмы его организации представлены в виде схемы (рисунк).

Каждая стадия бюджетного процесса имеет свое назначение, и все они должны быть последовательно соблюдены в обозначенные законодательством сроки. Бюджетный процесс от начала составления проектов бюджетов до утверждения отчетов об их исполнении может длиться более трех лет. Этот период называется *бюджетным циклом*. Практикуется также понятие *бюджетного года*, означающего время, в течение которого исполняется конкретный бюджет. Здесь теоретически возможны сроки от одного дня до нескольких лет. Известны месячные, квартальные, полугодовые, девятимесячные, годовые, трехлетние, пятилетние бюджеты и т.д.

Однако на практике в наибольшей степени распространен годовой бюджет государства, когда бюджетный год составляет 12 месяцев. Причём начинаться этот период может с любого числа любого месяца. Так, в США бюджетный год длится с 1 октября по 30 сентября следующего года, в Японии, Канаде – с 1 апреля по 31 марта, в Швеции, Норвегии – с 1 июля по 30 сентября следующего года и т.д. В России бюджетный год приравнен к календарному, т.е. длится с 1 января по 31 декабря.

Бюджетный процесс в любой стране подразумевает определенный порядок и последовательность вступления в бюджетные отношения различных субъектов, являющихся участниками этого процесса, согласно их функциональному назначению и задачам, а также полномочиям, закреплённым за ними бюджетным законодательством.

Основные задачи организации бюджетного процесса:

- выявление финансовых и материальных резервов в масштабе страны;
- определение общего объема доходов бюджетов и размеров их отдельных источников в соответствии с прогнозом социально-экономического развития страны;

- установление общего объема расходов бюджетов и их направлений исходя из потребностей финансирования государственных социально-экономических программ и мероприятий;

- согласование показателей доходов и расходов бюджетов с общей программой макроэкономической и финансовой стабилизации страны;

- сокращение и ликвидация бюджетного дефицита;

- регулирование межбюджетных отношений в целях обеспечения сбалансированности всех видов бюджетов;

- повышение научного уровня бюджетного планирования и прогнозирования;

- усиление контроля за расходованием бюджетных средств для достижения их высокой результативности;

- повышение эффективности управления системой государственных и муниципальных финансов страны.

Из определения содержания бюджетного процесса в РФ вытекает, что он регламентируется законодательством. В связи с этим следует особо отметить, что во всех странах мира общие правовые основы организации бюджетного процесса закреплены прежде всего в их конституциях, где определены главные участники этого процесса (парламент, президент, правительство, министерство финансов) и их основные полномочия.

Кроме того, бюджетный процесс регламентируют специальные законодательные и правовые нормативные акты: например, в РФ – Бюджетное послание Президента, Бюджетный кодекс, соответствующие федеральные законы, правовые акты местного самоуправления и др.

Нормы бюджетного права – это установленные и охраняемые государством правила поведения участников бюджетного процесса, выраженные в их полномочиях (юридических правах и обязанностях).

Данные нормы в зависимости от их характера с определённой условностью можно подразделять на материальные и процессуальные. *Материальные нормы бюджетного права* устанавливают: бюджетное устройство и бюджетную систему; состав её доходов и направления расходов; полномочия участников бюджетного процесса в отношении получения доходов и финансирования расходов бюджетов и др. Материальные нормы составляют основу бюджетного права в области организации бюджетного процесса. Что касается *процессуальных норм бюджетного права*, то они выполняют подчиненную, служебную роль по отношению к материальным нормам. Однако это не умаляет их практического значения, поскольку они обеспечивают правильное применение материальных норм в организации бюджетного процесса в стране.

Отличительной особенностью процессуальных норм бюджетного права является их процедурный характер и распространение на все стадии организации бюджетного процесса. Кроме того, эти нормы играют важную роль, например, в чёткой регламентации процедуры разрешения разногласий, возникающих между законодательными (представительными) и исполнительными органами власти при рассмотрении и утверждении проектов бюджетов (формирование согласительных комиссий из представителей парламентов и правительств), и в решении других процедурных вопросов.

Бюджетный процесс в разных странах мира, как показывает опыт его организации, имеет как общие черты, так и специфические особенности. Последние предопределены различиями в формах правления (президентская, парламентская и др.) и государственного устройства (унитарное, федеративное, конфедеративное государство), соответственно и различиями

в бюджетном устройстве и бюджетной системе. Так, для федеративных государств характерно единство бюджетного процесса и одновременно его децентрализация. Единство бюджетного процесса при этом определяется общностью принципов конституционно-законодательной базы его организации.

Важнейшим принципом организации бюджетного процесса, общим для всех стран независимо от разновидности организационной схемы, является обязательность утверждения парламентом или другим законодательным органом всех доходов и расходов соответственно государственного и муниципальных бюджетов. Законодательные нормы многих стран при этом обеспечивают единство и сбалансированность бюджетных доходов и расходов, включение их в бюджеты в полном объеме.

Вместе с тем, как отмечалось, бюджетный год, составляющий во всех странах 12 месяцев, может начинаться с любого числа месяца и совпадать или не совпадать с календарным годом. Кроме того, в некоторых странах (ФРГ, РФ и др.) государственный бюджет, как правило, утверждается в форме *единого законодательного акта*. А в таких странах, как США, Великобритания, Канада, доходная и расходная части указанного бюджета разрабатываются и утверждаются как *отдельные законодательные акты*.

В странах с президентской формой правления, включая РФ, приоритет в организации бюджетного процесса принадлежит президенту, который выступает со своим ежегодным Бюджетным посланием. Принятые законы о бюджетах подлежат *промульгации* (подписанию) президентом. В некоторых странах (например, в ФРГ) предусмотрена процедура *контрассигнации*, которая предусматривает промульгацию закона о бюджете, после чего этот закон публикуется в официальном издании.

Наконец, президент имеет право *на отлагательное вето*, применение которого влечет за собой возврат бюджетов на повторное рассмотрение и утверждение в парламенте.

Одной из ключевых процедурных норм организации бюджетного процесса является бюджетная инициатива. В соответствии с законодательством право *бюджетной инициативы* принадлежит высшему органу исполнительной власти – правительству (Великобритания, ФРГ и др.) или президенту (США, Франция, РФ и др.). Ни в одной стране *парламент* не имеет такого права: его функция – вносить поправки и утверждать законопроекты о бюджетах, предлагаемые правительством.

В подавляющем большинстве западно-европейских стран бюджетный процесс начинается в центральных министерствах за 11 – 13 месяцев до наступления бюджетного года. Это значит, что, если бюджетный

год совпадает с календарным, бюджетный процесс начинается не раньше декабря года $t - 1$ и не позже февраля года t . Проект бюджета на год $t + 1$ представляется в парламент за 3 – 4 месяца до наступления нового бюджетного года, т.е. не раньше начала сентября и не позднее начала октября. Таким образом, правительство, как правило, тратит на формирование проектов бюджетов 8 – 9 месяцев.

В странах Западной Европы, где бюджетный год совпадает с календарным, график работы правительства над проектом бюджета в сильно упрощенном виде выглядит следующим образом (*табл. 1*).

В РФ бюджетный процесс начинается за 10 месяцев до очередного финансового (бюджетного) года. В соответствии с Бюджетным кодексом РФ бюджетный процесс протекает по следующему приблизительно графику (*табл. 2*).

Таблица 1. Упрощенная схема бюджетного процесса по месяцам года в странах ОЭСР

Январь	Министерство финансов сообщает график работы, формальные указания, макроэкономические предпосылки
Февраль	Министерство финансов указывает бюджетно-политические цели и ограничения
Март	Правительство рассматривает приоритеты между различными областями расходов
Апрель	Отраслевые министерства формируют детализированные предложения по бюджету
Май	Детализированные предложения передаются в министерство финансов
Июнь	Министерство финансов рассматривает предложения
Июль	Переговоры между министерством финансов и отраслевыми министерствами
Август	Договоренность внутри правительства по проекту бюджета
Сентябрь	Проект бюджета представляется парламенту

Источник: Бюджетный процесс как инструмент эффективного управления. Правительственная концепция. – Стокгольм, 2005. – С. 48.

Таблица 2. Бюджетный процесс в России по месяцам года

Январь	Определение макроэкономических предпосылок
Февраль	Предложения Министерства финансов РФ по основным показателям федерального бюджета (совокупные доходы, распределение расходов в общих чертах и дефицит/профицит)
Март	Бюджетное послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ (парламенту)
Апрель	Правительство РФ принимает основные показатели проекта федерального бюджета (доходы, распределение расходов по функциональному назначению и сальдо)
Май	Распределение расходов внутри функционального деления по бюджетополучателям и на категории расходов
Июнь – июль	Преодоление разногласий между отраслевыми министерствами и Министерством финансов РФ, формирование детализированного проекта федерального бюджета по главным администраторам доходов, по главным распорядителям расходов
Август – сентябрь	Окончательное оформление законопроекта о федеральном бюджете в Правительстве РФ
Октябрь	Представление Правительством РФ законопроекта о федеральном бюджете в Государственную Думу для рассмотрения и утверждения

Формирование бюджетов начинается с составления их проектов. Во всех странах, согласно законодательству, *составление проектов бюджетов как первоначальная стадия бюджетного процесса* — исключительная прерогатива исполнительного органа власти, т.е. правительства. Организация и технология этой работы в разных странах имеют много общего, и прежде всего общность состоит в децентрализованности подготовки проектов бюджетов. В ней участвуют все министерства и ведомства, которые разрабатывают свои финансовые планы и сметы доходов и расходов. При этом министерства и ведомства получают от министерства финансов контрольные цифры возможных бюджетных ассигнований, внутри каждого из них в эту деятельность вовлекаются различные подразделения, а их предложения в конечном счете обобщаются министром или руководителем ведомства. В свою очередь, бюджетные заявки с конкретными предложениями министерств и ведомств агрегируются министерством финансов.

Традиционный бюджетный процесс означает, что его участники (министерства, ведомства и другие участники) испрашивают, а скорее требуют столько же средств на очередной год, что и в текущем бюджетном году плюс еще поправка на рост цен и зарплат (в зависимости от уровня инфляции). Естественно, испрашиваются и дополнительные средства на очередной финансовый бюджетный (год) и плановый период (в условиях составления трехлетнего бюджета) по новым видам деятельности. Часто бывает, что участники бюджетного процесса представляют списки пожеланий о получении дополнительных средств. Такой порядок организации бюджетного процесса порождает давление снизу на министерство финансов в его бюджетной работе в части составления проектов бюджетов, и указанный процесс становится *расходно-ориентированным*.

Опыт значительного числа стран мира показывает, что при этой модели формирования бюджетов министерству финансов и правительству трудно долго противостоять такому давлению. Бюджетный процесс, в котором инициатива принадлежит бюджетополучателям и их министерствам (участникам бюджетного процесса), приводит к быстрому росту бюджетных расходов и налогового бремени, которые, в свою очередь, ведут к большому дефициту бюджета и нестабильности в перспективе развития государственных финансов. В расходно-ориентированном бюджетном процессе решения по отдельным деталям бюджета идут от части к целому. Такой бюджетный процесс обычно называется *моделью формирования бюджета «снизу вверх»*.

Учитывая негативный опыт традиционного бюджетного процесса, многие западные страны в последние годы ввели новый порядок формирования госбюджета. Они реформировали бюджетный процесс и вместо движения «снизу вверх» *формируют бюджет «сверху вниз»*. Это означает, что правительство начинает организовывать бюджетный процесс, в частности составление проектов бюджета, с определения бюджетно-политических целей или ограничений, таких как потребности в заимствованиях, уровень налогов, уровень инфляции, уровень расходов и т.д.

Так, в Швеции с середины 90-х годов XX века бюджетный процесс имеет ярко выраженные черты движения «сверху вниз». Шведское правительство, как, впрочем, и парламент, руководствуется ограничениями, рассчитанными на несколько лет и касающимися как финансовой экономики (сальдо), так и совокупных расходов государства. Такая модель организации бюджетного процесса повышает роль государственного регулирования в оздоровлении государственных финансов особенно в кризисных ситуациях, поскольку она

помогает удерживать государственные расходы в разумных рамках, способствует устойчивому развитию национальной экономики и обеспечивает своевременное поступление доходов в бюджет.

Необходимо отметить, что модель формирования бюджетов «снизу вверх» по идее больше подходит к федеративным государствам. Например, в соответствии с Бюджетным кодексом РФ бюджетная система страны является трехуровневой (федеральный бюджет, региональные бюджеты и местные бюджеты), при этом все уровни самостоятельные, т.е. нижестоящие бюджеты не входят в вышестоящие бюджеты. Это означает, что региональные органы государственной власти и органы местного самоуправления сами формируют и исполняют свои бюджеты.

Вместе с тем для составления федерального бюджета требуется, чтобы один из экземпляров проектов регионального и консолидированного бюджетов в обязательном порядке представлялся регионами в Министерство финансов РФ, т.е. в бюджетном процессе применяется, казалось бы, ярко выраженная модель «снизу вверх».

Однако на самом деле её применение в РФ носит формальный характер, поскольку региональные бюджеты (бюджеты субъектов РФ) формируются в недрах Министерства финансов РФ, а местные бюджеты – в недрах финансовых органов субъектов РФ. Именно в Министерстве финансов происходит определение аккумулированной субъектами доходной части своих бюджетов, осуществляемых ими расходов из этих бюджетов, финансовых взаимоотношений между федеральным бюджетом и бюджетами субъектов РФ и т.д. Фактически бюджеты формируются по модели «сверху вниз», в результате чего налицо финансовая зависимость нижестоящих органов власти от вышестоящих органов.

В связи с вышеизложенным следует особо подчеркнуть, что ни одно правительство не может игнорировать целое (макроуровень), принимая решения по деталям формирования бюджетов, соответственно и не может утвердить бюджетно-политические ограничения, не убедившись, что в рамках этих ограничений можно будет производить самые необходимые расходы. Это означает, что ни в одной стране не применяются модели бюджетного процесса «снизу вверх» или «сверху вниз» в чистом виде. Чтобы бюджетный процесс в целом мог выжить в политической среде, два подхода (две модели) к формированию бюджетов должны сойтись в некой компромиссной точке.

Формирование бюджетов не заканчивается только составлением их проектов. Оно получает свое логичное продолжение на второй стадии бюджетного процесса – *стадии рассмотрения и утверждения проектов бюджетов*, на которой после долгого детального обсуждения принимаются специальные законы (решения) об утверждении бюджетов на очередной финансовый (бюджетный) год и на среднесрочную перспективу.

Согласно законодательству рассмотрение и утверждение проектов бюджетов – исключительно прерогатива законодательных (представительных) органов власти, т.е. парламентов. Принятие парламентами законов (решений) об утверждении бюджетов придает им силу юридического закона, т.е. они становятся обязательными для исполнения в строгом соответствии с принятыми законами (решениями). Во всех странах мира необходимость рассмотрения и утверждения бюджетов проектов обусловлена тем, что первоначальная стадия бюджетного процесса, т.е. составление проектов бюджетов, лишь в небольшой степени означает, что фактически принимаются решения о том, каковы будут

доходы и расходы бюджетов и что результат их исполнения будет именно таким. Большую часть доходов бюджетов, например налоговых поступлений, при составлении проектов невозможно точно определить заранее. Можно принять решение о правилах налогообложения и ставках различных налогов, но налоговая база, к которой они будут применяться, определяется в основном общественно-экономическим развитием, носящим, в свою очередь, многофакторный характер. То же самое, хотя и в меньшей степени, касается расходов бюджетов. Для расходов бюджетов, определяемых правилами предоставления средств, в частности трансфертов частным лицам, действует тот же принцип, что и для налогов: можно определить размер субсидий и условия их получения, но точное количество граждан, имеющих право на получение субсидий, трудно определить заранее, т.е. при составлении проектов бюджетов.

Ответы на вышеуказанные и другие вопросы при формировании бюджетов должны быть получены по мере возможности именно на стадии рассмотрения и утверждения их проектов. Кроме того, в ходе обсуждения проектов бюджетов в них вносятся многочисленные изменения и поправки, в результате чего уточняются некоторые параметры. Для окончательного решения этих вопросов, например в РФ, рассмотрение и утверждение федерального законопроекта о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период проходит в *трех чтениях*, процедуры и предметы ведения которых регламентированы Бюджетным кодексом РФ (ст. 199, 205, 206). Все это говорит о том, что конечная цель рассмотрения и утверждения проектов бюджетов — формирование реалистичных и хорошо структурированных бюджетов, исполнение которых представляется наиболее реальным и результативным.

Не будет преувеличением сказать, что на стадиях составления, рассмотрения и утверждения проектов бюджетов закладывается прочный фундамент политической и экономической жизни большинства стран мира. В условиях рыночной экономики ни одно отдельно взятое решение государства и ни одно политическое лицо не может повлиять на национальную экономику в той степени, как правительственный проект бюджета и решение о нем. Поэтому вопросы формирования бюджетов неизбежно вызывают большой интерес со стороны общественности, средств массовой информации, управленческого аппарата, финансовых рынков, предприятий, организаций и, само собой разумеется, со стороны политических партий и их избранных представителей в парламенте, принимающих решения о бюджете.

Не трудно заметить, что составление проектов бюджетов и их рассмотрение и утверждение служат отправными точками организации бюджетного процесса и необходимы для практической реализации важных решений относительно определения объема, размера, распределения и использования государственных бюджетных ресурсов. Вот почему последующая стадия организации бюджетного процесса — *стадия исполнения бюджетов* — имеет весьма конкретное и важное народнохозяйственное значение, предусматривая обеспечение полного и своевременного поступления всех запланированных доходов и бесперебойного финансирования бюджетных расходов.

Хорошо функционирующая система исполнения бюджетов призвана установить необходимый баланс между контролем и степенью свободы совершенствования доходно-расходных операций. Наряду с обеспечением результатов, максимально приближенных к экономическим и политическим приоритетам государства, надежность и безопасность в

работе с государственными и финансовыми ресурсами должна обеспечить именно стадия исполнения бюджетов.

Исполнение бюджетов, завершающая стадия бюджетного процесса, в разных странах мира определяется комплексом национальных, исторических, экономических и политических факторов, включающих в себя:

- историю и традиции государственного управления;
- организационную структуру правительства каждой страны;
- бюджетную и управленческую философию, в частности проводимый органами власти данной страны экономический и политический курс;
- функциональность, эффективность и развитие связанных функций государственного управления (таких, как системы внутреннего управленческого контроля или системы внешнего контроля);
- виды проблем, с которыми пытается бороться правительство данной страны (коррупция, низкая эффективность управления, ошибки в платежах доходов и финансировании расходов бюджетов);
- развитие в экономике связанных функций, таких как телекоммуникационная система, банковская система страны и др.

В России установлена казначейская система исполнения бюджетов. Основная роль в процессе их исполнения принадлежит Федеральному казначейству, которое обеспечивает соблюдение принципа *единства кассы*. Это зачисление всех поступающих доходов и поступлений из источников финансирования дефицита на единый счет бюджетов и осуществление всех предусмотренных расходов с этого счета бюджетов. Осуществление бюджетных операций через счета Казначейства позволяет обеспечить полный учет и контроль каждого этапа исполнения доходов и расходов бюджетов.

Важную роль в организации исполнения бюджетов играют законодательная база и установленные соответствующие механизмы. Законодательная база, регламентирующая исполнение бюджетов и зачастую имеющая сложный характер, состоит из ряда различных уровней. В некоторых странах национальная конституция содержит положения, регламентирующие общие аспекты исполнения бюджетов.

Например, в Конституции США содержится положение, запрещающее в процессе исполнения бюджетов расходование бюджетных средств вне утвержденных законом ассигнований (раздел 9, ст. 1). Точно так же в Конституции Австралии содержится положение, согласно которому все доходы бюджета помещаются в единый денежный фонд государства (раздел 83, ст. 81).

В Конституции РФ содержится положение, согласно которому Правительство РФ разрабатывает и представляет на утверждение Государственной Думы проект федерального бюджета, а затем обеспечивает его исполнение (ст. 114, глава 6). В дополнение к таким конституционным положениям обычной практикой является принятие дополнительных специальных законов и ряда подзаконных правовых нормативных актов, регулирующих процесс исполнения бюджетов. Применительно к России – это прежде всего бюджетное законодательство, в частности Бюджетный кодекс РФ, в котором исполнение бюджета выделено в специальный раздел (раздел 8).

Необходимо отметить, что среди законодательных и правовых нормативных актов, регулирующих процесс исполнения бюджетов, основополагающим является закон о бюджете (основной финансовый закон). Данный закон в разных странах может иметь другое название в зависимости от юрисдикции, но он требует в обязательном порядке обеспечить исполнение бюджетов по доходам и расходам.

Основной ежегодный финансовый закон о бюджете либо эквивалентный ему законодательный акт, а также любые применяемые вспомогательные подзаконные документы (инструкции, положения и др.), регулирующие процесс исполнения бюджетов, определяют процедуры, которые требуется выполнять при поступлении доходов и выдаче разрешения на использование государственных бюджетных средств (финансирование бюджетных средств).

В ходе организации исполнения бюджетов ведется бюджетный учет и составляется бюджетная отчетность, являющиеся составной частью бюджетного процесса. Для обеспечения эффективного управления государственными и муниципальными финансами на основе исполнения законов (решений) о бюджетах решающее значение имеет наличие необходимой информации в нужное время и в нужном месте.

В связи с этим бюджетный учет играет важную роль в регистрации и предоставлении экономической информации таким образом, чтобы на всех уровнях государственной администрации можно было принять обоснованные решения касательно дальнейшей деятельности по организации исполнения бюджетов, а также чтобы осуществленную деятельность можно было оценить и проанализировать с целью определения степени ответственности руководителей за ее результаты.

Бюджетный учет — система учета государственных и муниципальных бюджетов, обеспечивающая формирование информации о фактическом состоянии исполнения доходов и расходов указанных бюджетов, позволяющей провести анализ решений, принимаемых в налоговой и бюджетной сфере.

Основными задачами бюджетного учета являются:

- ◆ формирование полной и достоверной информации об исполнении доходов и расходов бюджетов разных уровней бюджетной системы данной страны;

- ◆ обеспечение контроля за соблюдением законодательства по исполнению бюджетов;

- ◆ обеспечение основы по составлению бюджетной отчетности для исполнительных и представительных органов власти и других участников бюджетного процесса.

По результатам бюджетного учета составляется *бюджетная отчетность* в виде финансовых отчетных документов, которые могут в разных странах иметь различные содержание и структуру, однако обычно содержат информацию о результатах и эффектах, достигнутых хозяйствующими субъектами — участниками бюджетного процесса. Главным финансовым документом бюджетной отчетности является *годовой отчет об исполнении бюджета, утверждаемый на законодательной основе*.

Важный научно-теоретический, методологический, правовой и практический интерес представляют вопросы *совершенствования бюджетного процесса*, требующие специального исследования. Тем не менее здесь видится необходимым обратить внимание на основные направления совершенствования бюджетного процесса с целью повышения эффективности и результативности управления государственными и муниципальными финансами.

Совершенствование бюджетного процесса во всех странах мира носит постоянный и непрерывный характер в связи с изменениями приоритетов экономической и финансовой политики государства на конкретном этапе развития. Например, в РФ важным шагом в совершенствовании бюджетного процесса стала Концепция реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004 — 2006 годах, утвержденная Постановлением Правительства РФ «О мерах по повышению результативности бюджетных расходов» от 22.05.2004 г. № 249.

Стержнем указанной реформы являлось смещение акцентов бюджетного процесса от «управления бюджетными ресурсами (затратами)» к «управлению результатами» путем повышения ответственности и расширения самостоятельности участников бюджетного процесса и администраторов бюджетных средств в рамках четких среднесрочных ориентиров. Реформирование бюджетного процесса при этом предлагалось осуществить по следующим пяти направлениям:

- 1) реформирование бюджетной классификации и бюджетного учета;
- 2) выделение бюджетов действующих и принимаемых обязательств;
- 3) совершенствование среднесрочного финансового планирования;
- 4) совершенствование и расширение сферы применения программно-целевых методов бюджетного планирования;
- 5) упорядочение процедур составления и рассмотрения бюджетов.

В рамках реализации вышеуказанной Концепции реформирования бюджетного процесса по первому направлению составление и исполнение бюджетов всех уровней бюджетной системы РФ начиная с 2005 г. осуществляются *на основе новой бюджетной классификации*. Новая бюджетная классификация приближена к требованиям международных стандартов с учетом изменений структуры и функций органов исполнительной власти в рамках административной реформы, а также введения интегрированного с бюджетной классификацией плана счетов бюджетного учета, основанного на применении нового метода и контроля с целью повышения уровня управления государственными и муниципальными финансами в РФ.

В соответствии с реализацией реформы бюджетного процесса в РФ в практику бюджетной работы введены такие новые понятия, как *расходные обязательства*,

бюджетные обязательства, реестр расходных обязательств, которые предусмотрены Бюджетным кодексом РФ согласно Федеральному закону «О внесении изменений в Бюджетный кодекс РФ в части регулирования бюджетного процесса и приведения в соответствие с бюджетным законодательством РФ отдельных законодательных актов РФ» от 26.04.2007 № 63-ФЗ. Кроме того, в свете реализации второго направления реформы бюджетного процессе используются такие термины, как *действующие расходные обязательства и принимаемые расходные обязательства*, а соответственно — *бюджет действующих обязательств и бюджет принимаемых обязательств*.

Одним из важных механизмов организации бюджетного процесса в РФ (см. рисунок) кроме организационно-правовых и процессуальных норм является *бюджетное планирование и прогнозирование*. Существует тесная взаимосвязь между организацией бюджетного процесса и финансово-бюджетным планированием и прогнозированием, ибо с их помощью в ходе формирования бюджетов, в частности составления проектов бюджетов, количественно определяются объемы доходов и расходов бюджетов, финансовые взаимоотношения между бюджетами разных уровней и другие параметры бюджетов. От степени научности бюджетного планирования и прогнозирования во многом зависит качество организации бюджетного процесса и, следовательно, уровень эффективности управления государственными и муниципальными финансами.

В части совершенствования среднесрочного финансового планирования в соответствии с Концепцией реформирования бюджетного процесса в РФ (третье направление реформирования бюджетного процесса) была поставлена задача расширения его горизонта и перехода к составлению и утверждению *трехлетних бюджетов*.

С принятием Федерального закона от 26.04.2007 № 63-ФЗ эта задача для начала была решена на федеральном уровне. В 2007 г. в РФ был составлен и утвержден первый трехлетний федеральный бюджет на 2008 – 2010 гг. С этого времени и по сей день составляются и утверждаются не только трехлетний федеральный бюджет, но и трехлетние бюджеты субъектов РФ и местных бюджетов (на очередной финансовый год и плановый период).

При этом в любом бюджете очередной финансовый год является частью ежегодно обновляемого и смещаемого на один год вперед трехлетнего бюджета, что, с одной стороны, обеспечивается преемственностью государственной политики и предсказуемостью распределения бюджетных ассигнований и, с другой стороны, позволяет вносить по четкой и прозрачной процедуре ежегодные корректировки в соответствии с приоритетами экономической и социальной политики и условиями их достижения.

Далее, как отмечалось, стержневой базой Концепции реформирования бюджетного процесса в РФ является переход от «управления бюджетными ресурсами (затратами)» к «управлению результативностью» с целью повышения эффективности расходования бюджетных средств.

Именно для достижения этой цели было принято Постановление Правительства РФ «О мерах по повышению результативности бюджетных расходов» от 22.05.2004 № 249. В свете реализации требований указанного постановления в стране взят курс на *совершенствование и расширение сферы применения программно-целевых методов бюджетного планирования* (четвертое направление реформирования бюджетного процесса). Программно-целевое бюджетное планирование осуществляется в первую очередь в форме федеральных целевых программ.

Целевая программа – это совокупность выполняемых мероприятий, взаимосвязанных по срокам, исполнителям и ресурсам и направленных на достижение определенной цели и задачи.

До 2010 г. в бюджетном планировании и прогнозировании при подготовке проекта федерального бюджета преобладала сметная форма планирования бюджетных расходов, т.е. указанный бюджет формировался не на основе фактических и ожидаемых результатов осуществления бюджетных расходов, а путем индексации и корректировки объема средств, выделенных в предыдущем году. Средства, выделявшиеся на реализацию большинства целевых программ, фактически являлись разновидностью дополнительного «сметного» финансирования расходов и практически постоянно подвергались изменениям, оправдывая тем самым аморфность формулировок целей и результатов программ и недостаток ответственности за их достижение.

В 2010 г. Министерство финансов РФ впервые представило Правительству РФ проект федерального бюджета на 2011 – 2013 гг. в новом формате, согласно которому указанный бюджет формирован по так называемому программно-целевому принципу, т.е. расходы каждого из министерств и ведомств аргументируются той целью, на которую их собирается тратить правительство. Эта мера призвана обеспечить более тесную увязку бюджетного планирования с мониторингом достижения заявленных целей. Министерство финансов РФ и Министерство экономического развития РФ подготовили перечень программ, на основе которого в 2011 г. был сформирован федеральный бюджет, и их основные положения. Всего в общей сложности получилось 39 программ, разбитых по таким блокам, как образование; здравоохранение; ЖКХ; социальная поддержка; промышленность; экономическое регулирование; регулирование государственных финансов и т.д.

Если в 2010 г. на финансирование 73 целевых госпрограмм было предусмотрено не более 8% общих расходов федерального бюджета, то в 39 целевых госпрограммах на 2011 г. объединены 96,7% расходов указанного бюджета, т.е. чрезмерно возрос контроль Министерства финансов РФ за расходованием федеральных бюджетных расходов¹.

Важным инструментом организации бюджетного процесса в любой стране является *регулирование межбюджетных отношений*, составляющее его неотъемлемую часть. От создания эффективной и справедливой системы межбюджетных отношений во многом зависит решение проблемы совершенствования бюджетного процесса и повышения качества управления государственными и муниципальными финансами.

Сегодня, например, в России сложилась жесткая централизованная система межбюджетных отношений и продолжается процесс перераспределения бюджетных ресурсов в пользу федерального бюджета в ущерб финансовым интересам регионов.

На практике *федеральный бюджет по существу функционирует как централизованный бюджет унитарного государства*, тем самым нарушен принцип реального бюджетного федерализма. В интегрированных финансовых процессах приоритеты общегосударственного уровня превалируют над приоритетами отдельных территорий и весьма велика финансовая зависимость органов власти регионов и муниципалитетов от федерального центра.

Думается, что созданию эффективной и справедливой системы межбюджетных отношений в стране может способствовать в первую очередь решение задачи равно-

мерного развития инновационной экономики во всех регионах и увеличения их собственного налогового потенциала².

Вопросы организации бюджетного процесса во всех странах мира, в том числе в России, неразрывно связаны с осуществлением *государственного и муниципального финансового контроля*, являющегося одновременно его неотъемлемой частью (см. рисунок). Он распространяется на все стадии бюджетного процесса и выступает как один из важнейших инструментов управления государственными и муниципальными финансами. В рамках выполнения управленческих функций органами власти государственный (муниципальный) финансовый контроль выступает, в частности, как способ установления «обратной связи», поскольку на основании данных, полученных в результате осуществления указанного контроля, происходит обоснование корректировки ранее принятых решений и планов и, что самое главное, принимаются действенные меры по устранению правонарушений с целью обеспечения законности, целесообразности и эффективности в области образования и расходования государственных и муниципальных бюджетных средств.

В связи с этим следует особо отметить, что для построения эффективной системы государственного (муниципального) финансового контроля в современной России необходимо решить ряд задач и проблем. До сих пор не разработаны концептуальные подходы к формированию единой системы государственного финансового контроля; не принят общий (единый) федеральный закон о государственном финансовом контроле; отсутствует государственный (муниципальный) финансовый контроль,

¹ Версия. — 2010. — № 38 (263). — 4 — 10 октября. — С. 9.

² Аветисян И.А. Бюджетный федерализм и межбюджетные отношения в Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. — № 2 (13). — С. 115-122.

носящий предупреждающий и профилактический характер; наблюдается низкий уровень результативности реализации материалов ревизий и проверок; слабый уровень исполнительской дисциплины в отношении законов по контролю; отсутствует строгая наказуемость виновных лиц за правонарушение; в стране сформировался нездоровый морально-нравственный климат. Есть и другие нерешенные задачи и проблемы организационно-правового, методического и практического характера³. В силу этого государственный (муниципальный) финансовый контроль в России характеризуется сегодня как несовершенный, слабый и малорезультативный.

Например, именно из-за низкой исполнительской дисциплины в осуществлении финансового контроля со стороны Министерства финансов РФ за исполнением основного финансового закона страны фактически по всем основным разделам федерального бюджета имеет место невыполнение. По данным Федерального казначейства, невыполнение федерального бюджета только за 2010 г. составило 164 млрд. рублей. Эта сумма равна годовым бюджетам нескольких субъектов РФ (средний размер бюджета субъекта РФ составляет 60 – 80 млрд. рублей)⁴.

Наконец, заслуживает внимания рассмотрение вопросов о роли и месте муниципальных финансов, в частности местных бюджетов, в общей системе бюджетного процесса в РФ. В данной области на сегодняшний день имеются неразрешенные

противоречия и проблемы, носящие прежде всего законодательный характер. Суть их состоит в том, что местные бюджеты (бюджеты муниципальных образований), составляющие фундамент бюджетной системы страны, одновременно являются главной финансовой базой местного самоуправления, которое, однако, в соответствии с Конституцией РФ (ст. 12), не входит в систему государственной власти. Получается, что государственные бюджетные средства (средства местных бюджетов, а также средства, полученные за счет федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ) используется негосударственными организациями (органами местного самоуправления) и местные бюджеты практически «выпадают» из бюджетной системы РФ, соответственно и из общей системы организации бюджетного процесса в стране. В то же время для всех видов бюджетов, входящих в состав бюджетной системы РФ, бюджетным законодательством, в частности Бюджетным кодексом РФ, установлены единые принципы и процедуры, в соответствии с которыми осуществляется весь бюджетный процесс в стране. Такая ситуация, без сомнения, негативно влияет на организацию всего бюджетного процесса и качество управления государственными и муниципальными финансами. На наш взгляд, без разрешения вышеуказанного законодательного противоречия невозможно решить задачу обеспечения целостности бюджетного процесса и полноценного совершенствования его организации.

Литература

1. Аветисян, И.А. Бюджетный федерализм и межбюджетные отношения в Российской Федерации / И.А. Аветисян // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. – №1 (13). – С. 115-122.

³ Аветисян И.А. О государственном финансовом контроле в современной России // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2005. – Вып. 34. – С. 19-31.

⁴ Советская Россия. – 2011. – 26 апреля. – С. 2.

2. Аветисян, И.А. Об эффективности государственного бюджета и бюджетных расходов / И.А. Аветисян // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2005. – Вып. 29. – С. 9-19.
3. Аветисян, И.А. О государственном финансовом контроле в современной России / И.А. Аветисян // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2006. – Вып. 34. – С. 19-31.
4. Аветисян, И.А. Основы финансового менеджмента на макроуровне (вопросы теории методологии): учебное пособие / И.А. Аветисян. – Вологда: Полиграфист, 2001. – 192 с.
5. Бюджетный кодекс Российской Федерации (по состоянию на 1 октября 2010 г.). – М.: Проспект, Кнорус, 2010. – 288 с.
6. Бюджетный процесс как инструмент эффективного управления. Правительственная концепция. – Стокгольм, 2005. – 255 с.
7. Кадомцева, С.В. Государственные финансы: учеб. пособие / С.В. Кадомцева. – М.: ИНФРА, 2010. – 352 с.
8. Ковалева, Т.М. Бюджет и бюджетная политика в Российской Федерации: учеб. пособие / Т.М. Ковалева, С.В. Барулин. – М.: КНОРУС, 2005. – 208 с.
9. Конституция Российской Федерации. – М.: Объединенная редакция МВД России, 1998. – 62 с.
10. Концепция реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004 – 2006 годах [Электронный ресурс]: одобр. Постановлением Правительства РФ от 22.05.2004 № 249 // КонсультантПлюс: справочная правовая система.
11. Куряткова, Ю.А. Государственные и муниципальные финансы: учеб. пособие / Ю.А. Куряткова. – М.: РИОР, 2005. – 97 с.
12. Парыгина, В.А. Бюджетное право и процесс: учебник / В.А. Парыгина, А.А. Тадеев. – М.: ЭКСМО, 2005. – 384 с.
13. Родин, А.М. Бюджетная система Российской Федерации: учебник / А.М. Родин, В.П. Горегляд, И.В. Подпорина. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2009. – 608 с.
14. Свищева, В.А. Государственные и муниципальные финансы: учебник / В.А. Свищева. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2008. – 464 с.
15. Суглобов, А.Е. Межбюджетные отношения в Российской Федерации: учеб. пособие / А.Е. Суглобов, Ю.И. Черкасова, В.А. Петренко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 263 с.

УДК 336.132.11(470.12)

© Печенская М.А.

© Ускова Т.В.

Актуальные вопросы совершенствования межбюджетных отношений в системе местного самоуправления

В статье изложена сущность понятия «межбюджетные отношения». Выявлены основные проблемы межбюджетных отношений в системе местного самоуправления как фундаментального звена бюджетной системы Российской Федерации. Без его укрепления затруднены качественные преобразования в бюджетной сфере. Показано, что развитие местного самоуправления возможно лишь при достаточной обеспеченности муниципалитетов собственными финансовыми средствами. Проанализировано фактическое состояние финансовых взаимоотношений органов государственной власти и органов местного самоуправления. Обозначен комплекс мер, направленных на совершенствование межбюджетных отношений на муниципальном уровне.

Финансы, межбюджетные отношения, муниципальный уровень бюджетной системы, собственные доходы, трансферты.

**Мария Александровна
ПЕЧЕНСКАЯ**

младший научный сотрудник Института социально-экономического развития территорий РАН
marileen@bk.ru

**Тамара Витальевна
УСКОВА**

доктор экономических наук, доцент, зам. директора по научной работе,
зав. отделом ИСЭРТ РАН
tvu@vscc.ac.ru

Сущность межбюджетных отношений

Бюджетным кодексом Российской Федерации межбюджетные отношения определены как взаимоотношения между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления по вопросам регулирования бюджетных правоотношений, организации

и осуществления бюджетного процесса [1]. Однако, на наш взгляд, данное определение имеет ряд серьёзных недостатков.

Проблемам системы межбюджетных отношений посвящены исследования многих отечественных и зарубежных учёных-экономистов. Но общепринятого толкования данного понятия современной наукой не выработано.

Таблица 1. Понимание субъектного состава межбюджетных отношений различными авторами*

Подход	Авторы	Субъекты межбюджетных отношений
Первый	А.М. Бабич, Л.Н. Павлова, А.Г. Игудин, О.Г. Бежаев, В.И. Гришин, О.Н. Горбунова, А.Д. Селюков и другие	Органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Федерации, органы местного самоуправления
Второй	Н.И. Химичева, А.И. Землин, Ю.А. Крохина, М.В. Карасева	Публично-правовые образования: Российская Федерация, субъекты Федерации, муниципальные образования
Третий	Ю.И. Любимцев, О.Ю. Скворцов	Бюджеты всех уровней в лице их уполномоченных органов

* Составлено нами по [3, 5, 6, 7, 8, 14].

Дискуссия развернулась вокруг вопросов, касающихся участников, поводов возникновения и сферы действия межбюджетных отношений.

Изучив существующие на современном этапе представления о субъектном составе межбюджетных отношений, мы выделили три подхода к его пониманию (табл. 1).

По нашему мнению, наиболее объективной является позиция приверженцев первого подхода, которые выделяют в качестве субъектов межбюджетных отношений публично-правовые образования в лице их уполномоченных органов.

Уже из семантического значения словосочетания «межбюджетные отношения» вытекает, что они должны возникать между бюджетами, а значит, между субъектами – собственниками бюджетных средств. Это происходит потому, что многие права (полномочия), реализуемые в бюджетной сфере, являются суверенными правами, принадлежащими лишь государству, не иным субъектам [7].

Весьма дискуссионным среди учёных стал также вопрос о сфере действия межбюджетных отношений. Напрямую в законодательстве РФ он не отражён. Вместе с тем исследователи этой проблематики в основном считают, что межбюджетные отношения возникают не только «по вертикали», но и «по горизонтали» бюджетной системы (А.Г. Игудин, А.С. Колесов, О.Г. Бежаев и др.).

Придерживаясь в нашем исследовании данной точки зрения, заметим, что межбюджетные отношения должны быть ориентированы на решение двуединой задачи вертикальной и горизонтальной сбалансированности бюджетов.

Исследование теоретических основ понятия «межбюджетные отношения» позволило нам определить их как *комплексную систему экономико-правового вертикального и горизонтального взаимодействия публично-правовых образований в лице их уполномоченных органов по поводу регулирования потоков бюджетных ресурсов в целях достижения эффективной модели бюджетного федерализма¹ для обеспечения достойного уровня жизни, гарантированного каждому гражданину страны независимо от места проживания.*

В условиях ограниченности финансовых ресурсов и в период реформ роль межбюджетных отношений повышается. Исходя из их сущности это можно объяснить тем, что они призваны решать наиболее актуальные проблемы устранения межтерриториальных и межуровневых диспропорций и всё в большей степени осуществлять функции по обеспечению социальных гарантий.

¹ Мы разделяем мнение таких учёных, как И.А. Аветисян, Ю.В. Другова, А.Г. Игудин, И.В. Подпорина, В.И. Птицын и др., о том, что бюджетный федерализм – это форма бюджетного устройства в федеративном государстве, которая предполагает участие всех звеньев бюджетной системы в равной степени в едином бюджетном процессе, ориентированном и на учёт общегосударственных интересов, и на реализацию интересов субъектов федерации и муниципальных образований.

С целью недопущения крайних форм неравенства населения страны в возможности получения необходимых бюджетных услуг используются различные каналы финансового выравнивания:

1. Целевые трансферты на исполнение собственных расходных полномочий. К ним относятся субсидии – бюджетные средства, предоставляемые бюджету другого уровня бюджетной системы РФ на безвозмездной и безвозвратной основе на условиях софинансирования для реализации его расходных полномочий.

2. Нецелевые трансферты на исполнение собственных расходных полномочий. К ним относятся дотации (на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности, на сбалансированность и т.д.) – бюджетные средства, предоставляемые бюджету другого уровня бюджетной системы РФ на безвозмездной и безвозвратной основе для покрытия текущих расходов.

3. Целевые трансферты на исполнение делегированных полномочий. К ним относятся субвенции – бюджетные средства, предоставляемые на безвозмездной и безвозвратной основе на финансовое обеспечение переданных с вышестоящего уровня государственных полномочий.

При несбалансированности бюджетов «по вертикали» межбюджетные отношения необходимы для достижения соответствия между объёмом обязательств каждого уровня власти по расходам и потенциалом его доходных ресурсов [8].

Данная ситуация характерна для России, в которой в силу неотрегулированности фискальной системы от 40 до 60% бюджетных доходов сначала наполняют вышестоящие бюджеты, а затем в виде трансфертов направляются в нижестоящие. Вместе с тем расходы на образование, социальную политику, здравоохранение финансируются в большей степени на региональном и местном уровнях.

Горизонтальный дисбаланс бюджетной системы связан с неравномерностью экономического развития территорий, дифференциацией их доходных, прежде всего налоговых, потенциалов [12]. Самая высокая разбалансированность бюджетов наблюдается на муниципальном уровне.

Так, по данным Федеральной службы государственной статистики, разрыв между наиболее и наименее обеспеченными местными территориями, определяемый по показателю налоговых доходов бюджетов в расчёте на одного человека, в России составляет 75,6 раза, в то время как в ФРГ – 8,1, в США – 8,5, в Канаде – 1,6 раза. Количество обеспеченных собственными доходами муниципальных образований в РФ не превышает и 2% от общего числа. В этих условиях суть системы межбюджетных отношений заключается в сглаживании бюджетных различий между территориями для обеспечения населения стандартным набором социально значимых услуг [8].

В этом смысле межбюджетные отношения для абсолютного большинства муниципалитетов – это не просто условие выполнения ими определённого круга социальных обязательств перед населением, а важнейший фактор устойчивости социально-экономического развития в целом.

Реформирование межбюджетных отношений в 2003 – 2010 гг.

Очередной этап реформирования российской системы межбюджетных отношений, завершённый к 2009 г., совпал с периодом реализации муниципальной реформы, начатой согласно Федеральному закону от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». Местные территории были разделены на три типа (городской округ, муниципальный район, поселение), каждый из которых наделён собственными расходными и доходными полномочиями.

С 2006 г. ряд субъектов Федерации, в том числе и Вологодская область, приступили к полномасштабной реализации на своих территориях данного закона.

В нём было заявлено, что муниципалитеты должны получить чёткие границы и независимую доходную базу. Но в результате проведённой ещё в 2005 г. налоговой реформы количество законодательно установленных местных налогов уменьшилось с пяти до двух (налог на имущество физических лиц и земельный налог). Кроме того, сократились перечень и норматив отчислений от федеральных и региональных налогов в местные бюджеты (табл. 2).

Все эти изменения налоговой системы были необходимы для сглаживания дифференциации доходного потенциала вновь образующихся муниципальных образований, резко различающихся по уровню экономического развития, и выравнивания их бюджетной обеспеченности.

Однако результатом налоговой реформы стало перераспределение значительного объёма налоговых поступлений в пользу вышестоящих бюджетов. В Вологодской области зачисление налоговых доходов в местные бюджеты снизилось с 52% в 2003 г. до 29% в 2010 г. (рис. 1).

Закреплённые за органами местного самоуправления налоги не обеспечивали ощутимой поддержки муниципальной казны (лишь 3–4% в доходах местных бюджетов). Поэтому с целью укрепления налоговой базы субъектам Федерации было разрешено передавать дополнительные доходные источники муниципальным образованиям.

В связи с этим в Вологодской области установлены в соответствии с областными законами следующие единые нормативы отчислений от федеральных и региональных налогов в местные бюджеты:

- ✓ налог на доходы физических лиц – 10%;
- ✓ транспортный налог с физических лиц и налог, взимаемый по упрощённой системе налогообложения на основе патента, – в полном объёме;
- ✓ единый сельскохозяйственный налог – 30%;
- ✓ налог, взимаемый по упрощённой системе налогообложения, – 50%.

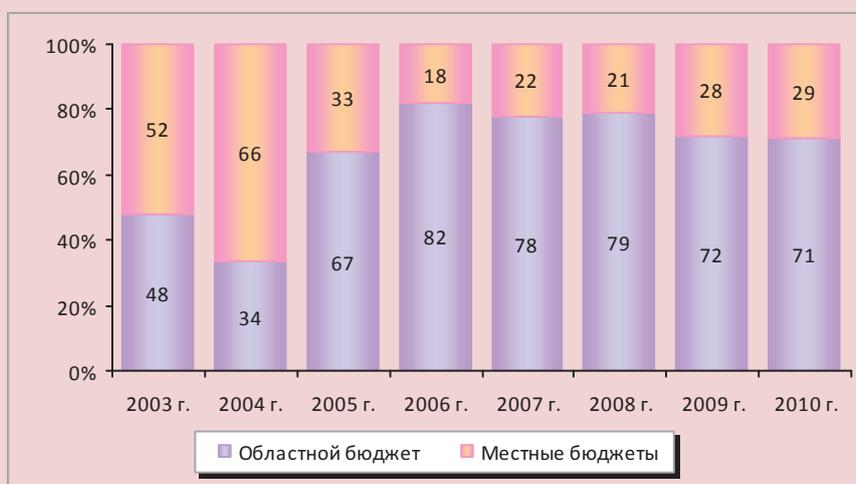
Установление единых нормативов отчислений обеспечило дополнительное поступление в местные бюджеты в 2008 г. 1,4 млрд. руб., а в 2010 г. – уже порядка 2 млрд. руб.

Таблица 2. Нормативы отчислений от федеральных и региональных налогов и сборов в местные бюджеты*, %

Налоговые доходы	До реформы 2003 – 2005 гг.	После реформы (2006 – 2010 гг.)		
		Муниципальные районы	Поселения	Городские округа
Налог на прибыль (ставка)	7	0		
Налог на доходы физических лиц	50 – 70	20	10	30
Налог на игорный бизнес	50	0		
Акцизы на водку	35	0		
Налог на имущество организаций	50	0		
Налог на имущество физических лиц	100	–	100	100
Земельный налог	50	100	100	100
Платежи за пользование природными ресурсами	65 – 80	0		
Единый налог на вменённый доход	45 – 75	90	–	90
Плата за негативное воздействие на окружающую среду	54	40	–	40

* Составлено нами исходя из законов о федеральном бюджете на 2003 – 2010 гг.

Рисунок 1. Распределение налоговых доходов между уровнями бюджетной системы Вологодской области*

* Рассчитано нами по данным Федерального Казначейства России.

Безусловно, это создаёт равные условия и возможности для всех муниципалитетов, служит стимулом для их руководителей к увеличению налоговой базы.

Однако надо иметь в виду, что ни дополнительные налоговые отчисления, ни система межбюджетных трансфертов не являются инструментами собственной бюджетной политики органов местного самоуправления — одного из наиболее действенных рычагов публичного управления в условиях современной рыночной экономики. Именно местные налоги в большей степени призваны выполнять регулирующую и стимулирующую функции муниципального управления.

Вместе с тем доля собственных бюджетных средств² в совокупных доходах местных бюджетов снижается. Муниципалитеты всё в большей степени зависят от финансовой помощи из вышестоящих бюджетов.

² Под собственными доходами (бюджетными средствами) местных бюджетов мы понимаем сумму налоговых и неналоговых доходов.

В структуре доходов бюджетов муниципальных образований Вологодской области удельный вес межбюджетных трансфертов увеличился с 25,9% в 2003 г. до 64,2% в 2010 г. (рис. 2).

Усиление роли выравнивающей функции системы межбюджетных отношений негативно отражается на заинтересованности муниципалитетов в наращивании налогового потенциала, в рациональном и эффективном расходовании бюджетных средств.

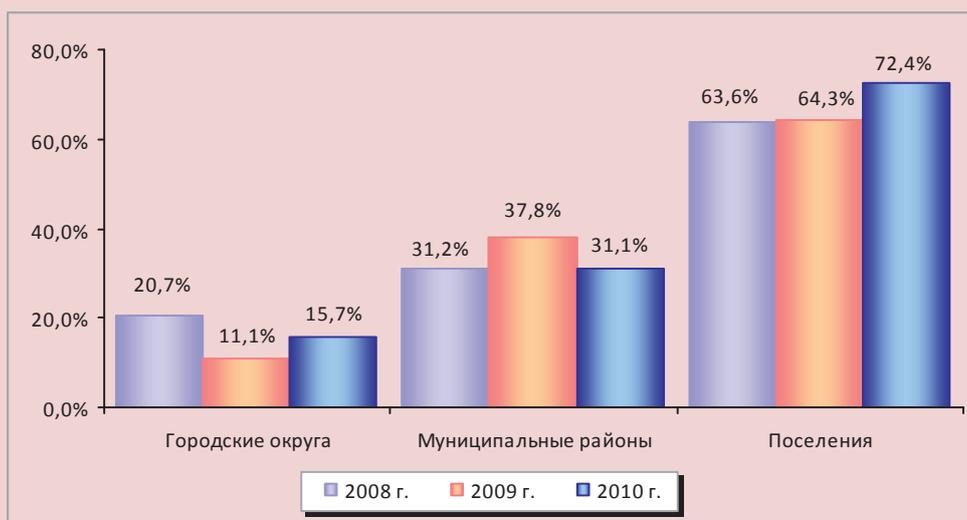
Тенденция к уменьшению возможностей органов местного самоуправления самостоятельно определять приоритетные направления расходования средств стала заметнее после вступления в силу Федерального закона от 26.04.2007 г. № 63-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс РФ в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством РФ отдельных законодательных актов РФ», согласно которому с 2008 г. установлены дополнительные (ужесточающие) условия

Рисунок 2. Структура совокупных доходов местных бюджетов Вологодской области*

* Рассчитано нами по данным Федерального Казначейства России.

Рисунок 3. Доля межбюджетных трансфертов, за исключением субвенций, в объёме совокупных доходов местных бюджетов разных типов*

* Рассчитано нами по данным Федерального Казначейства России.

получения межбюджетных трансфертов (дотаций и субсидий) в зависимости от уровня финансовой помощи, оказываемой муниципалитету (статья 136). Доля дотаций и субсидий в объёме совокупных доходов муниципальных образований Вологодской области за период 2008–2010 гг. являлась высокой: в районах в среднем она превышала 33%, в поселениях – 66% (рис. 3).

Как следует из дополнительных условий предоставления трансфертов, администрации большинства районов и поселений не имеют права устанавливать и исполнять расходные обязательства, не упомянутые в Федеральном законе № 131. Следовательно, субвенции этим муниципалитетам не перечисляются. Однако ряд делегированных им государственных полномочий,

Таблица 3. Структура межбюджетных трансфертов местных бюджетов Вологодской области в 2003 – 2010 гг.*

Показатель	2003 г.		2004 г.		2005 г.		2006 г.		2007 г.		2008 г.		2009 г.		2010 г.	
	млрд. руб.	%														
Дотации	1,1	41,6	1,1	23,5	1,5	22,8	2,9	27,8	2,5	18,1	2,6	17,5	3,5	25,1	3,6	19,8
Субсидии	0,3	10,4	0,7	15,6	1,6	24,9	2,0	19,8	3,9	28,4	4,7	31,7	2,8	20,4	4,2	23,5
Субвенции	1,1	42,8	2,7	58,5	3,2	50,1	5,3	51,1	6,8	49,1	7,3	48,7	7,4	52,9	9,9	54,5
Сумма дотаций и субсидий в объёме собственных доходов	19,0		22,9		38,1		80,6		68,9		64,5		71,5		77,4	

* Рассчитано нами по данным Федерального Казначейства России.

на исполнение которых нацелены данные трансферты, должны финансироваться в обязательном порядке (например, обеспечение федеральных льгот ветеранам и участникам боевых действий).

Что касается структуры трансфертных платежей в местные бюджеты Вологодской области, то в период с 2003 по 2010 г. произошло снижение доли дотаций с 41,6 до 19,8% (табл. 3). Тем не менее трансферты на исполнение собственных расходных полномочий (*дотации и субсидии*) составили в 2010 г. 8 млрд. рублей или 77,4% объёма собственных доходов местных бюджетов (против 19% в 2003 г.). Исполнение собственных полномочий муниципальными образованиями области в значительной степени зависит от вышестоящих бюджетов. При этом в исследуемом периоде от 43 до 59% приходилось на средства, передаваемые с целью решения делегированных полномочий (*субвенции*). Их общий объём увеличился по отношению к 2003 г. в 9 раз и достиг почти 10 млрд. рублей.

Затронув тему делегирования расходных обязательств, нельзя не отметить, что федеральный центр, продекларировав самостоятельность органов местного самоуправления, не создал системы управления, распределения власти и собственности, позволяющей указанным органам выполнять свои функции.

На муниципалитеты перекладывается всё большая ответственность за осуществление делегируемых им Федерацией и регионами полномочий по решению социально-экономических проблем. В исследуемом периоде объём таких полномочий ежегодно увеличивался (рис. 4).

Значительное увеличение расходов на выполнение переданных полномочий (с 2006 г. они составляют практически треть совокупных расходов) отрицательно сказывается на исполнении собственных расходных обязательств муниципалитетов.

Оценивая в целом сбалансированность местных бюджетов, следует иметь в виду, что она является формальной. Законодательно закреплённых за ними доходных источников недостаточно для финансирования расходных полномочий органов местного самоуправления. Дефицит собственных доходов муниципалитетов при финансировании общего объёма их расходных полномочий ежегодно возрастает (рис. 5).

Межбюджетные трансферты, включённые Бюджетным кодексом в состав собственных доходов местных бюджетов, создают иллюзию прочности их финансовой базы. Однако почти все муниципальные образования Вологодской области являются дотационными: из 302 муниципалитетов дотации на выравнивание

Рисунок 4. Соотношение собственных и делегированных полномочий в расходах муниципалитетов Вологодской области*

* Рассчитано нами по данным Федерального Казначейства России.

** Рассчитано как доля субвенций в совокупных расходах местных бюджетов.

*** Рассчитано как разница между совокупными расходами местных бюджетов и расходами на исполнение делегированных полномочий.

Рисунок 5. Динамика уровня покрытия совокупных расходов бюджетов муниципальных образований Вологодской области собственными доходами*, млрд. руб.

* Рассчитано нами по данным Федерального Казначейства России.

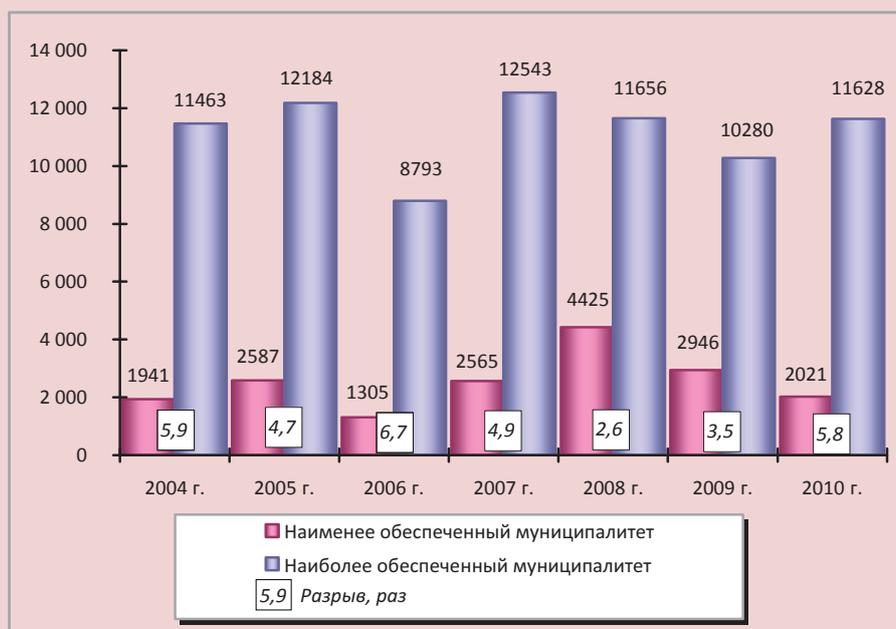
бюджетной обеспеченности не получали в 2010 г. лишь шесть (г. Вологда, г. Череповец, г. Бабаево, Грязовецкое городское поселение, Погореловское сельское поселение Тотемского района и Нелазское сельское поселение Череповецкого района). В таких условиях выполнение органами местного самоуправления собственных полномочий зависит в большей степени от размера финансовой помощи, а не от качества управленческой деятельности.

Несовершенство межбюджетных отношений в области проявляется также в неспособности обеспечить равный доступ населения к бюджетным услугам на всей территории. Об этом свидетельствует дифференциация муниципальных образований по уровню бюджетной обеспеченности. Так, в период 2004–2010 гг. разрыв между наиболее и наименее обеспеченным муниципалитетами по уровню собственных доходов на одного жителя составлял 3–7 раз (рис. 6).

Наибольший показатель разрыва наблюдался в 2006 г. (6,7 раза) в связи с началом реформы местного самоуправления и изменением структуры налоговой базы местных бюджетов.

Таким образом, межбюджетная реформа не решила задачу снижения зависимости местных бюджетов от финансовой помощи из бюджетов вышестоящих уровней. Доходная база муниципальных образований сузилась. Вместе с тем органы местного самоуправления крайне ограничены в возможностях влиять на её расширение. Механизм формирования доходов местных бюджетов не работает в полной мере на расширение объёма и повышение качества муниципальных услуг населению. Следовательно, сложившаяся ситуация не способствует экономическому развитию большинства муниципалитетов, росту качества жизни населения, преодолению иждивенческих настроений.

Рисунок 6. Бюджетная обеспеченность собственными доходами на одного жителя в муниципалитетах Вологодской области*, руб.

* Рассчитано нами в разрезе городских округов и муниципальных районов по данным правовых актов органов местного самоуправления Вологодской области о местных бюджетах.

Направления совершенствования межбюджетных отношений

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования системы межбюджетных отношений. Ключевые направления этого процесса должны, на наш взгляд, охватывать реализацию комплекса следующих мер:

1. *Инвентаризация оставшихся нефинансируемых мандатов и обеспечение их источниками финансирования.* Полагаем, что для этого необходимо более чёткое установление целей предоставления субвенций, уточнение методики определения их размера. Всё это даст возможность ввести законодательное ограничение объёма передаваемых на муниципальный уровень государственных полномочий.

2. *Корректировка дополнительных условий получения муниципалитетами межбюджетных трансфертов, установленных статьёй 136 БК РФ в 2008 г. (целесообразно поднять обозначенные планки до 25, 50 и 75%).*

3. *Совершенствование структуры межбюджетных трансфертов, обеспечивающее:*

- переход от трансфертов, имеющих узкую целевую направленность, к блочным трансфертам;
- сокращение роли субсидий и субвенций в межбюджетных трансфертах.

4. *Совершенствование порядка финансирования временных кассовых разрывов:*

- путём перехода к казначейской системе исполнения местного бюджета, основанной на принципе единства кассы;
- прогнозирования кассовых разрывов;
- разработки порядка привлечения средств при временных кассовых разрывах в процессе исполнения местных бюджетов.

5. *Развитие форм межмуниципального сотрудничества, в т.ч.:*

- объединение ресурсов в форме финансирования расходов;
- заключение договора о приобретении услуг (снижение цены услуги в рамках межмуниципального соглашения);

- создание совместных администраций;

- развитие ассоциативных форм межмуниципального сотрудничества;

- формирование кредитных организаций, способных вести выдачу беспроцентных ссуд на несколько месяцев.

6. *Активизация работы исполнительных органов местной власти с региональным и федеральным правительствами по своевременному распределению и перечислению межбюджетных трансфертов.* В рамках решения этой проблемы следует изучить возможности исключения субсидий, передаваемых на софинансирование программ социально-экономического развития, из перечня целевых трансфертов, подлежащих в случае неосвоения возврату, и установления ежемесячного графика перечисления муниципалитетам межбюджетных трансфертов (за исключением распределяемых по конкурсу) в соответствующем приложении к закону об областном бюджете.

В качестве заявки на перспективу необходимо рассмотреть вопрос об отказе от принципа выравнивания бюджетной обеспеченности, являющегося в настоящее время основой межбюджетной политики. Эволюционировавшая из централизованного типа система межбюджетных отношений в России находится в состоянии поиска оптимальной модели. Наиболее рациональным в современных условиях будет проведение постепенной децентрализации, основанной на совместных решениях и согласованных действиях всех уровней власти. К этому можно прийти лишь путём укрепления экономического роста и хозяйственного потенциала территорий, что позволит достичь нового уровня их самостоятельности.

В связи с этим необходимо перераспределение налогов в пользу муниципалитетов. При этом выпадение налоговых доходов из вышестоящих бюджетов будет

компенсировано экономией на финансовой помощи местному самоуправлению. Передача налогов на местный уровень даст возможность стимулировать развитие собственной налоговой базы муниципалитетов и расширение зон опережающего развития.

В то время как непродуктивные встречные финансовые потоки (из муниципалитета – в бюджеты вышестоящего уровня, а затем обратно в качестве трансфертов) будут исключены. Несоразмерно высокая финансовая обеспеченность самых благополучных муниципалитетов при суще-

ствующей межбюджетной системе будет выравнена с помощью отрицательного трансферта.

Учитывая вышесказанное, можно подчеркнуть, что создание эффективной системы межбюджетных отношений требует решения закономерного вопроса о разработке новой модели, представляющей не «спасательный круг» для отсталых муниципальных территорий, а комплекс мер по их экономическому подъёму на основе принципа достаточности финансовых ресурсов и наличия реальных возможностей их эффективного использования.

Литература

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации. – М.: Эксмо, 2011. – 320 с.
2. Арумова, Е.С. Организация межмуниципального сотрудничества: российский и зарубежный опыт / Е.С. Арумова // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2011. – № 2. – С. 37-46.
3. Балтина, А.М. Межбюджетные отношения в регионе: модели организации и регулирования: монография / А.М. Балтина, В.А. Волохина. – Оренбург: ОГУ, 2004. – 197 с.
4. Бухвальд, Е.М. Экономико-правовые проблемы совершенствования бюджетной системы Российской Федерации [Электронный ресурс] / Е.М. Бухвальд // Аналитический вестник Совета Федерации. – 2010. – № 13 (399). – Режим доступа: http://www.council.gov.ru/inf_sl/bulletin/item/358/index.html
5. Бюджетная политика и межбюджетные отношения в субъектах РФ / А.С. Колесов, В.А. Гуров, А.С. Ревайкин, С.В. Сигова; под ред. А.С. Колесова. – М.: Финансы, 2007. – 600 с.
6. Гришин, В.И. Региональная экономическая политика и межбюджетные отношения / В.И. Гришин // Финансы. – 2005. – № 4. – С. 50-55.
7. Карасева, М.В. Право собственности на бюджетные средства [Электронный ресурс] / М.В. Карасева // Финансы. – 2007. – № 6. – Режим доступа: <http://www.finance-journal.ru>
8. Крыжановская, Г.В. Российский и зарубежный опыт межбюджетного взаимодействия / Г.В. Крыжановская // Федерализм. – 2010. – № 1. – С. 149-160.
9. Печенская, М.А. Состояние и проблемы межбюджетных отношений региона и муниципалитетов (на материалах Вологодской области) / М.А. Печенская // Управление и экономика в условиях модернизации: история и современность: материалы научно-практической конференции. – Вологда: Филиал СЗАГС в г. Вологде, 2011. – С. 94-102.
10. Реальный федерализм, местное самоуправление, межбюджетная политика: тезисы Программы, разработанной экспертной группой № 12 по обновлению «Стратегии-2020» [Электронный ресурс] // Официальный сайт обновления Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года. – Режим доступа: <http://2020strategy.ru>
11. Российское местное самоуправление: итоги муниципальной реформы 2003–2008 гг.: аналитический доклад [Электронный ресурс] // Официальный сайт Института современного развития. – Режим доступа: <http://www.insor-russia.ru/ru/programs/doc/3928>
12. Соколова, А.А. Формы и механизмы вертикального выравнивания в сфере межбюджетных отношений / А.А. Соколова // Финансы и кредит. – 2009. – № 6. – С. 15.
13. Ускова, Т.В. Управление устойчивым развитием региона: монография / Т.В. Ускова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – 355 с.
14. Химичева, Н.И. Финансовое право / Н.И. Химичева. – М.: Юрист, 2008. – 192 с.

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

УДК 332.146.2(470.2)

© Чапаргина А.Н.

Влияние инвестиционной подсистемы на социально-экономическое развитие региона

В данном исследовании проведён анализ социально-экономического развития регионов методом ранжирования, доказано влияние инвестиционных процессов на уровень развития региона, выявлена зависимость между спецификой распределения ресурсов инвестиционной подсистемы и уровнем развития региона. В работе использованы методы статистического анализа, информационную базу исследования составляют статистические материалы Федеральной службы государственной статистики.

Регион, инвестиционная подсистема, социально-экономическое развитие, финансирование основного капитала, инвестиционные ресурсы.

**Анастасия Николаевна
ЧАПАРГИНА**

аспирант, младший научный сотрудник Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН
achapargina@yandex.ru

Устойчивость и темпы экономического роста в региональных социально-экономических системах в значительной мере предопределяются масштабами инвестирования как одного из факторов экономической динамики, формирование которого осуществляется в ходе общественного воспроизводства.

В системе воспроизводства инвестициям принадлежит важнейшая роль в деле возобновления и увеличения производственных ресурсов, а следовательно, и в обеспечении определённых темпов экономического роста региона.

Если представить общественное воспроизводство как систему производства, распределения, обмена и потребления, то инвестиции касаются, главным образом, первого звена — производства и, можно сказать, составляют материальную основу его развития.

В системе отношений расширенного воспроизводства инвестиции выполняют важнейшую структурообразующую функцию. От того, в какие отрасли народного хозяйства вкладываются средства для его развития, зависит будущая структура экономики.

Рост региональной экономики на качественно новой основе означает восстановление пропорций между повышением производительности труда и ростом ВРП, создание новой структуры экономики и повышение ее энергоэффективности, обеспечение условий для развития предпринимательства и привлечения инвестиций. От успешного развития инвестиционного процесса во многом зависит направленность социально-экономических преобразований как в стране в целом, так и в отдельных её регионах. Следовательно, функционирование инвестиционной подсистемы затрагивает все без исключения составляющие региональной социально-экономической системы.

Для выявления специфики влияния инвестиционной подсистемы на развитие региона в рамках настоящего исследования анализируется группа регионов Северо-Западного федерального округа (СЗФО). Уровень социально-экономического развития региона определяется на основе одного из блоков методики составления рейтинга развития регионов, созданной группой продвижения канала в регионах Дирекции по развитию ТРК «Петербург». Данный блок называется «расчёт стартового рейтинга регионов». **Рейтинг развития регионов представляет собой список, в котором регионы упорядочены по уровню развития: наиболее развитый регион занимает первое место, наименее развитый – последнее [1].**

Для расчёта рейтинга используется метод ранжирования. На первом шаге регионам присваивается место по каждому из 15 статистических показателей, относящихся к трём аспектам развития: социальная сфера, экономика, социальная и экономическая инфраструктура (табл. 1).

В соответствии с методикой первое место занимает регион с наилучшим значением показателя, последнее – с наихудшим.

Далее места суммируются по всем 15 показателям. Итоговое место региона определяется исходя из суммы его мест по каждому показателю: чем меньше сумма мест, тем выше место в стартовом рейтинге. Если два или более двух регионов получают одинаковую сумму мест, то они вновь ранжируются по уровню развития экономики: тому из них, который занял более высокое место, присваивается более высокий ранг.

Показатель обеспеченности населения объектами социальной и экономической инфраструктуры рассчитывается аналогичным образом: регионы ранжируются по каждому из трёх показателей; для каждого региона рассчитывается сумма его мест по всем трем показателям. Далее следует упорядочение регионов исходя из значения этой суммы мест: регион с наилучшей обеспеченностью получает первое место, с наихудшей – последнее.

Отличительной особенностью использования методики в данном исследовании является определение, во-первых, самостоятельных рейтингов по каждой из упомянутых сфер и, во-вторых, итогового места региона на основе частных рейтингов каждой сферы. Методика их построения сходна с методикой построения стартового рейтинга развития регионов. С точки зрения автора такой подход позволяет в некоторой мере сгладить недостатки интегрального показателя, не учитывающего весовую значимость отдельных величин, характеризующих уровень развития различных сфер.

Дополнением к используемой методике выступает и корректировка показателя ВРП на душу населения на коэффициент уровня покупательной способности, замена показателя количества спортивных площадок и залов на 1000 человек населения на показатель обеспеченности населения амбулаторно-поликлиническими учреждениями с целью учёта развития подсистемы

Таблица 1. Показатели оценки социально-экономического развития региона и их характеристика

Показатель	Характеристика и особенности расчёта
<i>Социальная сфера</i>	
1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	Наиболее вероятный возраст, до которого доживёт родившийся в данном году в данном регионе ребёнок
2. Коэффициент младенческой смертности	Число смертей среди детей в возрасте до года на 1000 родившихся
3. Заболеваемость населения	Число больных с впервые в жизни установленным диагнозом, выявленных в течение года при обращении в лечебно-профилактическое учреждение или при профилактическом осмотре на 1000 человек населения
4. Уровень преступности	Число убийств и покушений на убийство на 1000 жителей.
5. Миграционное сальдо	Разница между числом прибывших в регион и числом выбывших из региона. Характеризует привлекательность региона для граждан страны
<i>Развитие экономики</i>	
6. Валовой региональный продукт на душу населения	Характеризует произведённый на территории региона суммарный объём товаров и услуг
7. Объём инвестиций в основной капитал на душу населения	Определяет будущий потенциал развития экономики
8. Рост энергопотребления в регионе	Свидетельствует о развитии энергоёмкой промышленности в регионе, о повышении благосостояния граждан
9. Объём долгов по заработной плате	Показатель скорректирован на прожиточный минимум в регионе
10. Номинальные денежные доходы на душу населения	Показатель скорректирован на прожиточный минимум в регионе
11. Оборот розничной торговли и объём оказанных платных услуг	Рассчитывается на душу населения
<i>Социальная и экономическая инфраструктура</i>	
12. Средний темп роста строительства в регионе	Отражает дальнейшее развитие территории
13. Доходы от предоставления услуг связи	Показатель представляет собой доходы всех операторов связи, полученные за объём реализованных потребителям услуг почтовой и электросвязи, на душу населения
14. Густота автомобильных дорог	Длина автомобильных дорог с твёрдым покрытием на 1000 кв. км территории региона. Характеризует степень освоённости территории региона
15. Обеспеченность населения объектами социальной инфраструктуры	Рассчитывается на основе трёх показателей
15.1. Количество спортивных площадок и залов	Рассчитывается на 1000 человек населения
15.2. Количество детских садов и школ	Рассчитывается на 1000 человек населения
15.3. Количество студентов, обучающихся в государственных вузах	Рассчитывается на 1000 человек населения

здравоохранения, а также исключение показателя энергопотребления по причине введения в анализ северных регионов, которые изначально характеризуются повышенным энергопотреблением.

Ранговая оценка регионов по уровню социально-экономического развития представлена в *таблице 2*.

По итогам проведённых расчётов исследуемые регионы условно можно распределить на 4 группы: сильные регионы (занимающие лидирующие позиции по всем сферам), слабые регионы (отличаются слабым развитием по всем трём сферам),

неравномерно развивающиеся регионы (присуща асимметричность развития сфер) и средние регионы с ухудшающейся позицией (уровень социально-экономического развития стабильно снижается).

Бесспорное лидерство среди регионов СЗФО принадлежит северной столице — г. Санкт-Петербургу. Это единственный регион, отнесённый к группе сильных. Он отличается высоким уровнем развития по всем трем сферам. Только в сфере развития экономики Санкт-Петербург занимает второе место, уступая Ненецкому АО (*табл. 3*).

Таблица 2. Ранговая оценка регионов СЗФО по уровню социально-экономического развития

Регион	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Среднее
Республика Карелия	8	6	7	10	11	8	7	9	9	10	10
Республика Коми	3	3	5	5	5	2	3	2	2	4	3
Архангельская область	4	8	3	8	5	5	10	8	3	8	7
Ненецкий авт. округ	10	10	3	10	4	8	9	10	11	9	9
Вологодская область	8	7	6	3	2	4	2	5	8	6	4
Калининградская	6	5	8	6	9	7	6	2	5	3	6
Ленинградская область	6	8	8	4	5	6	4	4	5	2	5
Мурманская область	2	2	2	2	3	2	5	7	3	5	2
Новгородская область	4	3	11	7	8	10	8	5	7	7	8
Псковская область	11	11	10	9	10	11	11	11	9	11	11
г. Санкт-Петербург	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1

Таблица 3. Ранговая оценка регионов СЗФО по уровню развития экономики

Регион	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Среднее
Республика Карелия	5	5	5	7	9	9	10	10	11	11	9
Республика Коми	4	3	2	3	3	1	3	3	3	3	3
Архангельская область	8	6	6	7	7	4	7	5	4	5	5
Ненецкий авт. округ	1	1	1	2	1	3	1	2	1	1	1
Вологодская область	6	6	7	5	3	4	5	7	9	9	6
Калининградская	7	6	8	9	8	8	8	5	7	8	8
Ленинградская область	10	10	9	6	6	6	4	4	5	4	7
Мурманская область	2	2	4	4	5	7	6	8	6	6	4
Новгородская область	9	9	10	10	10	10	9	9	8	7	10
Псковская область	11	11	11	11	11	11	11	11	10	10	11
г. Санкт-Петербург	3	4	3	1	2	2	1	1	2	2	2

Таблица 4. Ранговая оценка регионов СЗФО по уровню развития социальной сферы

Регион	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Среднее
Республика Карелия	10	10	6	8	11	5	5	4	6	7	8
Республика Коми	6	6	11	10	10	9	8	9	10	11	10
Архангельская область	8	7	6	4	5	9	10	10	8	7	9
Ненецкий авт. округ	11	11	4	11	4	8	11	10	11	10	11
Вологодская область	6	9	10	7	5	6	4	5	4	5	5
Калининградская	3	3	6	4	8	4	3	3	2	3	3
Ленинградская область	2	2	2	2	2	2	2	2	3	2	2
Мурманская область	4	5	3	3	3	3	5	7	7	4	4
Новгородская область	5	3	9	8	5	7	7	7	8	9	6
Псковская область	9	7	4	6	9	9	9	5	5	5	6
г. Санкт-Петербург	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1

В состав слабых регионов вошли Республика Карелия и Псковская область. Вместе с тем отличительной особенностью Псковской области является достаточно неплохое место по уровню развития социальной сферы – шестое.

Развитость этой сферы в депрессивном регионе обусловлена ранее сложившимися приоритетами прежде всего в распределении помощи из центра на социальные цели, благодаря чему даже слаборазвитые регионы имеют высокую обеспеченность (табл. 4).

Группа средних регионов с ухудшающейся позицией сформирована из двух регионов: Мурманской и Вологодской областей. Данные регионы показывают в течение рассматриваемого периода средний уровень развития как социальной, так и экономической сфер. При этом в последние годы положение этих регионов стабильно ухудшается.

Четвёртая группа – неравномерно развивающиеся регионы – является самой многочисленной по составу и объединяет регионы с асимметричностью социального и экономического развития. Сюда входят три северных и три несевверных региона: Архангельская область, Ненецкий АО, Республика Коми, Калининградская, Ленинградская и Новгородская области. При этом северные регионы занимают высокие места по развитию экономики, что объясняется наличием масштабного производства в сфере нефте- и газодобывающей промышленности, а развитие социальной сферы в этих регионах очень сильно отстаёт и вообще не соответствует ее экономическому потенциалу. Несевверные регионы, наоборот, характеризуются слабым экономическим развитием и достаточно сильной социальной сферой. Ленинградская область занимает

10 место по уровню развития социальной и экономической инфраструктуры, но это может быть объяснено тем, что она является областью вокруг федерального города, растущей за счет агломерационного эффекта (табл. 5).

Дифференциация регионов по уровню социально-экономического развития, особенности и неравномерность развития в них исследуемых сфер вызывают объективную необходимость выявления специфики инвестиционных процессов, протекающих в регионах.

Индикатором инвестиционной активности в регионах является показатель доли инвестиций в ВРП. Высокая активность привлечения инвестиционных ресурсов характерна для Архангельской области с входящим в ее состав Ненецким АО, Республики Коми, Ленинградской и Калининградской областей.

Высокое финансовое обеспечение инвестиционного процесса в первых трёх субъектах Федерации объясняет их лидирующее положение в сфере развития экономики. Достаточно высокая наполняемость инвестиционными ресурсами Ленинградской и Калининградской областей обеспечивает им высокие места по развитию социальной сферы (табл. 6).

Таблица 5. Ранговая оценка регионов СЗФО по уровню развития социальной и экономической инфраструктуры

Регион	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Среднее
Республика Карелия	5	3	9	9	10	8	5	8	5	4	8
Республика Коми	5	4	4	4	4	2	2	2	2	2	2
Архангельская область	2	8	4	10	5	4	8	5	5	8	6
Ненецкий авт. округ	11	10	11	11	11	11	11	11	11	10	11
Вологодская область	8	5	2	3	1	5	3	6	7	4	5
Калининградская	9	5	7	6	7	7	5	6	9	4	7
Ленинградская область	7	9	10	8	9	10	8	10	10	8	10
Мурманская область	3	5	2	4	3	2	4	4	4	7	4
Новгородская область	4	1	6	2	5	6	5	2	3	3	3
Псковская область	10	10	7	6	8	9	10	8	7	10	9
г. Санкт-Петербург	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1

Таблица 6. Удельный вес инвестиций в основной капитал в ВРП
(рассчитано автором на основе [4]), %

Регион	2000	2005	2006	2007	2008	2009	Среднее
РФ	20,3	20,0	21,0	24,0	25,5	24,7	21,8
Республика Карелия	22,7	19,8	21,5	18,3	19,4	17,6	21,3
Республика Коми	28,8	29,4	34,0	26,1	27,8	36,0	28,5
Архангельская область	16,9	28,7	40,9	48,6	44,1	20,4	30,1
в т.ч. Ненецкий АО	32,1	50,2	74,5	93,2	82,9	26,4	61,4
Вологодская область	12,4	31,3	32,7	32,6	24,2	26,1	23,6
Калининградская область	19,6	36,6	31,6	32,1	36,9	31,5	28,4
Ленинградская область	34,4	40,3	48,0	40,9	42,0	45,5	40,6
Мурманская область	13,0	15,1	15,5	14,1	21,1	20,5	16,1
Новгородская область	22,7	21,9	25,3	27,6	28,3	31,5	24,4
Псковская область	15,1	13,7	14,8	22,2	22,3	17,3	16,8
г. Санкт-Петербург	19,1	23,5	23,5	27,1	25,8	22,0	23,4

Новгородская область, также относящаяся к группе неравномерно развивающихся регионов, обладает развитой социальной и экономической инфраструктурой (занимает 3 место). Активное развитие этой сферы связано с увеличивающейся с 2004 г. долей инвестиций в ВРП.

Минимальное значение показателя доли инвестиций в ВРП характерно для Мурманской области, в экономическом развитии которой заметно снижение (7 место в 2005 году против второго в 2000 г.), и в последующие годы, вплоть до кризисного, область по данному показателю не поднималась выше 6 места.

В Вологодской области доля инвестиций в ВРП снижается, что в последние годы провоцирует, как уже отмечалось, ухудшение социально-экономического положения. Далее идут Псковская область и Республика Карелия. Невысокая обеспеченность инвестиционными ресурсами оправдывает их включение в группу слабых регионов.

По обеспеченности инвестиционными ресурсами г. Санкт-Петербург обладает средним показателем – 23,4%, при этом его принадлежность к сильным регионам объясняется в первую очередь особым статусом – «северная столица».

В большинстве регионов СЗФО преобладающими источниками обеспечения инвестиционной деятельности являются займы других организаций и средства вышестоящих организаций (табл. 7). В некоторых регионах они в совокупности значительно превышают не только альтернативные внешние источники финансирования, но и собственные ресурсы.

Ярким примером этого являются регионы-лидеры по привлечению внешних инвестиционных ресурсов – Архангельская область и Ненецкий АО. Преобладание в качестве основного источника капитала средств, перераспределяемых внутри нефинансового сектора (займы других предприятий/организаций и средства вышестоящих организаций), объясняет неравномерность развития в этих регионах социальной и экономической сфер (внешние инвесторы строго нацелены на экономические интересы, социальные процессы игнорируются).

Тесная зависимость активности инвестиционных процессов от средств вышестоящих организаций присуща практически всем северным регионам (исключение составляет Республика Карелия).

Таблица 7. Удельный вес прочих* источников в структуре финансирования основного капитала (рассчитано автором на основе [4]), %

	2000**	2005	2006	2007	2008	2009
Российская Федерация	7,2	16,5	18,5	18,4	20	26,1
Северо-Западный ФО	9,5	27,9	36,6	31,7	30,3	33,6
Республика Карелия	2,7	18,6	36,1	16,6	16,5	29
Республика Коми	6,7	54,7	47,1	24,7	28,1	48,2
Архангельская область	18,0	55,6	70,8	71,1	62,5	45,2
в т.ч. Ненецкий АО	56,7	58	76,8	82,8	73,8	59
Вологодская область	4,0	43,6	49,7	44,1	30,9	35,7
Калининградская область	2,1	13,2	25,6	23,5	26,9	51,9
Ленинградская область	19,6	29,5	44,8	43,6	46,1	53,4
Мурманская область	4,2	6,1	27,2	11,3	29,9	21,8
Новгородская область	0,6	27,6	24,4	25,1	29	34
Псковская область	3,1	9,6	8,7	8,1	8	11,1
г. Санкт-Петербург	4,9	7,5	8,4	10,5	11,0	12,3

* К прочим источникам отнесены займы других организаций и средства вышестоящих организаций.
** За 2000 г. данные о средствах вышестоящих организаций отсутствуют.

В регионах СЗФО рыночные источники не получили должного развития не только на начальных стадиях рыночных реформ, но и в исследуемый период. Особенно это касается эмиссии акций и облигаций.

Пассивность регионов округа в процессах привлечения финансовых ресурсов через выпуск ценных бумаг (исключение составляет Санкт-Петербург) можно объяснить скорее всего отсутствием надлежащего уровня информированности о возможностях фондового рынка как самих эмитентов (предприятий), так и потенциальных вкладчиков, а также неразвитостью в регионах инфраструктуры фондового рынка. Косвенным подтверждением последнего предположения является лидерство Санкт-Петербурга и прилегающей к нему Ленинградской области по привлечению ресурсов через эмиссию.

Поэтому среди рыночных источников основную долю составляют кредиты. Вместе с тем характерное для России повышение доли кредитования осуществляется в СЗФО замедленными темпами.

Наиболее активно привлекают кредитные ресурсы в инвестиционную сферу Республика Карелия, Калининградская область, Санкт-Петербург. В последние годы активизируется Псковская область.

Заметим, что три региона имеют особый статус (Санкт-Петербург – «северная столица», Калининградская область – особая экономическая зона, Псковская область – депрессивный регион [2]).

В целом для федерального округа характерно усиление роли бюджетного финансирования. Самый высокий удельный вес названного источника имеют Санкт-Петербург (северная столица) и Псковская область (депрессивный регион). Причём в Карелии практически половину бюджетных ресурсов составляют средства бюджета субъекта Федерации. Наличие значительного объёма бюджетных средств в пополнении инвестиций Псковской области определяет также достаточно неплохой уровень развития социальной сферы (табл. 8).

Таблица 8. Удельный вес бюджетного финансирования в структуре финансирования инвестиций в основной капитал, % [3]

Регион	2000	2005	2006	2007	2008	2009
Российская Федерация	22,0	20,7	20,2	21,5	20,9	21,8
Северо-Западный ФО	15,5	15,0	15,7	20,9	21,3	23,8
Республика Карелия	17,0	14,7	18,1	18,2	20,8	24
Республика Коми	6,8	5,9	5,5	7,3	6,7	4,6
Архангельская область	12,7	6,8	4,3	6,3	6,9	16,1
в т. ч. Ненецкий АО	3,4	3,7	1,8	2,1	2,5	7,2
Вологодская область	20	6,3	5	6,3	11,5	10,1
Калининградская область	13,9	18,3	21,4	15,3	21,2	29,9
Ленинградская область	12,5	7,3	12,9	7,2	12,4	17,1
Мурманская область	11,6	16,8	15,1	19,7	18,2	19,2
Новгородская область	7,6	10,6	6,3	7,9	12,2	21
Псковская область	39,6	21,1	19,2	26	21	28,8
г. Санкт-Петербург	22	28,5	32,1	43	39	39,8

Бюджетные средства и механизмы рынка активно проявляют себя и в Калининградской области, которая относится к неравномерно развивающимся регионам и отличается хорошо развитой социальной сферой. Новгородская область, тоже входящая в эту группу, обладает низкой долей привлечённых средств, что находит свое отражение в десятой позиции по уровню развития экономики.

Оценивая в целом сложившуюся в регионах структуру ресурсов, инвестируемых в общественное производство, можно говорить о том, что предприятия финансируются преимущественно за счёт собственных средств и средств родственных предприятий. Особенно это касается северных регионов (например, Республика Коми, Мурманская и Вологодская области), в которых основной объём прибыли (до 90%) формируют крупные градообразующие предприятия, входящие в структуру холдингов, управляющие компании которых зарегистрированы чаще всего вне региона. Последние, в свою очередь, не заинтересованы в осуществлении вложений в региональное развитие.

Соответственно основные финансовые ресурсы, заработанные на территории региона, выводятся из него. Это объясняет принадлежность Мурманской и Вологодской областей к средним регионам с ухудшающейся позицией по социально-экономическому развитию и неравномерность развития социальной и экономической сфер в Республике Коми.

Итак, изучение тенденций социально-экономического развития регионов СЗФО и специфики распределения ресурсов инвестиционной подсистемы свидетельствуют о том, что сильная экономика не всегда обеспечивает соответствующее развитие социальной сферы и, наоборот, развитая социальная сфера не всегда предполагает высокий уровень развития экономики. Другими словами, специфика и уровень социально-экономического развития региона определяется особенностями и интенсивностью протекающих в нем инвестиционных процессов.

Решение существующей проблемы замыкается в основном на урегулировании отношений между государственными органами власти и бизнес-структурами.

Привлечь крупный бизнес к решению проблем региона, на территории которого они функционируют, реально возможно лишь при принятии соответствующих законодательных актов (закон «О холдингах», узаконивание социальной ответственности и т.п.). Это, конечно же, уровень Федерации.

Для решения в регионе экономических и социальных проблем региональные органы власти прежде всего должны

ориентироваться на внутренние резервы увеличения объёма его инвестиционных ресурсов. Таким внутренним резервом являются сбережения населения. В ближайшей перспективе именно сбережения населения способны стать основополагающей базой для удовлетворения потребности в увеличении инвестиционных ресурсов и, как следствие, для решения основных социально-экономических проблем региона.

Литература

1. Методика составления рейтинга развития регионов / Дирекция по развитию ТРК «Петербург» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.5-tv.ru/rating/method.html#StatsData>
2. Кобылинская, Г.В. Финансовое обеспечение инвестиционных процессов в регионах Северо-Западного федерального округа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. – 191 с.
3. Федеральная служба государственной статистики – Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticCollections/doc_1138623506156
4. Федеральная служба государственной статистики – Центральная база статистических данных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi>

Опыт финансирования народного образования во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Вологодской губернии)

В статье рассматривается опыт финансирования народного образования во второй половине XIX – начале XX в. на территории Вологодской губернии. На основании историко-сравнительного метода исследования в статье сопоставляются объекты, формы, виды и источники финансирования начального образования. Исследование проблемы построено на анализе архивных источников и опубликованных делопроизводственных и статистических материалов.

Средства Государственного казначейства; земские сборы; сборы с сельских обществ; пожертвования частных лиц, церквей, монастырей; крестьянский сбор; уездные и губернские земские собрания и управы.

**Наталья Сергеевна
ВОРОТНИКОВА**

аспирант Вологодского государственного педагогического университета
NS_history@mail.ru

Появление в 2011 году в России ряда проектов и программ в сфере модернизации системы образования, таких, как проект «Модернизация систем общего образования», направленный на повышение заработной платы учителей, «Модернизация региональных систем общего образования», Федеральная целевая программа развития образования на 2011 – 2015 годы и приоритетный национальный проект «Образование» на 2011 – 2013 годы, говорит о том, что государство обеспокоено состоянием образования [1]. В российском обществе идёт интенсивный поиск наиболее приемлемых для современных условий форм и методов образования и воспитания. Осмысление ценного исторического опыта финансирования системы начального

образования России второй половины XIX – начала XX века (на основе материалов Вологодской губернии) даёт возможность сопоставить и проанализировать объекты, формы, виды и источники финансирования начального образования.

Исследование проблемы финансирования народного образования в Вологодской губернии построено на анализе таких источников, как законодательные акты центральных органов государственной власти, делопроизводственные материалы государственных и земских учреждений, ряд статистических источников и неопубликованных архивных материалов фондов Вологодской губернской земской управы и Вологодских Епархиальных ведомостей Государственного архива Вологодской области.

Во второй половине XIX – начале XX века государство принимало активное участие в обучении населения и считало целесообразным поощрение народного образования. В 1860-е годы на территории Вологодской губернии действовало четыре основных типа школ: «школы грамоты», церковно-приходские, земские школы, министерские двухклассные училища [19, с. 5]. Реформа 1864 года дала определённый толчок развитию начального образования. В значительной степени это было связано с деятельностью земств – органов местного самоуправления, на которое правительство переложило заботу о материальном положении школ, о распространении грамотности среди крестьянских детей (закон «О земских учреждениях» от 1 января 1864 года) [12, с. 12].

Свою деятельность земство начинало с развития и поддержания тех сельских школ (в основном церковно-приходских), в которых было заинтересовано население, и в зависимости от тех средств, которые взимались с крестьян на содержание школ и училищ, что составляло в середине XIX века 6 копеек с человека (равнялось 987 рублям). Земская школа, обязанная своим появлением органам местного самоуправления, существовала главным образом за их счёт, при непосредственной помощи государства и сельских обществ. Источниками финансирования земских школ являлись: средства из Государственного казначейства; земские сборы; сборы с сельских обществ; пожертвования частных лиц, церквей, монастырей; плата за учение (крестьянский сбор) и прочие источники [12, с. 12].

В связи с тем, что, согласно решению Государственного Совета от 11 февраля 1867 года, специальный училищный сбор с государственных крестьян прекращался и с 1871 года само земство было обязано принимать участие в обеспечении содержания училищ (Циркуляр МВД от 24 ноября 1867 года

и 21 декабря 1868 года № 21), прежде всего последнему пришлось позаботиться о поддержании уже существующих сельских училищ. Расходы земства на начальное образование были отнесены к числу необязательных, вследствие чего земства выдавали сначала пособия тем сельским обществам, которые содержали школы, и эти пособия не имели определённого назначения, использовались на выдачу «наград», то есть нерегулярных доплат к жалованью учителей [9, с. 256].

Постепенно, по мере нарастания активности уездных и губернских земств, стимулирования деятельности сельских обществ, сбора с крестьян на содержание школ и училищ (по 6 копеек с человека), число школ начало увеличиваться, что отразилось на количестве детей, посещающих школы. Количество грамотных в уездах составляло около одного человека на 100 неграмотных [3, д. 85, л. 5 – 11].

Данные о росте числа учащихся в Вологодской губернии за пять десятилетий представлены в *табл. 1*.

Как показывают данные таблицы, число учащихся постоянно увеличивалось. При этом за содержание начальных училищ в городах ответственность несли городские общества; сельские училища и школы содержались на средства уездного и губернского земств, частично на средства Министерства народного просвещения и сельских обществ. Небольшое число обучающихся девочек объясняется тем, что молодые крестьянки занимались в большей степени домашним хозяйством, воспитанием младших детей и из-за тягот быта не имели возможности посещать школы.

В 1871 году процесс открытия земских училищ наблюдался по всей Вологодской губернии. В среднем сумма на содержание одного начального училища равнялась 526 руб. в год, расходная часть этой суммы состояла из зарплаты законоучителю – 75 руб.; учителю наук – 350 руб.; учителю

Таблица 1. Рост числа учащихся в начальных школах Вологодской губернии за период с 1865 по 1913 год

Год обучения	Численность учащихся к началу учебного года		
	Мальчиков	Девочек	Всего
1865	7546	1111	8657
1874	8295	1161	9456
1875	8756	1143	9899
1876	8985	1341	10326
1877	9410	1443	10853
1878	9455	1646	11101
1879	10034	1750	11784
1880	10257	1906	12163
1881	10564	2077	12641
1882	10971	2095	13066
1883	11739	2139	13878
1903	15040	4196	19236
1904	13312	4070	17382
1905	16349	5258	21607
1907	17298	5496	22794
1909	20939	6745	27684
1910	23754	8423	32177
1911	-	-	35943
1912	-	-	40866
1913	31396	12667	44063

Таблица составлена по: Памятная книжка Вологодской губернии на 1865 – 1866 гг. – Вологда, 1866. – С. 102; Начальное образование в Вологодской губернии по сведениям 1898 – 1899 гг. – Т. 2. – Ярославль, Вологда, 1902. – С. 7, 81, 90; Лосев С. О низших учебных заведениях Вологодской губернии за 1910 г. – Архангельск, 1911. – С. 74.; ГАВО. – Ф. 34. – Д. 1071. – Л. 7; Журналы Вологодского губернского земского собрания. Доклады управы по народному образованию за 1870 год. – Вологда. – С. 173-174; Текущая школьная статистика Вологодского губернского земства. – Вологда, 1904. – Выпуск 1. – С. 4-24; 1905. – С. 7; 1906. – С. 4; 1908. – С. 6; 1910. – С. 6; 1911. – С. 6; 1912. – С. 5; 1913. – С. 6; 1914. – С. 6; Краткий статистический очерк учебно-образовательного дела за 1892 г. // Памятная книжка Вологодской губернии на 1893 – 1894 годы. – С. 137-140.

ремесла – 50 руб., расходов «на классные хозяйственные нужды» – 30 руб., расходов «на отопление и освещение» – 21 руб. Часть суммы, а именно 226 руб., ежегодно отпускало Министерство народного просвещения, остальные ресурсы (300 руб.) базировались на вложениях земства и сельских обществ [14, с. 180]. Данные суммы показывают, насколько высоким являлся социальный и материальный уровень педагога, ведь учителю в год хватало 345 руб. на питание, обувь, одежду, поездки и поддержку родственников [17, с. 16]; кроме того, земства принимали участие в жизни педагогов путём предоставления им квартир и квартирных денег (приблизительно 67 руб. в год), а сельские общества – путём несения хозяйственных расходов [4].

Данная система просуществовала до середины 1890-х годов, когда земские училища стали содержаться на совместные средства сельских обществ и земств, при непосредственной помощи государства. В течение 1890-х годов земства вынуждены были брать все расходы на себя при поддержке их государством [9, с. 370]. Вологодская губерния по степени участия казны в содержании начальных народных училищ занимала среди 34 губерний 22 место (19%) [12, с. 237].

Забота о нуждах земских школ распределялась между местными органами самоуправления – уездными и губернскими земскими собраниями и управами. Вообще, положение земских училищ было лучше по сравнению с другими типами школ, что

находит подтверждение в отчётах уездных земских управ. Из отчётов следует, что в училищах была выше заработная плата преподавателей, разнообразнее учебно-вспомогательные пособия, более приспособленные для учебного процесса помещения и т.д. Согласно положению 1874 г., фактически руководителями народной школы стали инспекторы народных училищ, которым было предоставлено право назначать и увольнять учителей [2, с. 183].

С 1871 года расходы Вологодского губернского земства на содержание начальных школ ежегодно закладывались в его бюджет, главным источником которого было обложение налогами недвижимого имущества: земель, домов, промышленных и торговых заведений. Источниками земских доходов были также пособия от казны на развитие начального образования, «зачёты» (свободная наличность земских сумм, не имеющих определённого назначения), сборы с документов на право торговли и промыслов [5].

За восемь лет (1873 – 1881) процент, ассигнуемый на начальное образование, по отношению к общим расходам губернского земства составлял 5,4. С 1881 по 1897 год земство выделяло только 1,7% средств на начальное образование, что объясняется фактом поддержки средних учебных заведений, имевших общегубернское значение, а забота о начальном народном образовании возлагалась на уездные земства (табл. 2).

Однако позиция губернского земства несколько изменилась, и 27 февраля 1897 года оно возбудило ходатайство о принятии на средства казны некоторых расходов для того, чтобы освобождавшиеся суммы были обращены на усиление средств народного образования. В 1899 году учреждается «особый капитал» на нужды народного образования в губернии путём отчисления процентов от губернского запасного капитала [13, с. 254].

Распределение обязанностей на содержание начальных школ между сельскими обществами и уездными земствами произошло с 70-х годов XIX века. С этого времени крестьяне начали строить школы, обустройства или нанимать помещения для них, содержать сторожей; а за земствами закрепились такие обязанности, как снабжение школ учебными пособиями и руководствами, содержание педагогического персонала, устройство школьных библиотек.

Но с 1880 – 1890-х годов земские учреждения постепенно вынуждены были брать эти функции на себя. Процесс увеличения во второй половине XIX века расходов уездных земств на начальное образование представлен в табл. 3.

Из анализа данных расходов следует, что за период с 1871 по 1898 год расходы уездных земств на народное образование увеличились в 7,3 раза, тогда как общая смета расходов – лишь в 4,6 раза.

Таблица 2. Расходы Вологодского губернского земства на начальное образование (1873 – 1897 гг.)

Год	Всего расходов, руб.	В том числе расходов на начальное образование, руб.	Удельный вес расходов на начальное образование к общим, %
1873	35300	3500	9,9
1875	73676	2900	3,9
1880	109323	4650	4,3
1885	112720	2980	2,6
1890	124976	1380	1,1
1895	165301	2680	1,6
1897	326702	3230	1,0

Таблица составлена по: Начальное образование в Вологодской губернии по сведениям 1898 – 1899 гг. – Т. 2. – Ярославль, Вологда, 1902. – С. 63.

Таблица 3. Расходы уездных земств на начальное образование (1873 – 1910 гг.)

Год	Всего расходов, руб.	В том числе расходов на начальное образование, руб.	Удельный вес расходов на начальное образование к общим, %
1873	364309	42600	11,7
1875	480309	69756	14,5
1880	666654	90512	13,6
1885	802555	117645	14,7
1890	840497	135148	16,1
1895	1181135	127612	10,8
1905	-	259563	-
1910	-	592765	-

Таблица составлена по: Начальное образование в Вологодской губернии по сведениям 1898 – 1899 гг. – Т. 2. – Ярославль, Вологда, 1902. – С. 77, Приложение; Текущая школьная статистика Вологодского губернского земства. – Вып. 3. – Вологда, 1906. – С. 19; Вып. 7. – 1909; Вып. 8. – 1910. – С. 100.

Таблица 4. Суммы, перечисляемые уездными земствами на содержание земских школ (1888 – 1898 гг.)

Год	Уезд										
	Вологодский	Вельский	Грязовецкий	Кадниковский	Никольский	Сольвычегодский	Тотемский	Усть-Сысольский	Устюжский	Яренский	Общая сумма
1888	12801	-	6572	9106	-	12337	11356	9956	15855	-	77983
1890	10817	-	6458	8522	-	10925	11113	13494	11791	-	73120
1895	10192	-	8688	11399	16480	2500	13247	14484	4588	-	81578
1897	12997	-	15731	13891	16061	4980	13245	18243	5163	-	100311
1898	17206	11471	15780	19425	27095	5170	13275	17636	9230	-	136288

Таблица составлена по: Журналы Вологодского уездного Земского Собрания чрезвычайных заседаний. – Вологда, 1907. – С. 5; ГАВО. – Ф. 34. – Оп. 1. – Д. 453. – Л. 58.

В 80-х годах XIX века Вологодским земством была предпринята попытка удешевления содержания школ за счёт их передачи епархиальному училищному совету. Например, в 1885 году 6 училищ и 21 церковно-приходская школа согласно постановлениям земских собраний Вельского, Вологодского, Грязовецкого, Кадниковского, Никольского, Сольвычегодского, Тотемского, Устьсысольского, Устюжского и Яренского уездов были переданы епархиальному ведомству [3, д. 453, л. 58]. Подобный поступок был продиктован стремлением земских учреждений сократить расходы на содержание школ и училищ,

так как земства не были заинтересованы в развитии земской школы и не пытались конкурировать с епархиальными школами.

Но ситуация вскоре изменилась, что отразилось на суммах, которые земские учреждения выделяли на содержание земских школ [12, с. 77]. Данные о суммах, которые отпускались уездными земствами на содержание земских школ, представлены в *табл. 4*.

Увеличение земского бюджета на содержание школ в 1897 году в Вологодском, Грязовецком и Кадниковском уездах произошло вследствие открытия новых земских училищ.

Прирост средств бюджета в Устьысольском уезде объясняется их перечислением на строительство школьных зданий, уменьшение средств в 1890 году в Устюгском и Сольвычегодском уездах – передачей земских школ духовному ведомству. Резкое понижение расходов на начальное образование в Никольском уезде в 1895 году произошло из-за того, что земские сметы утверждались администрацией, так как земских собраний в этом уезде не проводилось.

Итак, уездные и губернские земства, содержавшие начальные школы, перечисляли средства на земские школы, финансировали церковно-приходские школы и школы грамоты, поддерживали министерские училища и частные школы. В результате за период с 1905 по 1915 год общее количество школ и училищ в Вологодской губернии возросло на 564.

Таким образом, развитие начального образования в губернии сопровождалось улучшением материального положения земских школ, основными источниками дохода которых на протяжении их существования оставались органы местного самоуправления и государство.

Реорганизации, проводимые в школьном деле, призваны объединить в целостном культурном пространстве центр и регионы. Специального внимания на этапе обновления современной системы образования заслуживает исторический опыт финансирования начального образования, к которому следует обратиться, ведь на развитие народного образования в деревне были направлены все силы органов местного самоуправления, безвозвратные пособия, ссуды государственного казначейства и общественная инициатива.

Литература

1. 120 млрд. рублей будет дополнительно направлено на модернизацию школьного образования в 2011 – 2013 годах [Электронный ресурс] // Сайт Министерства образования и науки Российской Федерации. – Режим доступа: <http://mon.gov.ru/press/reliz/8398/>
2. Белоконский, И.П. Обзор деятельности земств по народному образованию за 1899 год / И.П. Белоконский // Русская школа. – 1900. – № 1. – С. 183.
3. ГАВО (Государственный архив Вологодской области). – Ф. 34. – Фонд Вологодской губернской земской управы. – Оп. 1. – Д. 453. – Л. 58; Д. 1624. – Л. 25; Д. 85. – Л. 5-11.
4. ГАВО. – Ф. 465. – Фонд Вологодского епархиального училищного совета. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 4.
5. Доходы и расходы земств 34-х губерний по сметам на 1911 год. – СПб., 1913.
6. Ежегодник Вологодской губернии на 1912 год. – Вологда, 1911.
7. Ежегодник Вологодской губернии на 1914 год. – Вологда, 1913.
8. Лосев, С. О низших учебных заведениях Вологодской губернии за 1910 год / С. Лосев. – Архангельск, 1911. – С. 74.
9. Медынский, Е.Н. История русской педагогики до Великой Октябрьской социалистической революции / Е.Н. Медынский. – М.: Госиздат, 1938. – 512 с.
10. Народное образование в Вологодской губернии: Ежегодник Вологодской губернии. – Вологда, 1911.
11. Народное образование в земствах. – М., 1914.

12. Начальное образование в Вологодской губернии по сведениям 1898 – 1899 года. – Т. 2. – Ярославль, Вологда, 1902. – 161 с.
13. Начальное образование в Вологодской губернии // Северный край. – 1899. – № 119.
14. Отчёт Вологодской уездной земской Управы за время с 5-го февраля по 1-е сентября 1870 года 2-му очередному Земскому Собранию. – Вологда, 1870.
15. Памятная книжка Вологодской губернии на 1865 – 66 гг. – Вологда, 1866.
16. Полное собрание законов Российской Империи, по велению Государя Императора Николая Павловича составленное. – Собрание Второе в 55 томах. – Том 49. – Отделение 1, 1874 г., № 52982 – 53684. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1876. – 949 с.
17. Русский учитель. – 1912. – № 1. – С. 16.
18. Текущая школьная статистика Вологодского губернского земства. – Вологда, 1904. – Вып. 1; Вологда, 1910. – Вып. 8; Вологда, 1909. – Вып. 7.
19. Успенский, М.И. Начальное народное образование в Санкт-Петербургском учебном округе: стат. очерк / М.И. Успенский // Вопр. нар. образования. – 1913. – № 14/15 (нояб. – дек.). – С. 3-53.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

УДК 330.342.14(470)

© Безнин М.А.

© Димони Т.М.

Победа капитализма в России: история и мифы

В статье предлагается трактовка развития советского общества в контексте процесса капитализации с соответствующими социально-классовыми изменениями (становлением новых классов). Постсоветское время, по мнению авторов, сопряжено с утратой накопленного нашей страной капитала — декапитализацией.

Капитализм, СССР, Россия, капитализация, классы, декапитализация.

**Михаил Алексеевич
БЕЗНИН**

доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, проректор по научной работе Вологодского государственного педагогического университета
beznin@uni-vologda.ac.ru

**Татьяна Михайловна
ДИМОНИ**

доктор исторических наук, профессор Вологодского государственного педагогического университета
dimoni@pochta.ru

Вопрос о стратегии развития России является одним из наиболее обсуждаемых в современном обществе. В частности, в статье М.В. Селина, опубликованной в данном журнале в 2011 г. [1], высказываются верные, на наш взгляд, мысли о модернизации общественного сознания, связанной с изменением, в частности, мировоззрения в отношении экономических доминант России.

В этой связи хотелось бы предложить читателям журнала поразмышлять над новой конструкцией исторических представлений о развитии России в XX — начале XXI века.

Внедрение в общественное сознание мифологизированных представлений о прошлом (чаще — сознательное) — одна из основополагающих черт политической деятельности.

Таким современным мифом является представление об этапах эволюции капитализма России в XX – начале XXI века. В образовании, массовой медийной пропаганде утвердилось мнение: до 1917 г. Россия была капиталистической (хотя и с пережитками феодализма), с 1917 по 1991 г. в ней был уничтожен капитализм и построен социализм, а с 1991 г. вновь возродился капиталистический тренд. Политики, а за ними и пропаганда в зависимости от степени «правизны – левизны» расставляют плюсы и минусы этим историческим отрезкам. Часть из них «любит» первый и третий «капиталистические» отрезки, часть – второй, «социалистический».

Был ли в России капитализм до 1917 года?

Был. Но вывод о его господстве не однозначен. Большая часть населения страны (свыше 80%) жила в деревне, вела преимущественно натуральное хозяйство, трудилась семьей (так называемая семейная трудовая кооперация), орудия и средства производства почти все были собственного изготовления. Питались в основном тем, что производили, с рынком были слабо связаны. В общем, в деревне продолжалась традиционная крестьянская жизнь со всей ее рутинностью.

Конечно, промышленность, банковский капитал развивались, однако не они были экономической доминантой. В национальном доходе Российской империи промышленная часть экономики занимала в 1913 г. 29% (данные А. Вайнштейна) [2]. В целом в России господствовало аграрное общество, малокапитализированная (с низким количеством капитала) экономика. Социальная структура вполне соответствовала этому докапиталистическому типу хозяйствования.

Как советская власть построила государственный капитализм

Если понимать капитал как созданный человеком производственный ресурс

(здания, машины и механизмы, финансовые активы, производственная инфраструктура и т.д.) [3], то его увеличение было главной государственной заботой советского времени. После нэповской нерешительности 1920-х гг. нашей стране для создания индустриального общества пришлось пойти на жертвы массивного первоначального накопления капитала. Этот жесткий и трагичный период в истории России принято называть «коллективизацией». В 1930-е гг. в деревне был в основном свернут индивидуальный крестьянский тип хозяйствования. Материальные и трудовые ресурсы сельского хозяйства были направлены на создание товарных предприятий (колхозов, совхозов), через которые и шло выкачивание средств для создания индустрии.

Удивительность и уникальность советского опыта построения госкапитализма в том, что государство мобилизовало для модернизации ресурсы аграрного (феодалного) общества и в течение 30 лет (!) удерживало русскую деревню в низкокапитализированной экономике. В 1930 – 1950-е гг. в России был восстановлен механизм крестьянских повинностей, знакомых крестьянам в течение нескольких веков (отработочных, продуктовых, денежных), у колхозников были отобраны паспорта, но осталась «своя» земля – в виде приусадебного участка [4].

Как только в городе, в промышленности, создание индустриального общества было завершено, – деревня была «раскрепощена». В 1958 г. были ликвидированы крестьянские повинности, в 1960-е гг. деревня была переведена на зарплаты, в 1970-е гг. – паспортизирована. Тогда же, с 1960-х гг., капитал (прошлый труд) стал основной силой в производстве аграрной продукции. Колхозы и совхозы работали с крупной машинной техникой, получали государственные финансовые вливания,

участвовали в государственных программах мелиорации, химизации и т.д. В 1980-е гг. даже в производстве аграрного продукта на 80% работал капитал и только на 20% — живой труд [5]. А это и есть главный показатель произошедшей капитализации — процесса, при котором капитал «поглощает» другие факторы производства; в себестоимости аграрного продукта основное место начинает занимать промышленная составляющая; товаризация охватывает средства производства, рабочие руки, продукт труда; разрушается замкнутость хозяйственного уклада; снижается роль природных факторов в аграрном секторе.

Был ли социализм?

А был ли социализм при государственном капитализме? Отчасти, да. В руках идеологов и прагматиков госкапиталистического строительства в СССР он был методом управления. В головах верящих коммунистов — их идеологией. Советские люди считали, что социализм — это равенство и братство, национальная терпимость, бесплатность образования и медицины и другие социальные блага. Социалистичность советской политики, несомненно, присутствовала и заключалась в перераспределении национального дохода через фонды общественного потребления. Социализм был яркой, красивой теорией и пропагандистской оболочкой для решения очень прагматичных задач — госкапиталистического преобразования нашей страны.

Новые классы советского буржуазного общества

При российском государственном капитализме в социальном устройстве сложилась отнюдь не «трехчленка» (рабочий класс, колхозное крестьянство и прослойка — интеллигенция). Удары по этим представлениям были нанесены еще в советское время.

Во второй половине XX века советские социологи стали фиксировать у управляющего слоя признаки усиления функций собственников (особенно распоряжения и пользования).

Выпестованный в жертвах и лишениях социально-экономический строй — госкапитализм — потребовал полного реструктурирования общества, рождения других, новых классов. В госкапитализированном советском обществе таких классов сформировалось как минимум пять.

Во-первых, это протобуржуазия — класс-предшественник буржуазии, который занял основное место в реализации прав собственности, но функционировал в условиях разделенного права собственности. Костяк этого класса составляла партийная и государственная номенклатура, директора заводов, совхозов, председатели колхозов.

Второй класс госкапиталистического советского общества — менеджеры, управленцы и распорядители ресурсов (руководители среднего звена, начальники цехов, бригадиры, управляющие отделениями совхозов, главные бухгалтеры).

Третьим классом стали интеллектуалы (собственники знаний и квалификаций — инженеры, зоотехники, агрономы), четвертым — рабочая аристократия (квалифицированные рабочие промышленности и сельского хозяйства, работавшие на машинах и механизмах и переносившие прошлый труд в стоимость продукта).

Пятым классом при советском государственном капитализме был пролетариат (основной характеристикой его была отдаленность от собственности и власти, неквалифицированный ручной труд) [6].

Это классовое деление было характерно для всех сфер социума — городской и деревенской. Новые классы в советское время не только зародились, они законодательно и в правовом плане разграничились и даже начали классовую борьбу.

Каждый из социальных классов советского госкапитализма обладал специфическим местом в отношениях собственности, самосознанием, социально-психологическими характеристиками.

А что мы строим после 1991 года?

Вопреки господствующему представлению о переходе в постсоветское время к капиталистическому устройству, статистика фиксирует как раз процесс сокращения капитала и декапитализации (снижение роли капитала в производстве продукта, качественное ухудшение его состава) в течение последних двух десятилетий.

Только за 1990-е годы продукция машиностроения России сократилась в 6 раз, капиталовложения в сельское хозяйство — в 35 раз и т.д. [7]. И сейчас капитал уходит из реальной экономики, в частности за границу, в 2011 г. его отток составил 80 млрд. долларов [8]. Разрушены отрасли — символы капитализированной экономики: машиностроение, станкостроение и т.п.; происходит деградация интеллектуального капитала, его бегство из страны.

По масштабам преобразований, темпам развития и накопления капитала, структуре производства, уровню развития человеческого потенциала именно советское время явилось периодом построения государственного капитализма, а последовавшие за ним «капиталистические реформы» — временем декапитализации России.

P.S.

Советская история показывает, что в России наиболее успешно движение вперед (а в мировой истории оно связано с накоплением капитала и его работой в производстве) развивается в государственно-капиталистическом варианте. Мысли о роли государства в российском прогрессе — совсем не открытие. Об этих цивилизационных особенностях нашей страны, связанных с климатом, огромной терри-

торией, сухопутными границами и часто враждебным окружением, писали еще историки XIX века. Нельзя не упомянуть и об известных особенностях общинной ментальности россиян, исторических судьбах складывания нашей государственности — в боях с иноземцами.

Большая специфика России приводит к невозможности принять здесь без существенных поправок западную модель капитализма. Не случайно свободно-рыночные отношения в советское время были ограничены плановым вариантом развития экономики. Это проистекало не только из идеологии отрицания рынка (кстати, в СССР рынок-то был, хотя многие сегодня не хотят этого признавать), но имело серьезные экономические резоны в большой многоукладной стране и позволяло смягчить кризисы, неизбежные для капиталистической экономики.

Конечно, неправильно призывать к полному огосударствлению российской экономики, особенно секторов, позволяющих удовлетворить потребительский спрос населения. Но при всем значении ухода государства из экономики последних двух десятилетий у России есть неотложная потребность восстановления в приоритетных отраслях хозяйства государственно-капиталистической модели развития. К этому побуждают как особенности нашей страны, так и современные процессы глобализации, которые почти заменили так называемую «свободную конкуренцию» жестким диктатом интересов получения наивысшей капиталистической прибыли.

В руках нашего государства должны быть сосредоточены основные капиталобразующие и наукоемкие отрасли, что позволит направить концентрированные ресурсы на фактически повторную

(восстановительную) индустриализацию и создание постиндустриальной модели. Только государственная, а не частная или олигархическая воля может изменить гало-пирующую эволюцию страны в сторону сырьевой и виртуальной (спекулятивной) экономики.

Интересы отдельных российских капиталистов и их альянсов, а тем более зарубежных инвесторов, как показывает нынешний и прошлый опыт России, не могут создать здоровое экономическое пространство, а значит, осуществить задачи общественного прогресса.

Литература

- [1] Селин, М.В. Роль экономической науки в эволюции общественного сознания / М.В. Селин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 3. – С. 155-161.
- [2] Вайнштейн, А. Народный доход России и СССР: история, методология, исчисления, динамика / А. Вайнштейн. – М.: Наука, 1969. – С. 68.
- [3] См. подробнее: Безнин, М.А. Капитализация в российской деревне 1930 – 1980-х годов / М.А. Безнин, Т.М. Димони. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – С. 11-28.
- [4] Безнин, М.А. Повинности российского крестьянства в 1930 – 1960-х годах / М.А. Безнин, Т.М. Димони, Л.В. Изюмова. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2001.
- [5] Безнин, М.А. Капитализация в российской деревне 1930 – 1980-х годов / М.А. Безнин, Т.М. Димони. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – С. 87.
- [6] Безнин, М.А. Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930 – 1980-х гг. / М.А. Безнин, Т.М. Димони // Социс. – 2011. – № 11. – С. 90-102.
- [7] Белая книга: экономические реформы в России 1991 – 2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.situation.ru/app/rs/books/whitebook/whitebook_content.htm
- [8] Парфентьева, И. Отток капитала из России составил 80 млрд [Электронный ресурс] / И. Парфентьева // Коммерсантъ-Online. – 2011. – 30 нояб. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1827579>

Summary

Fadeev A.M., Cherepovitsyn A.E., Larichkin F.D.

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF A NEW EXTRACTIVE REGION IN THE OIL AND GAS PROJECT ACTIVITY ON THE ARCTIC SHELF

The article deals with the questions of sustainable development of a new extracting region during hydrocarbon field development. Balance of interests and minimizing of the contradictions between state, oil and gas companies and local communities in the oil and gas project activity define the progressive and balanced economic development of the new extracting region.

The authors show the social and economic approaches for hydrocarbon field development taking into account the foreign experience of natural resources exploitation. The article also covers the questions related to the interaction between the state and oil and gas business and the creation of effective control strategy for hydrocarbon resources development in the new oil and gas extracting region.

Key words: sustainable development, oil and gas industry, shelf, hydrocarbon resources, social and economic effects.

Babich L.V., Leonidova G.V.

PRIVATE PUBLIC PARTNERSHIP IN EDUCATION: A MODEL OF HUMAN CAPITAL MANAGEMENT

The article considers the issues of human capital use management as one of the most important fictitious assets which provides economic transition to the innovative way of development. The model of cooperation between regional authorities, business and higher educational establishments on the basis of private public partnership is proposed in the article. The implementation of the model will make it possible to provide prospective needs of innovative economy in highly skilled personnel in advance.

Key words: human capital, human capital use, private public partnership in education, higher professional education, personnel training.

Ivanov V.A.

SUSTAINABLE AGRICULTURAL SECTOR DEVELOPMENT OF THE NORTH ZONE: STATE, FACTORS, DIRECTIONS

The paper analyzes the sustainability of agriculture in the northern territories of the pre-reform and transition period. It shows the impact of the agrarian reform on the dynamics of crop and livestock production, changes in production capacity, considers the indicators of food consumption by the population of territories of the North, the financial condition of agricultural organizations. It estimates the impact of the priority national project “Development of Agriculture” on the sustainability of the agricultural sector. It reveals the factors and conditions that constrain the sustainable development of agriculture. The package of measures is offered to ensure sustainable development of the agricultural sector, including the updating of agricultural legislation, modernization of production through the application of new technologies, increasing state support for agricultural producers.

Key words: stability, sustainable development, agriculture, market transformation, innovations, state support, the North.

Pechatkin V.V.

**FORMATION AND DEVELOPMENT OF CLUSTERS IN RUSSIAN REGIONS:
KEY ISSUES AND SOLUTIONS (Republic of Bashkortostan)**

The paper gives substantiation for the implementation of cluster policy in Russia as the key way of increasing the competitiveness of the country. The analysis of foreign and domestic experience of cluster formation was carried out. The concept of cluster supporting framework of the regions of Russia, considering clusters as a node element of the economy and promoting the binding of disparate elements of economic space, is proposed. The algorithm for implementation of cluster policy in the regions of Russia is proposed. The experience of its practical implementation in the Republic of Bashkortostan is given.

Key words: competitiveness, cluster, competitive advantages, potential clustering of regional economy, tools for clustering.

Shabunova A.A.

**SOCIAL AND CULTURAL PORTRAIT OF THE REGION IN THE CONTEXT
OF CHANGES DURING 2008-2010**

The article considers the social and cultural transformation of the region, which appeared in the crisis period of 2008-2010. The study based on data of empirical analysis shows the changes in social well-being and social structure, value motivations of the region inhabitants. It identifies positive and negative aspects of social and cultural shifts in the regional development during the global financial crisis.

Key words: impact of the crisis, social and cultural changes, social well-being, stratification of the population, basic values.

Toropushina E.E.

POLICY PRIORITIES IN THE HEALTH PROTECTION SECTOR OF A NORTHERN REGION

The article is devoted to the modernization of the health of a northern region (the example of the Murmansk Oblast) and the promising directions of implementing its own policies in the health protection sector at a regional level. The article gives the analysis of the medical and demographic situation in the Murmansk Oblast, as well as the main priorities of the modern regional policy in the health protection sector. It identifies the priority directions of the policy in this sector, requiring implementation at federal, regional and local levels.

Key words: medical and demographic development, health protection, public policy.

Kurikov V.M., Bessonova T.N.

**SUBSTANTIATION OF THE PRIORITIES OF THE REGIONAL OIL-AND-GAS
COMPLEX DEVELOPMENT**

The development of the oil and gas extracting regions is mainly determined by evolution of the development of the resources of hydro-carbonic raw material. Consideration of the prospects of the mentioned territorial formations allows maximizing social and economic benefits of the oil and gas extracting. In the article the features of functioning of the base sector of the northern raw region are analyzed. The criteria are offered and the prior directions of the development of the regional oil-and-gas complex are determined.

Key words: oil and gas extracting region, regional oil-and-gas complex.

Touinova S.S.

CHALLENGES AND OPPORTUNITIES OF LIFELONG LEARNING IN THE FIELD OF ENERGY EFFICIENCY AND NEW ENERGY

The article deals with the concept of lifelong learning (LLL concept), which is used widely in the developed countries. It reflects the reasons for the concept's introduction in the field of energy efficiency and new energy in modern Russia as well as the advantages, opportunities and challenges of its adoption. The research contains the materials of foreign expeditions for the period from 2010 to 2011. The article also deals with the estimation of the legislative and regulatory basis for housing and energy-efficient policy. It is concluded that it is possible to develop the vast national potential in the field of new energy and energy efficiency by the introduction of the Life-Long Learning concept.

Key words: national potential, new energy, lifelong learning.

Avetisyan I.A.

THE BUDGET PROCESS AS A TOOL FOR MANAGING THE PUBLIC AND MUNICIPAL FINANCES

The article considers some current urgent issues of organizing the budget process as an essential tool for managing the public and municipal finances. Relying on the analysis of the world experience of budgeting process the author shows both its common features and its peculiarities in different countries. It is proved that it is during the budgeting process one can reveal ways to improve the management of public and municipal finances, as by virtue of its multi-faceted and multi-dimensional nature the budgeting process permeates all areas of fiscal activity of public and municipal authorities. Performing a detailed analysis of issues of improving the budget process in different countries, including Russia, the author emphasizes that it is in a constant and continuous in accordance with changes in the economic, social and financial policy of the state at a particular stage of development of the country. Considering the main directions of reforming the budget process in the Russian Federation on some controversial issues, in particular on determining the place and the role of local budgets in the general system of the country's budget process, on using some new methods in budget planning and forecasting and others, the author substantiates and offers his own point of view. In author's opinion, further improving the quality of management of public and municipal finance depends largely on the successful solution of the issues on improving the budget process in the country.

Pechenskaya M.A., Uskova T.V.

TOPICAL ISSUES OF THE IMPROVEMENT OF INTERGOVERNMENTAL DEALINGS IN THE SYSTEM OF LOCAL GOVERNMENT

The intension of "intergovernmental dealings" is expounded in the article. It deals with the main problems of intergovernmental dealings in the system of local self-government, which is a fundamental element of the budget system in the Russian Federation. It is difficult to transform the budget sphere of the country without strengthening of it. It is shown that the real local self-government in Russia is determined by the provision of municipalities with their own financial assets. The authors have analyzed the actual state of the financial relationship between the bodies of state power and local self-government. They have outlined a set of measures aimed at the improvement of intergovernmental dealings at the municipal level.

Key words: finance, intergovernmental dealings, municipal level of budget system, own revenue, transfers.

Chapargina A.N.

INFLUENCE OF INVESTMENT SUBSYSTEM ON THE REGION'S SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

The article contains the analysis of socio-economic development of the regions by a ranking method. The author has proved the influence of the investment processes on the level of the region development and has revealed the relationship between the specific allocation of the investment subsystem resources and the level of the region development. The methods of statistical analysis are used in this study, and the information basis of the study is statistical materials of the Federal State Statistics Service.

Key words: region, investment subsystem, socio-economic development, financing of fixed capital, investment resources.

Vorotnikova N.S.

THE PRACTICE OF NATIONAL EDUCATION FINANCING IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY - THE BEGINNING OF THE XX CENTURY (BASED ON THE MATERIALS OF THE VOLOGDA PROVINCE)

The article deals with the practice of the financing of public education in the Vologda province in the second half of the XIX century - the beginning of the XX century. The article, basing on the historical-comparative approach compares the objects, forms, types and sources of the financing of primary education. The study of the problem is based on the analysis of the archival materials and published record management and statistical documents.

Key words: the Treasury assets, zemstvo (territorial) levy, levy from rural communities, donations from private individuals, churches, monasteries; peasant levy, provincial and district zemstvo Assemblies (zemskeye sobraneye) and Councils (zemskeya Uprava).

Beznin M.A., Dimony T.M.

THE VICTORY OF CAPITALISM IN RUSSIA: HISTORY AND MYTHS

Interpretation of development of Soviet society in the context of the capitalization with appropriate social and class changes (the emergence of new classes) is suggested in the article. Postsovetsky period, according to the authors, is associated with the loss of the accumulated capital of our country or decapitalization.

Key words: capitalism, Soviet Union, Russia, capitalization, classes, decapitalization

Сведения об авторах

Аветисян Ишхан Арташович	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
Полное название организации – места работы	Вологодский государственный технический университет
Занимаемая должность	Профессор кафедры «Финансы и кредит»
Служебный тел./факс	8 (8172) 53-17-54
E-mail	
Почтовый адрес организации	160000, Россия, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15
Бабич Любовь Васильевна	
Учёная степень	
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение «Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет», филиал в г. Вологде
Занимаемая должность	Директор
Служебный тел./факс	8 (8172) 72-24-47 / 72-24-47
E-mail	scorpio.1973@mail.ru
Почтовый адрес организации	160009, Россия, г. Вологда, ул. Мальцева, д. 39
Безнин Михаил Алексеевич	
Учёная степень	Доктор исторических наук
Учёное звание	Профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации
Полное название организации – места работы	Вологодский государственный педагогический университет
Занимаемая должность	Проректор по научной работе, заведующий кафедрой отечественной истории
Служебный тел./факс	8 (8172) 72-52-50
E-mail	beznin@uni-vologda.ac.ru
Почтовый адрес организации	160017, Россия, г. Вологда, пр. Победы, д. 37
Бессонова Татьяна Николаевна	
Учёная степень	
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	ГОУ ВПО «Югорский государственный университет»
Занимаемая должность	Ст. преподаватель
Служебный тел./факс	8 (3467) 35-77-89 / 35-77-89
E-mail	T_Bessonova@ugrasu.ru
Почтовый адрес организации	628011, Россия, ХМАО-Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16
Воротникова Наталья Сергеевна	
Учёная степень	Аспирант ФГБОУ ВПО ВГПУ
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Вологодский государственный технический университет
Занимаемая должность	Старший лаборант, ассистент кафедры социально-гуманитарных наук
Служебный тел./факс	8 (8172) 72-16-70
E-mail	NS_history@mail.ru
Почтовый адрес организации	160000, Россия, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15 (каб. 405)

Губанов Сергей Семёнович	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Профессор
Полное название организации – места работы	
Занимаемая должность	Главный редактор журнала «Экономист»
Служебный тел./факс	
E-mail	
Почтовый адрес организации	
Димони Татьяна Михайловна	
Учёная степень	Доктор исторических наук
Учёное звание	Профессор
Полное название организации – места работы	Вологодский государственный педагогический университет
Занимаемая должность	Профессор кафедры отечественной истории
Служебный тел./факс	8 (8172) 72-52-50
E-mail	dimoni@pochta.ru
Почтовый адрес организации	160017, Россия, г. Вологда, пр. Победы, д. 37
Иванов Валентин Александрович	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Профессор
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН
Занимаемая должность	Заведующий лабораторией аграрной экономики
Служебный тел./факс	8 (8212) 24-52-45
E-mail	ivanov@iespn.komisc.ru
Почтовый адрес организации	167982, Россия, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26
Ильин Владимир Александрович	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Профессор, заслуженный деятель науки РФ
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН»
Занимаемая должность	Директор
Служебный тел./факс	8 (8172) 54-43-79
E-mail	ilin@vscc.ac.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Куриков Владимир Михайлович	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Профессор
Полное название организации – места работы	Югорский государственный университет
Занимаемая должность	Профессор кафедры экономики
Служебный тел./факс	8(3467) 35-77-89 / 8(3467) 35-77-89
E-mail	VMKurikov56@mail.ru
Почтовый адрес организации	628011, Россия, ХМАО-Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16

Ларичкин Федор Дмитриевич	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Профессор, действительный член Международной академии регионального развития и сотрудничества (МАРС)
Полное название организации – места работы	Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН
Занимаемая должность	Директор
Служебный тел./факс	8 (81555) 7-93-10; 7-64-72 / 7-48-44
E-mail	lfd@iep.kolasc.net.ru
Почтовый адрес организации	184209, Россия, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а
Леонидова Галина Валентиновна	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	Доцент
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН»
Занимаемая должность	Зав. лабораторией исследования проблем развития трудового потенциала населения отдела исследования уровня и образа жизни населения
Служебный тел./факс	8 (8172) 54-43-95 / 54-44-02
E-mail	galinaleonidova@mail.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Печаткин Виталий Валентинович	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	Доцент
Полное название организации – места работы	Учреждение Российской академии наук Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН
Занимаемая должность	Зав. сектором «Экономическая безопасность»
Служебный тел./факс	(347) 235-55-33
E-mail	Pechatkin08@rambler.ru
Почтовый адрес организации	450054, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, Проспект Октября, д. 71
Печенская Мария Александровна	
Учёная степень	
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН»
Занимаемая должность	Младший научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах
Служебный тел./факс	8 (8172) 54-83-95
E-mail	marileen@bk.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Торопушина Екатерина Евгеньевна	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	Доцент
Полное название организации – места работы	Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН
Занимаемая должность	Старший научный сотрудник
Служебный тел./факс	8 (81555) 7-93-45
E-mail	toropushina@iep.kolasc.net.ru, wranka@rambler.ru
Почтовый адрес организации	184209, Россия, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а
Туинова Светлана Сергеевна	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	

Полное название организации – места работы	Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН
Занимаемая должность	Научный сотрудник
Служебный тел./факс	+7 (81555) 7-93-10
E-mail	touinova@iep.kolasc.net.ru
Почтовый адрес организации	184209, Россия, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а
Ускова Тамара Витальевна	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Доцент
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН»
Занимаемая должность	Заместитель директора по научной работе, заведующий отделом проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах
Служебный тел./факс	8 (8172) 54-43-95
E-mail	tvu@vscc.ac.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Фадеев Алексей Михайлович	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН
Занимаемая должность	Старший научный сотрудник
Служебный тел./факс	8 (81555) 7-93-10 / 7-48-44
E-mail	am_fadeev@rambler.ru
Почтовый адрес организации	184209, Россия, г. Апатиты, Мурманская обл., ул. Ферсмана, д. 24а
Чапаргина Анастасия Николаевна	
Учёная степень	Аспирант
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН
Занимаемая должность	Младший научный сотрудник
Служебный тел./факс	8 (81555) 7-64-72 / 7-48-44
E-mail	achapargina@yandex.ru
Почтовый адрес организации	184209, Россия, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а
Череповицын Алексей Евгеньевич	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Доцент
Полное название организации – места работы	Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН
Занимаемая должность	Главный научный сотрудник
Служебный тел./факс	8 (81555) 7-93-10 / 7-48-44
E-mail	alekseicherepov@inbox.ru
Почтовый адрес организации	184209, Россия, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а
Шабунова Александра Анатольевна	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Доцент
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН»
Занимаемая должность	Заведующий отделом исследования уровня и образа жизни населения
Служебный тел./факс	8 (8172) 54-43-95
E-mail	aas@vscc.ac.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

Требования к оформлению статей

Предлагаемые статьи должны содержать результаты исследований, обладающие новизной и практической направленностью, являться доступными по форме изложения для широкого круга читателей, соответствовать научной направленности журнала (экономические и социологические науки).

Статья должна, как правило, содержать следующие аспекты: цель работы; метод и методологию проведения работы; её результаты; область применения результатов; выводы. Выводы могут сопровождаться рекомендациями, предложениями, гипотезами, вытекающими из содержания статьи. Пристатейный список литературы должен быть представительным, демонстрировать профессиональный кругозор и качественный уровень исследований авторов. Работы в пристатейном списке располагаются в алфавитном порядке сначала на русском, затем на английском (или любом другом – на латинице) языке. При ссылке в тексте даётся номер работы в квадратных скобках.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, статистических и социологических данных, имён собственных, географических названий и прочих сведений, а также за то, чтобы в статье не содержалось данных, не подлежащих открытой публикации.

Приводимые в таблицах (графиках) стоимостные показатели, относящиеся к разным временным периодам, представляются, как правило, в сопоставимой оценке. Если в таблицах (графиках) содержатся сравнительные данные по отдельным территориям, видам экономической деятельности и т.п., то они представляются в ранговом порядке с указанием периода, по которому производится ранжирование.

Объём статьи – не более 40 000 знаков (1 а.л.), включая пробелы и сноски, для докторов и кандидатов наук (в том числе при соавторе, не имеющем учёной степени) и не более 20 000 знаков (0,5 а.л.) – для остальных авторов. Исключения по объёму возможны только по предварительной договорённости с редакцией.

Автор представляет текст статьи и сопроводительные сведения в печатном виде по почте (1 экз., на одной стороне листа) и идентичные материалы по электронной почте. Печатный вариант обязательно подписывается автором (авторами).

Текст статьи направляется в формате MS Word в соответствии со следующими параметрами: гарнитура Times Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5, сноски в порядке упоминания в тексте в конце текста арабскими цифрами. Графики и диаграммы для электронного варианта статьи выполняются в программе MS Excel и даются отдельным файлом, который должен содержать не только сами графические материалы, но и исходные данные (таблицы). Блок-схемы оформляются в формате MS Word или MS VISIO-2003.

Статье должен быть присвоен **индекс УДК** (располагается до заголовка статьи).

Статью должны сопровождать **аннотация** (600 – 700 знаков; предполагается описание следующих позиций: формулировка проблем, указание методики исследования и источников информации, характеристика основных результатов исследования, варианты решения проблемы) и **ключевые слова на русском и английском языках, библиографические списки**.

К статье прилагаются (отдельным файлом) **сведения об авторах статьи**, содержащие: заголовок статьи (**на русском и английском языках**), фамилию, имя, отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, полное название и адрес организации – места работы, занимаемую должность, телефон и факс, адрес электронной почты, почтовый адрес для переписки.

К электронному варианту статьи прилагается **цветная фотография автора (авторов)**, размером 4 на 6 см, в формате tif (предпочтительно) или jpeg, разрешением 300 dpi.

В соответствии с требованиями Гражданского кодекса РФ между авторами и редакцией журнала должен быть заключен Лицензионный договор с приложением к нему Акта приёма-передачи произведения. Эти документы, составленные по приведённой ниже форме и подписанные всеми авторами статьи, представляются в редакцию вместе с текстом статьи. Подписанный редакцией экземпляр договора будет направлен авторам по почте вместе с авторским экземпляром номера журнала.

Рукописи следует направлять **почтой** по адресу: 160014, Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН, редакция журнала, с пометкой «для публикации в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», а также **на электронный адрес**: common@vscc.ac.ru

Факс (8172) 54-44-02. Тел. (8172) 54-43-85 (доб. 144,125).

При полной или частичной перепечатке рукописей в другом издании обязательна ссылка на журнал.

Все рукописи подлежат рецензированию. Если у рецензента возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Датой поступления статьи считается дата получения редакцией окончательного варианта статьи. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений и сокращений, не искажающих смысла статьи.

С 2010 года в журнале открыта рубрика «Молодые исследователи», в которой публикуются рукописи аспирантов. Статья должна быть без соавтора, заверена научным руководителем, рекомендована научной организацией, за которой закреплён аспирант.

Внимание! В случае несоблюдения указанных требований статья редакцией не рассматривается.

С электронной версией журнала можно ознакомиться по адресу: <http://esc.vscc.ac.ru>

Типовой Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20 ____ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН», именуемое в дальнейшем «**Лицензиат**», в лице заместителя директора по научной работе _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый в дальнейшем «**Лицензиар**», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «**Сторона/Стороны**», заключили настоящий договор (далее – «**Договор**») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору **Лицензиар** предоставляет **Лицензиату неисключительные права** на использование _____,

(наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов)

именуемого в дальнейшем «**Произведение**», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. **Лицензиар** гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое **Лицензиату** Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. **Лицензиар** предоставляет **Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:**

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя **автора** Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты **Лицензиару** вознаграждения.

2.2. **Лицензиар** гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы **Лицензиату** по настоящему Договору, является оригинальным произведением **Лицензиара**.

2.3. **Лицензиар** гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключенному договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. **Лицензиар** передает права **Лицензиату** по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. **Лицензиар** обязан предоставить **Лицензиату** Произведение в **печатной/электронной версии** для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если **Лицензиатом** не предъявлены к **Лицензиару** требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объемом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приема-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приема-передачи Произведения является моментом передачи **Лицензиату** прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. **Лицензиат** обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права **Лицензиара**, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

4.1. Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.5. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.6. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.7. Во всем, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.8. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:
ИСЭРТ РАН

ИНН 3525086170; КПП 352501001
Юридический и почтовый адрес: 160014, г. Вологда,
ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН лиц. счет
03301113650
расч. сч. 40503810100001000206 (внебюдж.)
ГРКЦ ГУ Банка России по Вологодской области,
г. Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067, ОКОНХ 95110
Назначение платежа 31930201010010000130
п. 3 «Издание печатной продукции»

От Лицензиата

Зам. директора ИСЭРТ РАН

Лицензиар:

Ф.И.О. _____
Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____
Паспорт: серия _____ номер _____
выдан _____
когда _____
ИНН: № _____
Страховое свидетельство государственного
пенсионного страхования:
№ _____

Лицензиар:

подпись

подпись, ф., и., о. полностью

АКТ
приёма-передачи произведения

г. Вологда

« ____ » _____ 20 ____ г.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН», именуемое в дальнейшем «**Лицензиат**», в лице заместителя директора по научной работе _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый в дальнейшем «**Лицензиар**», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «**Сторона/Стороны**», составили настоящий акт о том, что Лицензиар предоставил Лицензиату Произведение _____ в **печатной/электронной версии** для использования в соответствии с подписанным сторонами Лицензионным договором № _____ от « ____ » _____ 20 ____ г.

Передал

Лицензиар:

Принял

От Лицензиата:

Зам директора ИСЭРТ РАН

подпись

ф., и., о. полностью

М. П.

подпись

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вам оформить подписку на журнал
«**Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз**».

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН» (ИСЭРТ РАН).

В журнале публикуются результаты исследований по оценке эффективности функционирования региональных социально-экономических систем Северо-Западного федерального округа России, секторов экономики субъектов округа и муниципальных образований по направлениям:

- стратегия развития;
- региональная экономика;
- социальное развитие;
- внешнеэкономические отношения;
- информационная экономика;
- проблемы расширенного воспроизводства и др.

Журнал включён в **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России №6/6 от 19 февраля 2010 года журнал включён в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Главная цель издания – предоставление широким слоям научной общественности и практическим работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения региональной экономики, принимать участие в обсуждении этих проблем.

Редакционная коллегия, осуществляющая независимую экспертизу научных статей, состоит из ведущих ученых ряда регионов России.

Журнал выходит 6 раз в год.

Журнал включён в межрегиональную часть каталога российской прессы «Почта России»: подписной индекс **83428**.

Каталожная цена одного номера журнала составляет 250 руб. (без учёта доставки). Подготовленный подписной бланк приведён в приложении.

Подписку на журнал можно также оформить через редакцию журнала. Для этого необходимо заполнить бланк заказа (его образец размещён на сайте журнала: URL: <http://esc.vscs.ac.ru/storage/docs/podpiska.pdf>) и выслать его в наш адрес. Вам будет выставлен счёт на общую сумму заказа, после оплаты которого производится высылка номеров журнала. В этом случае стоимость одного номера журнала будет составлять 275 руб. (с учётом доставки).

Оформить заказ можно по почте, факсу, электронной почте.

Адрес: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН)», 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а.

Тел. (8172) 54-43-85 факс. (8172) 54-44-02.

E-mail: common@vscs.ac.ru

Банковские *реквизиты*: ИНН 3525086170; КПП 352501001

УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН лиц. счет 03301113650)

расч. счёт 40503810100001000206 (внебюдж.)

ГРКЦ ГУ Банка России по Вологодской области, г. Вологда

БИК 041909001, ОКПО 22774067, ОКОНХ 95110

Назначение платежа 31930201010010000130 п. 3 «Издание печатной продукции»

Ф. СП-1		Министерство связи РФ														
		АБОНЕМЕНТ на <table border="1" style="display: inline-table; vertical-align: middle;"><tr><td>газету</td></tr><tr><td>журнал</td></tr></table> <table border="1" style="display: inline-table; vertical-align: middle;"><tr><td>83428</td></tr></table>										газету	журнал	83428		
газету																
журнал																
83428																
		«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» (индекс издания)														
		(наименование издания)										Количество комплектов:				
		на 2012 год по месяцам:														
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12			
Куда																
		(почтовый индекс)						(адрес)								
Кому																
		(фамилия, инициалы) Тел.														
		Доставочная карточка														
		ПВ		место литер		на		<table border="1" style="display: inline-table; vertical-align: middle;"><tr><td>газету</td></tr><tr><td>журнал</td></tr></table>		газету	журнал	<table border="1" style="display: inline-table; vertical-align: middle;"><tr><td>83428</td></tr></table>		83428		
газету																
журнал																
83428																
		«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» (индекс издания)														
		«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» (наименование издания)														
		Стоимость		подписки		руб. коп.		Количество комплектов								
				пере-адресовки		руб. коп.										
		на 2012 год по месяцам:														
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12			
Куда																
		(почтовый индекс)						(адрес)								
Кому																
		(фамилия, инициалы)														

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
	Е.С. Нефедова
Корректор	Т.Е. Езовских

Подписано в печать 05.03.2012.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 21,4. Тираж 500 экз. Заказ № 85.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-37798 от 12 октября 2009 года
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт социально-экономического развития территорий РАН»

Адрес издателя: 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН

Оригинал-макет подготовлен и отпечатан в ИСЭРТ РАН